475732 р
№2044

ПѢСНИ

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства.

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

—

Часть II.

Пѣсни Былевыя, Историческія.

*

Выпускъ 6.

Москва.

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.

475732

475732.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

Шв 6·241.
№ 2044.
К43

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства.

КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

475732

КУЙБЫШЕВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.
Въ типографіи Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.
1864.

Одобрено Цензурой. Москва, Мая 7-го, 1864.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1863 года, Мая 22-го, LXXII засѣданіе, пунктъ 4, б). Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что въ ближайшее за тѣмъ время будутъ печататься: выпускъ 6-й «Грозный Царь Иванъ Васильевичъ» и выпускъ 7-й «Отъ Ивана IV-го до Петра I-го;» тѣмъ кончится II-й томъ издаваемыхъ Обществомъ «Пѣсень.» Положено: по объему выпусковъ, назначить для одного цѣну 50 к., для другаго 1 рубль сер. и поручить П. А. Безсонову, приступить въ свое время къ продажѣ ихъ, не ожидая новыхъ постановленій Общества.

*

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1864-й годъ.

Выпускъ 6.

Пѣсни Былевыя, Историческія:

Москва.

Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.

Оглавленіе, общее для выпусковъ 6-го и 7-го, помѣщено будетъ въ концѣ сего послѣдняго.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

*

I.

Взята Казань.

1.

Охъ вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные!
Сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про ма́леньку:
Еще какъ государь Царь Казань городъ бралъ.

Онъ въ овражкѣ простоялъ,—онъ и кашку расхлебалъ,
Въ другомъ простоялъ, — онъ другую расхлебалъ;
Онъ подкопы копалъ подъ Казанку рѣку,
Онъ подводъ подводилъ подъ Казань городъ,
Онъ подкатывалъ бочки, бочки дубовыя,
Какъ со лютымъ со злымъ [1]) чернымъ порохомъ,
Затеплялъ же онъ свѣчу воску яраго.
Татарки Казанки, на стѣнѣ онѣ стояли,
На стѣнѣ онѣ стояли, ж..ы показали:
«Еще вотъ тѣ, государь Царь, Казань городъ взять!»
Государево сердечко разсерди́товалось,
Приказалъ онъ пушкаревъ казнить-вѣшать.

Выбиралися въ полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:
— Охъ гой еси, государь Царь Иванъ Васильевичь!
— Не приказывай, государь, казнить-вѣшати,
— Прикажи ты, государь Царь, слово выговорить:

---

[1]) Зельемъ.—*О.*

— На вѣтру свѣча скоро топится,
— Въ захолустьи свѣча долго теплится. —
Не успѣлъ же государь Царь слово выговорить, —
Еще начало же Казань городъ рвати,
Рвать-порывать, на всѣ стороны кидать,
Татарокъ Казанокъ въ рѣку всѣхъ бросать.

(Доставл. г. Варламовымъ).

*

2.

Добрые люди, послушайте,
А мы, малые ребята, станемъ сказывать
Про Грозна Царя Ивана Васильевича.

Какъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь
Къ Казани подходилъ, какъ Казань городъ бралъ,
Отъ Свіяжскаго отъ города подкопъ подводилъ
Онъ подъ славную подъ рѣчку подъ Казанку-рѣку,
Со своей силою войскою [1]);
Онъ и бочечки со порохомъ закатывалъ;
Затепляетъ онъ свѣчи воску яраго,
И поставилъ свѣчи воску яраго.

На вѣтрѣ свѣчи скоро топятся,
Въ закутѣ свѣчи долго топятся.
— Не вели ты, батюшка, казнить,
— Вели слово говорить. —
Не успѣлъ пушкарь слово молвити,
Правду выговорити,
Раскидало-разметало стѣну каменную.

(Отъ того же).

*

---

[1]) Военною; оттуда древнее *войска* вмѣсто *войско*, сохраненное и нынѣ у нѣкоторыхъ Славянъ. — *О.*

3.

(Москва).

Ужь вы люди ли, вы люди стародавніе,
Молодые молодцы, даволь [1]) послушати,
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про Грозна Царя Ивана Васильевича.

Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что Татары же по городу похаживали,
Что Грозна̀ Царя Ивана Васильевича поддразнивали,
Что и тутъ-то нашь Грозенъ Царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру мать землю,
Онъ велѣлъ ли, государь Царь, пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать, зажигальщичковъ,
Онъ велѣлъ, сударь, скоро казнить — скоро вѣшати.

Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить, —
Воску яраго свѣча затеплилася,
Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило Татаръ сорокъ тысячей,
[Сорокъ тысячей] и три тысячи.

(Запис. А. А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева; ср. Отеч. Зап. 1860, Апрѣль, Сборн. П. И. Якушкина).

*

---

1) Доволь, изволь, извольте. — *О.*

4 [1]).

(Саратовъ).

Кто бы намъ сказалъ про царёвъ походъ,
Про Грознаго Царя Ивана Васильевича?

Какъ онъ, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь,
Скоплялъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ, еще [2]) три года:
Сокоплёмши свою силушку, воевать пошелъ,
Онъ подъ славное царство Казанское;
Не дошедши до Казани, становился,
Становился нашь батюшка въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ заповѣдныихъ [3]).
Какъ онъ, Грозенъ Царь, подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казаночку [4]) подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону — подъ Булатъ подъ рѣку.
Мы съ порохомъ боченки закатывали,
Сорокъ бочекъ закатили [5]) съ [6]) лютымъ зельемъ,
[Съ лютымъ зельемъ,] съ [7]) порохомъ,
Зажигали на бочкахъ воску ярова свѣчи [8]),
Зажжёмши свѣчи, сами вонъ пошли [9]),
Сами вонъ пошли, сами прочь отошли.
А злые Татаришки [10]) по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего Царя Бѣлаго Ивана Васильича [11]) подражиниваютъ [12])...
На то Грозный Царь [13]) осердился:
«Подавай мнѣ пушкарёвъ казнить-вѣшать [14]!»

---

[1]) Разнорѣчія въ Сборн. гг. Костомар. и Мордовц. — [2]) «и». — [3]) «въ заповѣданныхъ.» — [4]) «подъ Казанку.» — [5]) «закатилъ.» — [6]) «со.» — [7]) «со.» — [8]) «Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску ярова.» — [9]) «прочь отошли.» — [10]) «Татарченки.» — [11]) «Васильевича.» — [12]) Добавленъ пропущенный стихъ: ««Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ ж... казать!»» — [13]) «Ив. Вас.» — [14]) «вѣшати.» — *О.*

Вотъ [1]) и выбрался изъ нихъ молоденькій [2]) пушкарь:
— Не изволь, государь, насъ вѣшать и казнить [3]),
— Дай ты намъ [4]) рѣчи сговорить:
— Наружи-то свѣчи — онѣ скоро горятъ,
— Въ подземельи-то [5]) свѣчи не скоро теплются. —
Не успѣлъ слова сказать, — стало бочки рвать,
Стало бочки рвать, землю на́ розно метать [6]),
И побило всѣхъ Татаръ каменничкомъ.

(Ср. Извѣст. А. Н., т. III; запис. А. Н. Пасхаловою).

*

5.

(Пермск. губ., с. Новое Усолье).

По городу Татаринокъ погуливаетъ,
Надъ нашимъ надъ Царемъ насмѣхается:
«« Не взять тебѣ Казань городъ ни во сто лѣтъ,
«« [Ни во сто лѣтъ,] ни во тысячу годовъ.»»
На это нашь государь приразгнѣвался,
Приказалъ нашь государь подъ Казань городъ,
[Подъ Казань городъ] подкопы подконати.
Подъ рѣчку Казанку подконы подконали,
Много бочекъ закатали съ чернымъ порохомъ,
Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровыя,
Молодые пушкари изъ подкону выходили,
Свѣчки догорѣли, — бочки не разорвало.
На то нашь государь приразгнѣвался и пріосердился,
Приказалъ нашь государь пушкареи своихъ казнить,
[Пушкареи своихъ казнить,] саблеи головы рубить.
Всѣ наши пушкарчики задумались — стоятъ,
[Задумались — стоятъ,] ничего не говорятъ,
Одинъ же пушкаричекъ осмѣлился,

---

[1]) «Какъ.» — [2]) «молодой.» — [3]) «вѣшать-казнить.» — [4]) «государь.» — [5]) «Въ подземельѣ.» — [6]) Прибавлено: «Какъ стѣны бросало за Булатъ-рѣку.» — *О.*

Къ Царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ:
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Не приказывай казнить, прикажи мнѣ говорить:
— На ходу-то наши свѣчки скоро горятъ,
— Во глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горятъ. —
Не успѣлъ слова вымолвить, —
Свѣчки догорѣли, бочки рóзорвало.
Теперь нашь государь привозрадовался,
Приказалъ нашь государь пушкарей своихъ дарить,
Всѣмъ пушкарямъ по пятидесятъ рублей,
Одному пушкарчику пятьсотъ ему рублей;
За то ему пятьсотъ: къ Царю близко подходилъ,
[Къ Царю близко подходилъ,] ему рѣчи говорилъ.

(Со словъ пріѣзжаго мужика, доставлено 1849 г. Директоромъ Пермскихъ училищъ; ср. «Этногр. Сборникъ,» вып. V).

*

6 [1]).

Вы, молодые робята [2]), послушайте,
Что̀ мы, стары старики, будемъ сказывати
Про Грознаго Царя Ивана про Васильевича.

Какъ онъ, нашь государь-Царь, подъ Казань городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды [3]) въ чистомъ полѣ разставлялъ.
Ой, Татаре [4]) по городу похаживаютъ,
И всяко грубіянство оказываютъ,
Они Грозному Царю насмѣхаются:
«« Ай, не быть [5]) нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!»»

---

[1]) Былина нѣсколько подправлена. — То же самое въ сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц., у Сахарова и въ другихъ пѣсенникахъ, откуда приведены разпорѣчія. — [2]) *Морд.* и *Сахар.* «ребята.» — [3]) *Морд.* «А пушки, снаряды.» — [4]) *Сахар.* «А Татаре;» *Морд.* «А Татарченки.» — [5]) *Морд.* «Не бывать.» — *О.*

Ахъ [1]), какъ тутъ нашь государь [2]) разгнѣвался [3]),
Что подрывъ такъ долго медлится [4]),
Приказалъ онъ за то [5]) пушкарей [6]) казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ [7]).

Какъ всѣ тутъ [8]) пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился [9]):
— Прикажи, государь-Царь, слово выговорить [10])? —
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить [11]),
Тогда лишь догорѣли зажигальныя свѣчи [12]),
И вдругъ разрывало [13]) бочки съ порохомъ,
Какъ стѣны бросать стало за Сулай за рѣку [14]).
Всѣ Татаре [15]) тутъ, братцы, устрашилися,
Они Бѣлому Царю покорилися.

(Пѣсенникъ Новиковскій, «Новое и полное собраніе Россійскихъ пѣсенъ,» М., 1780 г., Ч. I, № 123, стр. 141, 142; то же самое у Чулкова, «Собраніе разныхъ пѣсенъ,» Спб., 1770 г., Ч. I, № 125, стр. 136; почти то же—съ описками—въ Пѣсенникѣ Гурьянова, 1835, Ч. XIII; разнорѣчія изъ Сборниковъ Сахарова, гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

---

1) Тамъ же (и ниже): «Ужъ.» — 2) «государь-Царь.» — 3) «прогнѣвался.» — 4) Стихъ этотъ опущенъ. — 5) «Приказалъ онъ.» — 6) «пушкаревъ.» — 7) За симъ:

Что отъ нихъ измѣна учинилась,
Что на полѣ вся свѣча сгорѣла,
А подрывъ такъ долго медлится.

8) «А и тутъ всѣ.» — 9):

Большой за меньшого хоронится,
А одинъ пушкарь отважился.

10) «молвить.» — 11) «выговорить.» — 12) «Подъ землею свѣча догорала.» — 13) «И тутъ разорвало.» — 14) «Стало стѣны бросать за Сулай-рѣку.» — За симъ: Забросало палаты бѣлокаменны.» — 15) «Татары.» — *О.*

II.

1.

(Кирша Даниловъ).

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты.
А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
[Пробуждалася] царица Елена,
Симеону царю она сонъ разсказала:
«А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
«Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
«Въ сповидѣньицѣ много видѣлося:
«Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
«Кабы сизой орлище встрепенулся,
«Кабы грозная туча подымалась,
«Что на наше вѣдь царство напывала [1]).»

А изъ сильнаго Московскаго царства,
Подымался Великій Князь [2]) Московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичь, Прозритель [3]),
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными козаками,
Подходили подъ Казанское царство,
За пятнадцать верстъ становились,
[Становились] они подкопью подъ Булатъ-рѣку;
Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закаалти,
А и подъ гору ихъ становили,

---

[1]) Слѣдующее за симъ служитъ объясненіемъ сну; отъ сна былина переходитъ къ разсказу о самомъ событіи.— [2]) Ниже объяснено, что онъ сдѣлался Царемъ лишь по взятіи Казани.—[3]) Народное прозвище Ивана.—*О.*

КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ П. К. СИМОНИ.

Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ [1]);
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣя.
Вознапился тутъ Великій Князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичь, Прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна.

Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему, Князю, отвѣту нѣту;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
— Ты Великій, сударь, Князь Московскій!
— Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
— Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
— А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.—

Позадумался Князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышлять собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути [2]).

Они тѣ-то рѣчи говорили,—
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ:
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ Великій Князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,

---

[1]) Вѣроятно (по складу): «въ лагерѣ на полѣ.»— [2]) Эти три стиха явная вставка и относятся конечно къ царю Симеону, какъ, послѣ разсказаннаго сна, придумывалъ онъ оттянуть свершеніе событія; къ сожалѣнію этотъ эпизодъ не сохранепъ былинами.— За симъ слѣдуетъ прерванное, послѣ рѣчи пушкарей.—*О.*

Она съ радостью Московскаго Князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь [1]), Васильевича, Прозрителя:
И за то онъ царицу пожаловалъ,
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ Великаго Князя [2]),
Онъ и вынялъ ясны очи косицами [3]),
Онъ и взялъ съ него Царскую корону,
И снялъ Царскую порфиру,
Онъ Царской костыль въ руки принялъ

И въ то время Князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское Царство:
Что тогда, де, Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава [4]).

* *

[1]) Т. е. сударя, государя.— [2]) Сюда ошибочно отнесено Калайдовичемъ слово «онъ.»— [3]) Висками.— [4]) См. ниже «Замѣтку.»—*О.*

III.

1 [*]).

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень).

Ты куда, куда собираешься,
Православный Царь, изъ Москвы въ Казань [1])?
Не одинъ-то православный Царь собирается,
Беретъ добраго молодца и меня съ собой.
А мнѣ, доброму молодцу, ѣхать не хотѣлося,
Хотѣлося въ Москвѣ пожить,
[Въ Москвѣ пожить,] при дворцѣ служить,
При дворцѣ [служить] государевомъ.
Ничего-то мнѣ въ Москвѣ не пожалилось [2]),
Да только жалко зелена саду,
Да жалко мнѣ, доброму молодцу,
[Добру молодцу] въ саду три деревца:
Первое деревцо — купарисово,
Другое деревцо — зелена груша,
Третье деревцо — сладко яблонько [3]).

---

[*]) Слѣдующіе образцы переходятъ уже въ отдѣлъ пѣсень Молодецкихъ и Безымянныхъ. — *O.*

[1]) Стихи вѣроятно таковы:

Ты куда, куда собираешься?
Собирается православный Царь,
Православный Царь изъ Москвы въ Казань.

[2]) Не жалко.— [3]) Сладка яблонька? Сладко яблочко? — *O.*

Купарисово деревцо — родной батюшка,
А зелена груша — родна матушка,
Сладко яблонько — молода жена.
Гдѣ батюшка плачетъ, тутъ рѣка течетъ,
Гдѣ матушка плачетъ, ключи быстры текутъ,
Гдѣ жена плачетъ, — туманъ съ дождемъ.

Отъ ратника Картавенко, запис. П. В. Шейномъ).

* *

IV.

1.

Во славномъ городѣ во Казани,
Середи торгу на базарѣ,
Не ручей шумитъ, то слеза катúтъ
По бѣлу̀ лицу красной дѣвицы.
Что не трубушка вострýбила,
То возгóворитъ красавица,
Молодая Татарушка:
«Не отецъ не мать разлучили насъ,
«Разлучилъ насъ Великій Князь,
«Князь Иванъ сударь Васильевичъ:
«На лету убилъ ясна сóкола,
«А меня, младу, во плѣнъ берётъ.»

Отъ Г-жи Улыбышевой).

* *

V°.

1 *).

(Орловск. губ., Малоарханг. уѣзда, с. Сабурово).

Соловейко кукушечку уговаривалъ:
« Полетимъ, кукушечка, во мой зеленъ садъ:
« Во моемъ ли во садику зеленъ виноградъ,
« Во моемъ ли во садику молодчикъ гулялъ.
« Молодецъ молодешенькой, не веселъ онъ былъ.
« Чего добру молодцу веселому быть?
« Что журитъ-бранитъ батюшка, не зная за что,
« Нарекъ, нарекъ батюшка во солдаты отдать.
« — А мнѣ, доброму молодцу, не хотѣлося,
« — Хотѣлось молодцу хоть годокъ дома прожить,
« — Хоть годокъ дома прожить, во Москвѣ побывать,
« — Въ Москвѣ, въ Москвѣ побывать, солдатушекъ поглядѣть:
« — Солдатушки батюшки во строю стоятъ,
« — Во строю-строю стоятъ, по ружью держатъ.—»

*

2.

(Моск. губ., Звенигор. уѣзда, с. Ильинское).

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговариваетъ, все обманываетъ:
« Полетимъ, кукушка, во сыры̀ боры̀,
« Мы совьемъ, кукушка, тёпло гнѣздышко,
« И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
« Малыхъ дѣтушекъ, куколятушекъ!»
Ой, у ключика у холоднаго,
Молодецъ дѣвицу подговариваетъ,

*) Эта пѣсня началомъ своимъ одинакова съ послѣдующими, а концемъ съ выше помѣщенною въ Отд. III-мъ. — *О.*

Подговариваетъ, все обманываетъ:
« Мы пойдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
« Какъ Казань городъ на красѣ стоитъ,
« А Казанка рѣчушка медкомъ бѣжитъ,
« По горамъ—горамъ да всё ка́мушки,
« Да всё камушки, всё горючіе,
« По лугамъ-лугамъ да всё травушки,
« Да всё травушки, всё шелко́вья.»
— Не обманывай, добрый молодецъ:
— Я сама знаю про то — вѣдаю,
— Что Казань городъ на крови̇ стоитъ,
— А Казанка рѣчушка кровью бѣжитъ,
— По горамъ-горамъ всё головушки,
— Всё головушки да всё буйныя,
— По лугамъ-лугамъ всё черны̇ кудри,
— Всё черны̇ кудри молодецкія. —

*

3.

(Орловск. губ., Малоарх. уѣзда).

Соловей кукушку подговариваетъ,
Подговаривалъ, всё обманывалъ:
« Полетимъ, кукушка, во темны̇ лѣса̀,
« Мы совьёмъ съ тобою тёпло гнѣздушко.»

Молодецъ дѣвицу подговаривалъ:
« Поѣдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
« Казань городъ на красѣ стоитъ,
« На красѣ стоитъ, на крутой горѣ,
« Казапочка рѣчка медова̀ течётъ,
« Мелки ключики — зелено̀ вино,
« По лугамъ-лугамъ трава шёлкова,
« По горамъ-горамъ цвѣты алые,
« Цвѣты алые, всё лазоревы »

— Не обманывай, добрый мóлодецъ:
— Я сама давно про то вѣдаю,
— Что Казань городъ на костяхъ стоитъ,
— Казаночка рѣка кровавà течётъ,
— Мелки ключики—горючи слезы,
— По лугамъ-лугамъ всё вóлосы,
— По крутымъ горамъ всё гóловы,
— Молодецкія, всё Стрѣлецкія.—

*

4.

Соловей кукушку обманывалъ,
Онъ обманывалъ, подговаривалъ:
«Полетимъ, кукушка, вы темны лѣса,
«Вы темны ль лѣса, вы дремучіе,
«Совьемъ, кукушка, съ тобой гнѣздышко,
«Съ тобой гнѣздышко, съ тобой тёплое,
«Выведемъ, кукушка, съ тобой дѣтушекъ.»
Молодецъ дѣвицу обманывалъ,
Онъ обманывалъ, уговаривалъ:
«Поѣдемъ, дѣвица, вы Казань городъ:
«Что Казань городъ вы красѣ стоитъ,
«А Казанка рѣчка-та медомъ протекла,
«По лугамъ-лугамъ шелкова трава,
«По горамъ-горамъ тамъ всё камушки,
«Да всё камушки разноцвѣтные.»
— Молодецъ, молодецъ, не обманывай,
— Не обманывай, не подговаривай:
— Я сама знаю про все—вѣдаю,
— Что Казань-то городъ во крови стоитъ,
— Что Казанка-та рѣчка кровью протекла,
— Мелкіе ручьи — горючьми слезьми,
— По лугамъ-лугамъ да всё волосы,

— По горамъ-горамъ да всё головы,
— Да всё головы разноличныя.—

*

5.

Соловей кукушку подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Полетимъ мы, кукушка, во темны лѣса,
«Мы совьемъ ли, кукушка, тепло гнѣздо,
«И мы выведемъ малыхъ дѣтушекъ,
«Малыхъ дѣтушекъ соловьятушекъ.»
Молодецъ дѣвицу подговаривалъ,
Подговаривалъ, все обманывалъ:
«Мы поѣдемъ, дѣвица, во Казань городъ:
«Какъ Казань городъ на красѝ стоитъ,
«Казанка рѣчка медомъ протекла,
«А малы ручьи зеленымъ виномъ,
«По горамъ-горамъ по высокiимъ
«Лежатъ каменья самоцвѣтные,
«По лугамъ-лугамъ по зеленымъ
«Ростетъ трава шелковая.»
— Не обманывай, доброй молодецъ:
— Я сама знаю про то—вѣдаю,
— Что Казань городъ на кровѝ стоитъ,
— А Казанька рѣчка кровью протекла,
— Малые ручьи горючими слезами;
— По горамъ-горамъ по высокiимъ
— Лежатъ головы молодецкiя,
— Молодецкiя, все солдатскiя;
— По лугамъ-лугамъ по зеленымъ
— Лежатъ кудри молодецкiя,
— Молодецкiя, всё козацкiя.—

(«Новик. Пѣсенникъ»).

* *

VI.

1.

(Арханг. губ., Кола).

Шли солдатушки слободой,
Манятъ дѣвушекъ за собой:
«« Вы пойдемте-ко, дѣвушки, съ нами,
«« Съ нами, добрыми молодцами,
«« Не далече, до Казани:
«« Во Казани-то жить привольно,
«« Жить привольно, гулять охотно,
«« У насъ денежекъ предовольно,
«« У насъ домики пребогаты,
«« Бѣлокаменныя стоятъ палаты,
«« Межь домами-то текетъ рѣчка,
«« Течетъ рѣченька медовая,
«« По ней струечка золотая.»»
Что за рѣчепькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ-кустъ ракитовъ,
На кусточкѣ соловейко,
Соловеюшко сидитъ, громко свищетъ,
Громко свищетъ опъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
« Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
« На солдатскія на обманки:
« У солдатушекъ домы—горы,
« Домы—горы каменисты,
« Межъ домами-то текетъ рѣчка,
« Текетъ рѣченька да кровяная,
« По ней струечка слезена̀я.»

(Запис. г. Максимовымъ; ср. Сборн. Якушк. 1860 г.).

475782

2.

(Вологодск. губ.).

По Питерской дорожкѣ
Ѣхали обозы [1]),
За обозами шли матросы [1]),
Матросики молодые [1]),
Неженаты, холостые.
Въ эту пору
Вышла дѣвушка за водою, 2.
За холодной, ключевою. 2.
Матросики дѣвушкѣ говорили: 2.
«Ты поѣдемъ, дѣвушка, съ нами,
«Съ нами, молодцами [2]):
«У насъ жить-то,
«Дѣвушка, привольно [2]),
«Питья-кушанья довольно [2]),
«У насъ горы некрутыя [2]),
«У насъ рѣченька Казанка, 2.
«По ней струйка золотая.»»
Какъ одинъ-то матросъ
Дѣвушкѣ говорилъ: 2.
«Не сдавайся-ко, дѣвушка, на басни, 2.
«На солдатскіе обманы: 2.
«У насъ жить-то непривольно,
«Питья-кушанья-то недовольно, 2.
«У насъ горы-то крутыя, 2.
«Въ горахъ камешки простые, 2.
«Прошла рѣчка слезеная [3]),
«По ней струйка кровяная.»

(Ѳ. Студитскій, 1841 г.).

*

---

1) Послѣднее слово повторяется.— 2) То же.— 3) То же.—*О.*

3.

Шли матросы,
За матросами солдаты,
За солдатами обозы;
Они шли-прошли слободою,
Идётъ дѣвушка за водою;
Зовутъ дѣвушку за собою:
«Пойдёмъ, дѣвушка, съ нами,
«Съ нами до Казани:
«Отъ Казани Питеръ [1]) не далече;
«У насъ во Питерѣ жизнь—приволье,
«У насъ горушки сахарныя,
«У насъ ключики медовые.»
— Солдатушки, вы не обманывайте,
— Я сама, дѣвушка, про то знаю:
— У васъ горушки головныя,
— У васъ ключики кровавые,
— У васъ бережки ледяные.—

(Пѣсня *плольная*).

*

4.

(Тверск. губ.).

Шли-прошли обозы,
За обозами матросы;
Они шли-прошли слободою,
Звали Дунюшку съ собою:
«Пойдемъ, Дуняшка,
«Пойдемъ съ нами:

1) Питеръ и другіе города, вмѣсто Казани, вставлены позднѣе.—*О.*

«У насъ, Дуняшка,
«Жить привольно,
«Работать у насъ охотно,
«У насъ домы всё каменные,
«Текутъ рѣчки медовыя,
«У насъ горы восковыя,
«Въ горахъ камни дорогіе.»
— Не обманывайте, солдаты,
— Я сама про всё про то знаю:
— У васъ домики—палатки,
— У васъ горы—земляныя,
— Въ горахъ камни всё простые,
— Текуть рѣченьки слезовыя.—

(Запис. г. Турнымъ).

*

5.

(Симбирск. губ.).

Какъ по Московской
Было по дорожкѣ,
Шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
За солдатами шли матросы,
Матросы молодые;
Звали дѣвокъ за собой:
«« Вы пойдемте, дѣвки, съ нами,
«« Съ нами, съ молодцами,
«« Со Донскими козаками:
«« Какъ у насъ въ Москвѣ
«« Житье привольно,
«« Золотой казны довольно,
«« Тутъ текутъ рѣчки медовыя,

«Круты горы золотыя,
«Во горахъ камни золотые.»»
«Не склоняйтесь, дѣвки, на ба́лы,
«На солдатскіе на обманы!»

(Запис. Дм. А. Валуевымъ).

*

6.

(Симбирск. губ., Сенгил. уѣзда, въ с. Старомъ Ярыклѣ).

Какъ по Питерской было по дорожкѣ,
Тутъ шли-прошли обозы,
За обозами шли солдаты,
Солдатушки молодые, повобранны;
Они шли-прошли слобо́дою,
Звали дѣушекъ съ собою:
«Вы пойдемте, дѣвки, съ нами,
«Съ нами, добрыми молодцами,
«Со Уральскими козаками:
«У насъ дѣушкамъ жить привольно,
«Горы-долы у насъ золотые,
«Во горахъ камни дорогіе,
«Бѣжитъ рѣчушка медова́я,
«По рѣчушкѣ растетъ малина [1])
«И сладка ягода малина.»»

*

[1]) Калина.—*О.*

7.

(Бѣлая Русь).

Ишли-пройшли всё обозы,
Ишли да пройшли слободою,
Звали яны дѣвушакъ за собою:
«Идитя вы, дѣвушки, всё и зъ нами,
«Всё и зъ нами, за нашими обозами:
«Въ пашай жа сторонѣ добро житъ,
«У насъ жа то горушки грумовыя,
«По горахъ камушки золотыя,
«У насъ жа то рѣчушки мядовыя,
«У насъ жа то травица шоуковица!»
— А ня праўда ваша, соўдатушки:
— У вашай жа сторонѣ худо житъ,
— У васъ жа то горушки кулявыя [1]),
— У васъ жа то по горахъ камушки круповыя,
— Рѣчушки крывавыя,
— А по лугахъ травица всё мятлица.—

* * *

[1]) Изъ пуль, изъ ядеръ. — *O.*

Помочь Царю подъ Казанью.

I.

1.

(Симбирск. губ., с. Языково).

Не ясные соколики солеталися,
[Не] Персидскіе Мазуры [1]) собиралися,
Они думали-гадали думу крѣпкую,
Думу крѣпкую за единую:
«А кому-то намъ, ребяты, атаманомъ быть,
«Атаманомъ быть, есауломъ слыть?
«Атаманомъ быть Степанушкѣ,
«Есауломъ слыть Никитушкѣ [2]).»

Есаулъ рѣчь взговорилъ, — во трубу вострубилъ,
Атаманъ рѣчь взговорилъ, — во свирѣль взыгралъ:
«Какъ не полно намъ, ребяты, на моряхъ стоять,
«Не пора ли намъ, ребятушки, во Россіюшку итти?
«Какъ подъ городомъ по Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Стоитъ Бѣлый Царь, Царь Иванъ Васильевичь:
«Онъ не годъ стоялъ, не два года,
«Онъ стоялъ ровно семь годовъ:
«Не взявши Казань горюетъ, хочетъ прочь итти.
«Пойдемте-ка, ребятушки, на подмогушку,

---

[1]) Мазуры, Мазурушки — Мурзы, мурзушки: и ниже. — [2]) И ниже безпрерывная смѣна именъ — Ермака, Стеньки Разина и Никиты Романовича. — *О.*

« [На подмогушку] въ Волгу матушку!
« Еще какъ-то намъ, ребята, города̀ пройти?
« Астраханское славно царство пройдемъ съ вечера,
« А Царицынъ городочикъ во глухую полно̀чь,
« А Саратовъ славный городъ на бѣло̀й зарѣ,
« Вольской и Хвалынской средь бѣла дня,
« Сызрану и Самарѣ не поклонимся,
« Въ Жегулевскихъ крутыхъ горахъ остановимся;
« Мы вобьемъ-ка приколушки пихтовые,
« Мы чалики зачалимъ шелковыя,
« Мы сходенки положимъ кипарисовыя,
« Мы сойдемте-ка, ребята, на сухой берегъ,
« Мы взойдемте-ка, ребята, на крутой берегъ,
« Поглядимъ-ка, ребята, съ горы по̀дъ гору,
« Разобьемте-ка, ребятушки, три суденушка,
« Мы пошлемте-ка, ребятушки, записочки
« Царю Ивану Васильевичу:
« Возьму городъ Казань въ три часа!»

*

2.

(Сызранъ).

«« Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
«« Не пора ли намъ, братцы, возвратитися?
«« Подъ Казанью городочкомъ стоитъ
«« Бѣлый Царь Иванъ Васильевичь:
«« Мы пойдемте-ка на помочь къ нему!
«« Мы Астрахань городочекъ пройдемъ съ вечера,
«« А Саратовъ городочекъ на бѣло̀й зарѣ,
«« А Самарѣ городочку мы поклонимся,
«« Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся:

«Шатрики раскинемъ шелковые,
«Приколочки поставимъ дубовые,
«Сядемте, братцы, позавтракаемте,
«По рюмочкѣ мы выпьемъ, — поздравствуемъ,
«По другой мы выпьемъ, — пѣсни запоемъ,
«Погуляемъ да въ путь пойдемъ
«Подъ Казань городокъ!»»

*

3.

(Саратовъ).

Какъ далеченько, далеченько во чистомъ полѣ,
Да еще того подалѣй — на синёмъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Каспискімъ,
Что на славномъ было островѣ на Персидскімъ,
Собиралися музуры, добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
«Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть,
«Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
«Атаманомъ быть Ермилу Тимоѳеичу,
«Есауломъ слыть Пикитушкѣ Романычу.»»

Атаманъ-то рѣчь возговоритъ, что въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль играетъ:
«Не пора ли намъ, ребята, со сиія моря,
«Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
«Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?
«Астраханское славно царство пройдемъ съ вечеру,
«А Царицынъ городочикъ во глуху полночь,
«А Саратовъ на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
«Въ Жигулёвскіихъ горахъ мы остановимся:

«Вотъ мы чалочки причалимъ все шелко́выя,
«Вотъ мы сходенки положимъ все кедровыя,
«Атаманушку сведемъ двое подъ руки,
«Есаулушка, ребятушки, — онъ самъ сойдетъ.»

Какъ возговоритъ нашь батюшка атаманушка:
«Еще какъ-то намъ, ребята, Казань городъ брать?
«Вотъ подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Стоитъ Бѣлый Царь, Иванъ сударь Васильевичь,
«Онъ не много и не мало стоитъ — семь годовъ,
«Онъ подкопушки подкапывалъ все на семь верстъ,
«Калены стрѣлы пускалъ безсчётныя:
«Мы пойдемъ-ка же, ребята, на подмогу къ нимъ!»

(Запис. А. Н. Пасхаловою; ср. Изв. А. Н.).

* *

II.

1*).

(Симбирск. губ., с. Головино).

Далече-далече, во чисто́мъ полѣ,
Еще пода́лѣ, на синёмъ морѣ,
На синёмъ морѣ, на возмо́рьицѣ,
Выплывали-выгребали до́бры мо́лодцы,
Славные мазу́рушки Персидскіе.
Становились добры молодцы на зеленый лугъ,
Сходились добры молодцы во единый кругъ,
Думали крѣпку думу за единую:
«Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
«Атаманомъ быть Ермохѣ Тимоѳеичу,
«Есауломъ быть Никитѣ Иванычу.»

*) Слѣдующій за симъ отдѣлъ, мало по малу забывая о Казани, Иванѣ Васильевичѣ и Бѣломъ Царѣ, переходитъ къ простымъ Молодецкимъ и Безъименнымъ пѣснямъ.—*О.*

По́ кругу Ермакъ похаживаетъ,
Козакамъ добрымъ молодцамъ приказываетъ:
«Пойдемте-ка, робята, во Казань городъ;
«Подъ городомъ Казанью стоитъ Бѣлый Царь,
«Онъ стоялъ семь годовъ,
«На восьмомъ годочкѣ хочетъ прочь итти:
«Пойдемте, робята, поклонимся Бѣлому Царю!
«Казанскому губернатору не поко́римся,
«Саратовску губернію съ вечера пройдемъ,
«Царицынъ городочекъ во глухо́ю полно́чь,
«Въ Жегуляевскихъ горахъ остановимся,
«Остановимся, расположимся.»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

*

2.

(Тамъ же).

Далече-далече, во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ,—на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ на Каспійскіемъ,
Не ясные соколы солеталися,
Сходились-собирались добры молодцы,
Заславные [1]) музурушки Персидскіе.
Они думали думу крѣпкую за единую,
Выбирали они атаманушку походнаго.

Атамана-тъ говоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
А есаула-тъ говоритъ, какъ во свирѣль игратъ.

«Ой вы гой еси, дружья-братья, товарищи!
«Надобно намъ, братцы, атаманушку
«И надобно дородным есаулушку:
«Атаманомъ быть Никитушкѣ Романычу,

[1]) Разславные, преславные. —*О.*

«« Есауломъ слыть Ермилѣ Тимоѳеичу [1]).»»
« Не полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
« Не пора ли намъ, дородцымъ, на свѣжу̀ воду,
« На свѣжую воду — на Волгу, на Волгу матушку?
« И станемъ разбивать бусы-ка́рабли.
« Бусы-ка́рабли и лодки легкія.»

(Отъ того же).

*

3.

(Городъ Симбирскъ).

Какъ далече было—далѣ, во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ, — на синемъ морѣ,
Какъ на славномъ морѣ было на Каспійскіемъ,
Вотъ не яспы тутъ соколы слеталися,
Собиралися морзорушки Каспійскіе,
Еще стары бродяги безпашпортные,
Безпашпортные хайлы, да все разбойпички.
Они думали тутъ думушку за единое:
«« Да ко́му, де, изъ насъ, братцы, атаманомъ быть,
«« И кому изъ насъ, удалы, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Ермакъ — сынъ — Тимоѳеевичу,
«« Есауломъ слыть Пикитѣ — сынъ — Иванычу.»»

Атаманъ-то говорилъ, какъ въ трубу трубилъ,
Есаулъ-то говорилъ, какъ въ свирѣль игралъ:
« Еще полно ли намъ, братцы, на моряхъ стоять,
« Не пора ли намъ, удалы, воротитися
« Какъ во славную во нашу мать Россіюшку?
« Астрахань мы городочекъ съ вечера пройдемъ,

---

[1]) Переставлены рѣчи товарищей и атамана. — *О*.

«А Царицынъ городочекъ на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городочку тутъ поклонимся,
«Въ Жигулевскихъ мы горахъ жить остановимся.»

(Доставл. П. И. Юрьевымъ).

*

4.

(Отъ Самары до Ставрополя по Волгѣ).

На морѣ стояли разбойнички семь годовъ,
Разбивали они суда-корабли [1]),
Что [2]) Армянски, Татарски и купечески.
Они думали-гадали думу крѣпкую за единое [3]):
«А кому у насъ, ребята, атаманомъ [4]) быть?
«Атаманомъ быть Ивану Тимоѳеевичу [5]),
«Есауломъ быть Никитушкѣ Васильевичу [6]).
«А и какъ-то намъ будетъ [7]) города пройти?
«Славну Астрахань-то мати [8]) пройдемъ съ вечера,
«А Саратовъ и Дубовку на бѣлой зарѣ,
«Мы Самарѣ городишку [9]) не поклонимся,
«Въ Жигулинскихъ горахъ остановимся;
«Какъ мы колышки вколотимъ кленовые,
«А причалами причалимся шелковыми,
«Атаманушка Иванушка [10]) сведемъ подъ руки,
«Есаулушко Никитушка и самъ сойдетъ.»»

(«Москов. Вѣдом.,» 1861, № 210).

*

---

[1]) Разнорѣч. *Варенц.*, «Сборн. Нѣс. Самарск. края,» 1862: «судна-корабли.»— [2]) *Вар.* пѣтъ. — [3]) *Вар.* «за единую.»— [4]) *Вар.* «атаману;» и ниже.— [5]) *Вар.* «Тимоѳееву.»—У *Костомар.* «Степану Тимоѳеичу.» — [6]) *Вар.* «Есаулу... Васильеву.» — [7]) *Вар.* «Какъ-то намъ, ребятушки.» — [8]) *Вар.* «Астрахань-то, славну мати.» — [9]) *Вар.* «городишкѣ.» — [10]) «Атаманушку Иванушку.» — *О.*

5.

(Симбирск. губ., с. Головино).

Далече-далече, во чистòмъ пòлѣ,
Еще того далече,—на синёмъ морѣ,
На синёмъ морѣ на Каспійскіемъ,
На славномъ Черностовѣ, славномъ островѣ,
Не ясны соколы солеталися,
Сходились тутъ удалы-добры молодцы,
Музурушки Персидскіе.
Они думали крѣпку думушку за единую:
«« А пò роду мы рòду всѣ умны,
«« А одинъ изъ роду умнѣе всѣхъ:
«« Кому-то у насъ, братцы, атаманомъ быть?
«« Атаманомъ быть Микитушкѣ Тимоѳеичу,
«« Есаулошкѣ Ермилѣ Романовичу.»»

Возговоритъ Микитушка Тимоѳеевичь:
« Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« И не полно ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« На моряхъ стоять?
« Не пора ли намъ, добрымъ молодцамъ,
« На свѣжу̀ воду,
« На свѣ́жую на воду, — Волгу матушку?
« И сядемъ мы, добры молодцы, во лодки легкія,
« И станемъ разбивать бусы-ка́рабли
« И мелки судёнушки!»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

*

6.

(Той же губ., с. Усть-Урень).

Какъ далеченько-далеченько, въ чистомъ полечкѣ,
На синемъ-то на моречкѣ,
На Черностовскінмъ славномъ островѣ,
Не бѣленькія лебедочки солеталися,
Не ясные соколочки сопорхалися,
Соходилися музурушки Персидскіе,
Бурлаченьки пизовые безпашпортные,
И собирались они во единый кругъ,
Они думали-гадали думу крѣпкую за единую:
«« Ужь кому-то изъ насъ, доброму молодцу, атаманомъ быть,
«« И кому-то изъ насъ, доброму молодцу, есауломъ слыть?
«« Атаманомъ быть Матвеюшкѣ Тимоѳеевичу,
«« Есауломъ слыть Никитушкѣ Романовичу.»»

Атаманушка по округѣ похаживаетъ,
Онъ серебреной своей тростонькой помахиваетъ.
Атаманъ рѣчь возговоритъ, — въ трубу струбитъ,
Есаулушка слово молвитъ, — какъ въ свирѣль заиграетъ.

«« Ужь какъ-то намъ, ребятушки, протить въ славный Астрахань,
«« Ужь какъ-то намъ будетъ, ребятушки, по базару гулять,
«« Ужь чего-то намъ будетъ, братцы, на базарѣ закупать?
«« Ужь мы закупимъ нашему атаманушкѣ копя добраго,
«« Еще купимъ мы ему саблю вострую,
«« Есаулушкѣ мы закупимъ ружье огненно,
«« И поѣдемъ гулять по возморьицу.»»

(Запис. И. В. Шейпомъ, отъ И. Картавенко).

*

7.

(Тамъ же).

Какъ далеченько-далеченько, во чистомъ полечкѣ,
А еще того подалече,—на синемъ моречкѣ,
Какъ на славнымъ на Черностовскімъ было островѣ,
Какъ не бѣлыя лебедочки солеталися,
Какъ не ясные соколочки сонорхалися,
Сходилися музурушки Персидскіе
И низовые бурлаченьки безпашпортные;
Они думали-гадали думу крѣпкую за единую,
Выбирали себѣ атаманушку походнаго:
«Ужь кому-то у насъ, ребята, атаманомъ быть,
«Ужь кому-то, разудалые, есауломъ слыть?
«Атаманомъ быть у насъ Степану Тимоѳеевичу,
«А есауломъ слыть Микитѣ Романовичу.»

Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ,
Атаманушка рѣчь возговоритъ,—какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ,—какъ въ свирѣль заиграетъ.

«Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
«Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,
«Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку — коня добраго,
«А есаулу купимъ забавушку—ружье огненное.»

(Записано тѣмъ же, отъ Цыплова).

* *

III.

1*).

(Той же губ., Корсунск. уѣзда, Александровка).

. . . . . .

Атаманушка самъ по округу похаживаетъ,
На немъ бархатный кафтанчикъ на распашечку,
Бобровая его шапочка подъ назухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу,
Онъ серебряной своей тросточкой помахиваетъ;
Атаманушка рѣчь возговоритъ, — какъ въ трубу струбитъ,
Есаулъ рѣчь промолвитъ, какъ въ свирѣль заиграетъ.

«« Ужь какъ-то намъ будетъ, братцы, пройти въ славну Астрахань?
«« Мы проѣдемъ, братцы, въ славну Астрахань въ глухую полночь,
«« Ужь и купимъ-то мы, братцы, атаманушкѣ забавушку — копя добраго,
«« А есаулу купимъ забавушку — ружье огнепное.»»

И возговоритъ атаманъ Степанъ Тимоѳеевичь:
«Подъ Казань городокъ [1]) стоитъ Бѣлый Царь,
«Ни много, ни мало стоитъ, — семь годовъ,

*) Начало то же, какъ въ пѣсни предыдущей. — Здѣсь, не смотря на позднѣйшія вставки, важны подробности о взятіи Казани и то, что Былина въ концѣ непосредственно связуется съ Былинами о покушеніи на жизнь сына. Старикъ пѣвецъ пѣлъ все это въ связи, но записать успѣли у него лишь отрывки. — *О*.

[1]) Подъ Казанью городкомъ. — *О*

«Не взявши Казань городъ, хочетъ прочь итти:
«Пойдемъ-ка, удалые, на подмогу къ нимъ!
«Волжскій городокъ съ вечера возьмемъ,
«Царицынъ городокъ во глуху полночь,
«Мелкимъ городочкамъ не поклонимся,
«Казань-то городокъ на бѣлой зарѣ,
«Во самую во Микольскую во заутреню.»
. . . . . .

««Какъ намъ, братцы, пристать къ пристани?
««Ежели бокомъ пристать, станутъ палить изъ пушекъ,
««Ежели кормой пристать, ловить станутъ,
««Ежели пристать носомъ, примутъ подъ руки,—
««— На подмогу ѣдутъ къ намъ.—»»
. . . . . .

Вотъ Царь Иванъ Васильевичь шлетъ посланника:
— Ежели бокомъ пристали, палить изъ пушекъ,
— Ежели кормой пристали, ловить ихъ,
— Ежели жь носомъ пристали, принять ихъ подъ руки.—

И призываетъ онъ атамана:
— Скажись ты мнѣ, кто?—
«Слыхалъ ты? Степанъ Разинъ,
«Тимоѳеевъ съ молодцами.»
— Много ли у тея посланниковъ?—
«Три ста человѣкъ.»
— Во всѣхъ я тея прощаю,
— Только скажи, какъ Казань городъ взять?—
. . . . . .

Подвели подкопъ подъ Казанку подъ рѣку,
Пудъ порхву казну, затеплили свѣчи на бочкахъ,
И вышли сами подлѣ стѣны,
Въ рукахъ тоже свѣчи держутъ.
Осердился Царь Иванъ Васильевичь,—
Свѣчи всѣ дошли, а бочки не рветъ;
И хочетъ его казнить.

«Царь Иванъ Васильевичь!
«На верху свѣчка теплится,
«Ее вѣтромъ качаетъ.»
Только переговорили, — и зачало бочку рвать:
И полетѣли стѣны, гдѣ кого,
Гдѣ рука, гдѣ Татарска голова.
. . . . . .

Пріѣзжаетъ Царь Иванъ Васильевичь въ Москву,
Сдѣлалъ пиръ, съѣхались господа къ ему.
Гдѣ хвалится копями, гдѣ хвалится женами хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатыми [1]).
. . . . . .

(Записано отъ 80-тилѣтняго старика, тѣмъ же).

См. ниже Былины о помянутыхъ въ семъ отдѣлѣ лицахъ и вообще пѣсни Козацкія.

* *
*

1) Это уже начало Былинъ о покушеніи на смерть сына, которыя см. ниже и которыя начинаются такъ, непосредственно связуясь съ Былинами о взятіи Казани.—*О.*

Ермакъ. Сибирь покорена *).

Ср. Ермака въ вып. I-мъ, IV *Приложе.* и «Указатель.»

I.

1**).

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.
У казаковъ атамшушка [1])
Но имени Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь.

Не золота его [2]) трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ-то нашь Ермилъ Тимоѳеевичь:
«Ужь вы слушайте, братцы, послушайте,
«Дайте мнѣ, Ермилу, думушку придумати:
«Проходитъ у насъ лѣто теплое,
«Наступаетъ зима холодная,
«Еще гдѣ же намъ, казакамъ, зиму зимовать?
«Намъ на Волгѣ быть—все ворами слыть,
«На Яикъ итти—переходъ великъ,
«Подъ Казань итти—Грозенъ Царь стоитъ,

---

*) Былины этого отдѣла тѣсно связаны съ предыдущими, Козацкими, потому и ставятся въ промежуткѣ между «Взятіемъ Казани» и «Покушеніемъ на сына.»— Ср. «Замѣтку.»—*О.*

**) Былина странная и сомнительная; ср. «Замѣтку.»—*О.*

[1]) «Атаманушка.»— [2]) «Его» неумѣстно.—*О.*

«Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь:
«У него много силы-арміи,
«Не мало, не много,—сорокъ тысячь.
«Итти ль, не итти ль, братцы, намъ,—
«На Иртышъ рѣку:
«Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ,
«И пойдемъ къ Царю съ повинною,
«Возьмемъ топоръ съ пикою.»

Ловилъ Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь
Своего не лучшаго [1]) коня,
Вдѣвалъ свою уздечку тесмяную,
Накладывалъ портники [2]) бѣлы бумажны,
И накладывалъ свое сѣдельцо Черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости,
Садился Ермилъ на своего добра коня,
И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.

Пѣшкомъ идетъ Ермилъ—свою силу ведетъ,
Онъ идетъ потихохоньку и почастехоньку;
Подъѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу къ царскому,
Ко крылечику окрашенному [3]).
Онъ слѣзъ, Ермилъ, съ добра коня,
Потихохоньку и почастехоньку [4]),
Онъ пошелъ, Ермилъ,
Во царски бѣлыя полатушки,
Онъ идетъ, Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь,
Потихохоньку и почастехоньку [5]);
Онъ взошелъ во царски бѣлы во палатушки:
«Ты здорово, батюшка нашь, православный Царь,
«Иванъ сынъ [6]) Васильевичь!

---

[1]) Ни лучшаго, самаго лучшаго.— [2]) Потники.— [3]) Странно (вмѣсто «красному»).— [4]) Слѣзъ «почастехоньку!»— [5]) почастехоньку.— [6]) Народъ сказалъ бы «сударь.»—*О.*

«Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною,
«Я шатался-мотался, Ермилъ,
«По чисту полю и по синю морю,
«Разбивалъ я, Ермилъ, бусы-корабли,
«И Таксырскіе, и бусурманскіе,
«А больше корабли государевы,
«Государевы карабелички безъ примѣтушекъ,
«Безъ царскаго герба.»
Да возговорилъ нашь батюшка, православный Царь:
— Ужь вы гоій еси, князья-бояре
— И думные мои боярушки [1])!
— Еще что̀ мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ:
— Иль казнити, иль вѣшати?—

Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
«« Еще мало намъ Ермила
«« Казнити-вѣшати!»»
Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимоѳеевичь:
«Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
«Безъ суда хочешь меня казнити-вѣшати!»
Богатырска его сила подымалася
И богатырская его кровь разгоралася,
Вынималъ Ермилъ изъ своихъ пожень саблю острую:
Буйна голова отъ плечь могучихъ отвалилася [2])
И по царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
А думчіе боярушки испугалися,
Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжалися,
А царская хорантина [3]) перемѣнялась.

(Ср. Сахар., «Пѣсни Р. пар.,» ч. 4).

Объясненіе этой передѣланной Былинѣ находится въ слѣдующей:

* *

---

[1]) Бояре и боярушки!— [2]) Народъ сказалъ бы: «съ плечь повалилася.»— [3]) Вѣроятно хорунжіе: но какъ попало сюда это слово?—*О.*

II.

1 *).

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались козаки, други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единъ [1]) кругъ,
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичь;
Они думали думушку всё единую:
«Ужь какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
«А зима настаетъ, братцы, холодная:
«Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
«На Яикъ намъ иттить, — да переходъ великъ;
«Да на Волгѣ ходить намъ,—всё ворами слыть;
«Подъ Казань градъ иттить [2]),—да тамъ Царь стоитъ,
«Какъ Грозной-то Царь Иванъ Васильевичь,
«У него тамъ силы много множество:
«Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
«А намъ, козакамъ, быть переловленымъ,
«Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженымъ.»»

Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная — рѣчь громко возговоритъ,
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь:
«Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
«И меня, Ермака, братцы, послушайте:
«Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
«А зимою мы, братцы, поисправимся;

---

*) Сахаровъ напечаталъ съ измѣненіями, которыя укажемъ. —*О.*

1) *Сахар.* «во единый.» — 2) *Сахар.* «идти.»—*О.*

«А какъ вскроется весна красная,
«Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
«Мы заслужимъ предъ Грознымъ Царемъ вину свою:
«Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
«Да по синему морю по Хвалынскому,
«Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
«Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
«Мы убили посланничка все царскаго [1]),
«Какъ того-то вѣдь посланничка Персидскаго.»

Какъ во славномъ было городѣ во Астраханѣ [2]),
На широкой на ровной было площади,
Собирались козаки, други, во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
««Какъ зима-то проходитъ всё холодная,
««Какъ и лѣто настанетъ [3]), братцы, лѣто теплое:
«« Да пора ужь намъ, братцы, въ походъ иттить.»»

Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимоѳеевичь:
«Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
«Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
«Забивайте вы кочета [4]) словые,
«Накладайте бабанчки [5]) сосновые,
«Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью [6]),
«Мы пригряземте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
«Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
«Доберемся мы до царства бусурманскаго,
«Завоюемъ мы царство Сибирское,
«Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
«А царя-то Кучума во [7]) полонъ возьмемъ:
«И за то-то государь Царь насъ пожалуетъ;

---

[1]) *Сахар.* «не царскаго.» — [2]) *Сахар.* «Астрахани.» — [3]) Д. б. «настаетъ.» — [4]) Вбитые въ бортъ колышки, на которые надѣваютъ весло. — [5]) Весла. — [6]) *Сахар.* «помочью.» — [7]) *Сахар.* «въ.» — *О.*

«Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
«Я надѣну тогда шубу соболиную,
«Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
«Принесу я Царю Бѣлому повинную:
«— Ой ты гой еси, надежа, православный Царь!
«— Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
«— Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«— Какъ и я-то, воровской Донской атаманушка,
«— Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
«— Что по синю морю по Хвальинскому,
«— Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
«— Какъ и тѣ-то корабли всё не орленые;
«— А теперича, надежа, православный Царь,
«— Приношу тебѣ буйную головушку
«— И съ буйной головой царство Сибирское [1])!—»

Рѣчь возговоритъ надежа православный Царь,
Какъ и Грозной-то Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичь,
«Ой ты гой еси, войской [2]) Донской атаманушка!
«Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
«Я прощаю тебя да за твою службу,
«За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
«И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный-тихой Донъ!»

(Изъ «Русск. Старины» Карниловича).

* *

[1]) Отселѣ рѣчь забывается и переходитъ въ самое дѣло, какъ будто Ермакъ уже пришелъ и сказалъ. — [2]) Выше «воровской.» — *О.*

III.

1.

(Орловск. губ.).

Какъ было при старомъ при Царѣ при Иванѣ Васильевичѣ,
Было время нехорошее, время нездоровое:
Только слышишь брани-драки, всё-то буйныя дѣла!
Вотъ настало времечко счастливое:
Ужь и сталъ-то Грозный Царь Россеюшку любить,
Сталъ Россеюшку любить, чужи страны съ ней сводить.

Проявился въ Сибири славный-крѣпкій казакъ,
Славный-крѣпкій казакъ, по прозванію Ермакъ.
Ужь какъ этотъ-то Ермакъ, онъ сражался—не робѣлъ,
Онъ сражался—не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ Царю послалъ поклонъ:
«Ты прими, де, Грозный Царь, ты поклонъ отъ Ермака,
«Посылаю тѣ въ гостинецъ всю Сибирскую страну,
«Всю Сибирскую страну: дай прощенье Ермаку!»

(Отъ раскольника старика).

* *

IV.

1*).

(Кирша Данилов).

На славной Волгѣ рѣкѣ, на верхней изголовьѣ [1]),
[На верхней изголовьѣ,] на Бузанѣ островѣ,
На крутомъ-красномъ берегу,
На желтыхъ-разсыпныхъ нескахъ,
А стояли бесѣды, что бесѣды дубовыя,
Изподернуты [2]) бархатомъ;
Во бесѣдочкахъ тутъ сидѣли атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичь, Самбуръ Андреевичь,
[Самбуръ Андреевичь,] Анофрій Степановичь:
Они думушку думали за единою,
Какъ про дѣло ратное, про добычу козачую.

Что есаулъ ходитъ по кругу, по Донскому, Яицкому,
Есаулъ кричитъ голосомъ, во всю буйну голову:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы козачіе!
«У насъ кто на морѣ не бывалъ,
«[На морѣ не бывалъ,] морской волны не видалъ,
«Не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго,
«Отъ желанья тѣ Богу не маливались:
«Останьтеся таковы молодцы на Бузанѣ островѣ!»

---

*) Слѣдующія двѣ Былины, хотя и пѣлись въ розвь, на разный голосъ, но составляютъ одно цѣлое, въ которомъ первая половина ближе къ пѣснямъ предыдущимъ, а вторая отличается особыми подробностями и полнотою, доходя до смерти Ермака; ср. «Замѣтку.»—*О.*

[1]) Въ головахъ, вверху.—У Калайдовича раздѣлены стихи иначе.—[2]) Должно быть прибавлено: «бесѣды.»—*О.*

И садилися молодцы во свои струги легкіе,
Они грянули, молодцы, вниз по матушкѣ,
[Вниз по матушкѣ] Волгѣ рѣкѣ [1]),
По протокѣ по Ахтубѣ;
А не ярые гоголи на сине море вылыли,
Выгребали тутъ козаки середи моря синяго;
Противъ Матицы [2]) острова легки струги выдергивали,
И веселечки разбрасывали, майданы [3]) разставливали,
Ковры раздергивали, ковры тѣ Сорочинскіе,
И бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ;
А играли козаки золотыми тавлеями,
Дорогими вальящатыми [4]).
Посмотрятъ козаки, они, на море синее,—
Отъ того зеленаго отъ дуба кековистаго,
Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
Забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
И зачернѣлися на морѣ тутъ двѣнадцать кораблей:
А бѣгутъ тутъ по морю
Славны гости [5]) Турецкіе, со товары заморскими.
А увидѣли козаки тѣ корабли червленные,
И бросалися козаки на свои струги легкіе,
А хватали козаки оружье долгомѣрное
И три пушечки мѣдныя,
Напущалися козаки на двѣнадцать кораблей,
Въ три пушечки гукнули, а ружьемъ вдругъ грянули:
Турки, гости богатые,
На корабляхъ отъ того испужалися,
Въ сине море металися,
А тѣ товары заморскіе
Козакамъ доставалися,

---

[1]) Это одинаково значитъ и «гребнули,» грянули веслами, и грянули пѣснію «Внизъ по матушкѣ»: то и другое тѣсно соединяется въ самой этой пѣсни («Грянемте, братцы! Дунь, грянь!»); — ср. Былины выше. — [2]) Это можетъ быть и нарицательнымъ именемъ, — середняя верхушка, середина поверхности. — [3]) Помѣщенія для сборища, на стоянкѣ. — [4]) Ср. прежніе выпуски. — Выше показанъ образецъ, какъ дополнять эти короткіе стихи. — [5]) Торговцы. — *О.*

А и двѣнадцать кораблей.
А на тѣхъ корабляхъ одна не пужалася,—
Душа красная дѣвица,
Молода Урзамовна, мурзы дочь Турскаго.
Что сговоритъ дѣвица:—Не троньте меня, козаки,
— Не губите моей красоты,
— А и вы везите меня, козаки,
— Къ сильну царству Московскому, государству Россійскому,
— Приведите, козаки, меня въ вѣру крещеную.—
Не тронули козаки душу красну дѣвицу,
И посадили во свои струги легкіе.

А и будутъ козаки на протокѣ на Ахтубѣ,
И стали козаки на крутомъ-красномъ бережку,
Майданы разставливали, майданы тѣ Терскіе,
Ковры Сорочинскіе, а бесѣды разставливали,
А бесѣды дубовыя, подернуты бархатомъ,
А столы—дорогъ рыбій зубъ [1]);
А и кушали козаки тутъ они кушанье разное,
И пили питья медвяныя, питья все заморскія.
И будутъ козаки на великихъ на радостяхъ,
[На великихъ на радостяхъ] со добычи козачія,—
Караулы ставили, караулы крѣпкіе, отхожіе,
Сверху матки Волги рѣки,
И съ низу таковыя жь стоятъ,—
Запилися, молодцы, а всѣ они до единаго.
А втапоры и во то время на другой сторонѣ
Становился стоять Персидской посолъ,
Коромышевъ Семенъ Константиновичь [2]),
Со своими солдаты и матросами.
Козаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ,
Напущалися на нихъ дратися, ради корысти своея.

---

[1]) Ср. прежніе выпуски.— [2]) См. это лицо въ Былинахъ ниже, и въ другихъ выпускахъ.—*О.*

Вѣдалъ ли, не вѣдалъ о томъ Персидской посолъ,
Какъ у нихъ драка сочинилася,—
Въ той было дракѣ Персидскаго посла
Солдатъ пятьдесятъ человѣкъ,
Тѣхъ козаки прибили до смерти,
Только едва остались три человѣка,
Которые могли убѣжать на корабль,
Къ своему послу сказывати.
Не разобралъ того дѣла Персидской посолъ,
О чемъ у нихъ драка сочинилася,
Послалъ онъ сто человѣкъ,
Всю ту правду распрашивати.
И тѣмъ солдатамъ показалися [1]),
Что тѣ люди стоятъ недобрые:
Зачали съ козаками дратися.
Втапоры говорилъ имъ большой атаманъ,
[Большой атаманъ] Ермакъ Тимоѳеевичь:
«Гой вы еси, солдаты хорошіе, слуги Царя вѣрные!
«Почто съ нами деретеся, корысть ли отъ насъ получите?»
Тутъ солдаты безумные на его слова не сдавалися,
И зачали дратися боемъ-то смертнымъ,
[Боемъ-то смертнымъ,] что дракою некорыстною.
Втапоры доложился о томъ большой есаулъ,
[Большой саулъ] Стаѳій Лаврентьевичь:
«Гой вы еси, атаманы козачи!
«Что намъ съ ними дѣлати?
«Солдаты упрямые лѣзутъ къ намъ,
«[Лѣзутъ къ намъ] съ дракою въ глаза?»
И на тѣ его слова большой атаманъ,
[Большой атаманъ] Ермакъ Тимоѳеевичь
Приказалъ ихъ до смерти бити
И бросати въ матку Волгу рѣку.
Зачали козаки съ ними дратися,

---

[1]) Показалося? — *O*.

И прибили ихъ всѣхъ до смерти,
Только изъ нихъ единъ ушелъ капралъ островской,
И прибѣжавши на свой корабль къ послу Персидскому,
Семену Константиновичу Коромышеву,
Сталъ обо всемъ ему разсказывати,
Кака у нихъ съ козаками драка была.
И тотъ Персидской посолъ не размыслилъ ничего,
Подымался онъ со всею гвардіею своею
На тѣхъ Донскихъ козаковъ;
Втапоры жь подымалися атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичь, Самбуръ Андреевичь,
[Самбуръ Андреевичь] и Анофрій Степановичь:
И стала у нихъ драка великая и побонище смертное.
А атаманы козачіе, сами они не дралися,
Только своимъ козакамъ цыкнули:
И прибили всѣхъ солдатъ до смерти,
Ушло ли, не ушло—съ десятокъ человѣкъ,
И въ той же дракѣ убили самого посла Персидскаго,
Семена Константиновича Коромышева.
Втапоры козаки всѣ животы посла Персидскаго
Взяли себѣ, платье цвѣтное,
Клали въ гору Змѣевую.

Пошли они, козаки, по протокѣ по Ахтубѣ,
Вверхъ [1]) по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А и будутъ козаки у царства Астраханскаго,
Называется тутъ Ермакъ со дружиною
Купцами заморскими;
А явили въ таможнѣ товары разные,
И съ тѣхъ товаровъ платили пошлину
Въ казну государеву,
И тѣми своими товарами
Торговали безъ запрещенія.

Тѣмъ Старина и кончилась.

*

---

[1]) Должно быть: «вниз.» — *Прим. К. Ѳ. Калайдовича.*

*

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы-добры молодцы,
Донскіе славны атаманы козачіе,
Ермакъ Тимоѳеевичь, Самбуръ Андреевичь,
[Самбуръ Андреевичь] и Апоѳрій Степановичь.
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ козакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичь:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы козачіе!
«Некорыстна у насъ шутка зашучена:
«Гуляли мы по морю синему
«И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
«Убили мы посла Персидскаго
«Со всѣми его солдатами и матросами,
«И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
«И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
«Въ Астрахани — жить не льзя,
«На Волгѣ жить — ворами слыть,
«На Яикъ итти — переходъ великъ,
«Въ Казань итти — Грозенъ Царь стоитъ,
«Грозенъ Царь осударь Иванъ Васильевичь;
«Въ Москву итти — перехватаннымъ быть,
«По разнымъ городамъ разосланнымъ
«И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ [1]).
«Пойдемте мы въ Усолья ко Строгоновымъ,
«Ко тому Григорью Григорьевичу,
«Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ:
«Возмемъ мы много свинцу-пороху и запасу хлѣбнаго.»

---

[1]) Вѣроятно «разсоженнымъ,» какъ и въ предыдущихъ Былинахъ. — *О.*

И будутъ они въ Усольѣ у Строгонова,
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу-пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать [1]).
И нашли они пещеру каменну,
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру козаки,
Много не мало [2]) — двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похужѣе, на другой сторонѣ,
Въ такую жь они пещеру убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима замовать.

Та зима проходитъ, весна настаетъ:
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной рѣкѣ;
Сталъ Ермакъ убиратися со своими товарищами.
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки:
На той Баранченской переволокѣ,
Одну тащили, да надсѣлися, тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку, — обрадовались,
Подѣлали боты сосновые и лодки набойницы,
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ.
И скоро [3]) они выплыли на Тагиль-рѣку,
У того Медвѣдя камня, у Магницкаго горы [4]), становилися;
А на другой сторонѣ было у нихъ плотбище [5]):
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ, козаки, съ весны до Троицева [6]) дня:
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися.

---

[1]) Древнее словосочиненіе. — [2]) Не много, не мало, ровно. — [3]) Какъ скоро, когда. — [4]) У Магницкія горы? — [5]) Мѣсто постройки судовъ. — [6]) До Тройцева; обыкновеннѣе «Тройцынъ.» — *О.*

И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку,
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку:
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.

Поплыли по Тоболь-рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли:
Тутъ они князька полонили небольшаго,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь-рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскихъ,
На изголовѣ становилися,
И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхнимъ,
Самбуръ Андреевичь устьемъ среднимъ,
Анофріи Степановичь устьемъ нижнимъ,
Которое устье внало противъ самой горы Тобольскія.
И выплыли два атамана козачіе,
Самбуръ Андреевичь и Анофріи Степановичь,
Со своими товарищами на Иртышь-рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая
Со тѣми Татары Котовскими:
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
А козакамъ взять не можно ихъ.
И была баталія цѣлой день,
Прибили козаки тѣхъ Татаръ не мало число.
И тому Татары дивовалися, —

Каковы Руски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ:
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики налѣплено,
Только козаки всѣ невредимы стоятъ [1]);
И тому Татары дивуются паипаче того.
Въ то же время пришелъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичь,
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума царя Татарскаго;
А перваго князька, поиманнаго,
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ,
Чтобы они въ дракѣ съ козаками помирилися:
«Ужь, де, царя вашего во полонъ взяли
«Тѣмъ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевымъ.»
И таковы слова услыша, Татары сокротилися,
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ Сибирскіихъ:
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума царя утвердилъ Сабанака Татарина,
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня:
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами [2]) вмѣстѣ спивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.

И убравши Ермакъ со всѣми козаки [3]),
Отъѣзжалъ въ каменну Москву,
Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу.
И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Москвѣ,

---

[1]) Дѣло идетъ о соломенныхъ чучелахъ. — [2]) Мездрами, непушистой стороной, выворотами. — [3]) Или «убравшись,» или «убравши (наряднвши) совсѣмъ козаки (козаковъ).» — *О.*

На канунъ праздника Христова дня [1]),
Втапоры подкушилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложилъ объ немъ Царю Грозному.
На самой праздникъ—Христовъ день,
Какъ изволилъ Царь государь итти отъ заутрени,
Втапоры доложилъ объ нихъ Никита Романовичь:
«Что, де, атаманы козачіе,
«Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи,
«Къ твоему Царскому Величеству съ повинностью пришли,
«И стоятъ на Красной площади.»
И тогда Царь государь
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того атамана Ермака Тимоѳеева,
Со тѣми его товарищи.
Тотчасъ ихъ ко Царю представили
Въ тѣхъ шубахъ соболиныхъ;
И тому Царь удивляется,
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
До того часу, когда спросятся.
Втапоры Царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное,
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума царя Татарскаго
И вся сила покорилася тому Царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника,
Приказалъ Царь государь
Того Ермака предъ себя привести.
Тотчасъ ихъ собрали
И ко Царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ Царь государь:
«Гой ты еси, Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!

---

[1]) Свѣтлаго Воскресенья. —*О.*

«Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ
«И напрасныхъ душь губилъ,
«И какимъ случаемъ Татарскаго
«Кучума царя полонилъ,
«И всю его Татарскую силу
«Подъ мою власть покорилъ?»
Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ Царемъ на колѣни налъ,
И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи подавалъ [1]),
И при томъ говорилъ таковыя слова:
— Гой еси, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичь!
— Пришошу тебѣ, осударь, повинность свою:
— Гуляли мы, козаки, по морю синему,
— И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
— И въ то время годилося мимо итти послу Персидскому,
— Коромышеву Семену Константиновичу,
— Со своими солдаты и матросами;
— И они напали на насъ своею волею,
— И хотѣли отъ насъ поживитися;
— Козаки наши были пьяные, а солдаты упрямые,
— И тутъ Персидскаго посла устукали
— Со тѣми его солдаты и матросами.—
И на то Царь государь не прогнѣвался,
Но и паче [2]) умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати.

И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую,
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскімъ,
Брать съ нихъ дани-выходы въ казну государеву.
И по тому приказу государеву,
Поѣхалъ Ермакъ Тимоѳеевичь

---

[1]) Въ Былинѣ не только перебито стихосложеніе, не только она ниспускается до такъ называемой «бабьей Старины,» но даже и до простаго Сказанія.—[2]) Напаче, напаче?—*О.*

Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ Татаръ Котовскихъ,
Сталъ онъ ихъ наибольше [1])
Подъ власть государеву покаряти,
Дани-выходы безъ запущенія выбирати.

И годъ-другой тому времени поизойдучи,
Тѣ Татары взбунтовалися [2]),
На Ермака Тимоѳеева напущалися,
На той большой Енисеѣ-рѣкѣ.
Втапоры у Ермака были козаки разосланы
По разнымъ дальнымъ странамъ,
А при немъ только было козаковъ—
На дву коломенкахъ.
И билися-дралися съ Татарами время не малое.
И для помощи своихъ товарищевъ,
Онъ, Ермакъ, похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ,
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей-быстру-рѣку:
Тутъ Ермаку такова смерть случилась [3]).

При Былинахъ этого отдѣла ср. другія Былины ниже, въ другихъ выпускахъ, и вообще Пѣсни Козацкія.

* *
*

---

[1]) На́большихъ?— [2]) Свобода словосочиненія («поизойдучи — взбунтовалися»), весьма часто встрѣчаемая въ народномъ творчествѣ.— [3]) «Случилàсь» или «случилася,» судя по стихосложенію и напѣву.—*О.*

Царь хочетъ убить сына *).

I.

1.

(Владимірск. губ., Константиновская волость).

У насъ было во матушкѣ въ каменной въ Москвѣ,
У Царя было Ивана Васильевича,
Былъ у него почетный пиръ,
Было у него столованія великое:
Съѣзжались князья и боляра,
Сильные-могучіе богатыри,
И вся полени́ца [1]) удалая.
Пиръ на полу-пирѣ,
А столъ на полу-столѣ,
Полъ-сыта бояры наѣдались,
Полъ-пьяна боляры напивались,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь распотѣшился,
Самъ по палатушкамъ похаживалъ,
Во красное окно поглядывалъ,
Черныя кудри разчесывалъ частымъ гребешкомъ,
Самъ говоритъ таковыя словеса,
Онъ сказалъ боярамъ: «Пейте и проклажайтеся,

---

*) Какъ сказано, Былины слѣдующаго разряда, о покушеніи на жизнь сына, непосредственно связываются со «взятіемъ Казани.» Въ промежуткѣ поставлены у насъ Былины «О помочи подъ Казанью и Ермакѣ,» потому, что и эти послѣднія, съ другой стороны, также связаны съ Казанью. — *О.*

[1]) См. прежніе выпуски. —*О.*

«Ничѣмъ собою не похвалитеся [1]):
«Вывелъ я измѣны изъ своей земли,
«Вывезъ Перфила [2]) изъ Царя-града!»
Да иной о немъ дрогнули [3]),
И царство ужаснулися [4]),
Не знаютъ отвѣта дать:
Большой за малаго хорошится,
А малаго за большимъ давно не знать.
Выходитъ-выступаетъ Великій Князь,
Молодой Иванъ Ивановичь,
Самъ говоритъ такія словеса:
— Отселя [5]) мой родной батюшка,
— Грозной мой Царь Иванъ Васильевичь!
— Позволите ль слово молвовить,
— Не вели за слово повѣсить,
— Не будь опалитъ [6]) за мои словеса:
— Помнишь ли и памятуешь ли,
— Какъ стояли подъ городомъ и по Дóнскія [7])?
— Много мы силы потратили:
— Была у насъ измѣнушка великая
— Отъ твоего сына порожденнаго,
— Отъ молода Ѳёдора Иванова.—

Грозенъ Царь опаляется
На своего сына порожденнаго Ѳёдора Ивановича:
«У мене ли не стало ли грозныхъ полачей?»
Сходилось полачей всё десятками,
Сходилось полачей и полуторами,
Не знаютъ полачи, какъ отвѣту дать:
Большой за малаго хорошится,
А малаго за большимъ давно не видать.
Выходитъ-выступаетъ малая Малютка, Скуратинъ сынъ,
Говоритъ такія слова:

[1]) Не похваляйтеся (за чѣмъ не похваляетеся? ср. другія Былины).»— [2]) Порфиру. — [3]) Дрогнулся, дрогнулся. — [4]) Такъ, подобно: «народъ говорили» и т. д. — [5]) Вѣроятно вмѣсто «гой еси.»— [6]) Не опалясь, не распалясь. — [7]) Испорчено вмѣсто «подо̀ Псковомъ.»—*O.*

«« У меня ли руки подымутся
«« На ваши ли роды на царскіе,
«« Не дрожитъ моя рука со вострой саблей!»»
Взялъ онъ Ѳедора Ивановича за бѣлыя руки,
За тѣ ли перстни позолочоныя,
Скоро повелъ за̀ Москву рѣку,
Ко этому мѣсту ко Лобному,
Ко этой плахѣ ко липовой,
Грознами казнити казнями [1]),
Очи вынимать косицами [2]),
Языкъ вырѣзать изъ темени.
По сѣнямъ по новымъ по косящатымъ,
Не красное солнышко покатилось на̀ земли,
Проходила тутъ Царица благовѣрная
Ко своему брату любезному,
Къ молоду къ Микитѣ Романовичу:
«Вотъ мой милой братецъ,
«Микита Романовичь!
«Что̀ спишь — не про̀спешься,
«Ничего ты не знаешь ли?
«Какъ упала звѣзда поднебесная,
«Погасла свѣча мѣстная,
«Не стало у насъ Царевича
«Ѳедора Ивановича:
«Сей часъ повели за Москву рѣку,
«Ко тому ли мѣсту ко Лобному,
«Ко той плахѣ ко липовой,
«Разными казнити казнями.»
Скоро вставалъ на рѣзвыя ноги,
Сапоги надѣвалъ на босыя ноги,
Шубу надѣвалъ рукавомъ на плечо,
Шапку надѣвалъ блиномъ на главу,
Садился на копя не на сѣдланаго,
Скоро поскакалъ за Москву рѣку,
Ко тому ли мѣсту ко Лобному,

---

[1]) Въ подлинникѣ пропущено: «казнити.» — [2]) Висками. — *О.*

Ко той ли плахѣ ко липовой,
Самъ скричалъ громкимъ голосомъ
И шапкою машетъ:
— Богъ того помиловалъ,
— Царь государь его жаловаетъ!
— И ты, малая Малютка, Скуратинъ сынъ,
— Не за свой ты кусъ принимаешься,
— Этимъ кусомъ самъ подавишься! —
Ткнулъ онъ Малютку во бѣлую грудь,
И Малютка на ногахъ не устоялъ,
И живъ не бывалъ.
Взялъ онъ Ѳедора Иваповича за бѣлыя руки,
И повелъ онъ на широкій дворъ,
Во свою палату бѣлую каменную:
Посадилъ на стулъ позолоченой.
Не долгое время помѣшкамши,
Ударили къ обѣднѣ ко ранней.
Иде тутъ батюшка,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
На немъ платье жь троворное и нерадошное;
Богу молится и покланяется,
А самъ горючимъ слезы заливается.
Ѣдетъ тутъ свѣтлѣйшій князь,
Молодой Микита Романовичь,
На немъ платье паратное;
Молится, покланяется, и самъ улыбается,
Говоритъ Царю на усобшку [1]):
— Здрастуй, нашь государь,
— Царь Грозной Иванъ Васильевичь!
— Поздравляю васъ съ двумя сынами:
— Съ первымъ — Иванъ-Ивановичемъ,
— Съ другимъ — Ѳедоромъ Ивановичемъ!—
Грозный Царь опалятся
На своего шурина Микиту Романовича:
«Или ты мною насмѣхаешься,

[1]) На особицу. — *О.*

«Или ты не знаешь и не вѣдуешь,
«Что упала звѣзда поднебесная,
«Угасла свѣча мѣстная,
«Не стало молода царевича
«Ѳедора Ивановича?
«Скоро повели за Москву рѣку,
«Ко мѣсту ко Лобному,
«Ко той ли плахѣ ко липовой,
«Грозными казнити казнями,
«Очи вынимать косицами,
«Языкъ вынимать изъ темени!»
Возговоритъ свѣтлѣйшій князь,
Молодой Микита Романовичь:
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Твой сынъ у меня сидитъ,
— Во моихъ палатахъ бѣлыхъ-каменныхъ,
— Жалобу творитъ на своего брата любезнаго,
— На молода Ивана Ивановича,
— «Что привелъ меня къ смерти напрасной!»—

Грозенъ Царь возрадовался:
«Ой еси, свѣтлѣйшій князь!
«Чѣмъ тебя жаловать?
«Ой [1]) тебя пожаловать — треть земли,
«Или золотой казной, или городомъ,
«Или крестьянами, или Москвою?»
— Не надобно мнѣ ни треть земли,
— Ни каменной Москвы,
— Пожалуй мене тремя улицами,
— Первою улицею Арбатскою,
— Второю улицею Никитскою,
— Третью улицу — Мясницкую:
— Кто взойдетъ въ нихъ,
— Не было [2]) не взыску, ни вынемки [3]). —

* *

1) То есть: «ой ли, оли.» — 2) Не было бъ. — 3) Не вынимали бы тамъ ни иску или на судъ), не обыскивали и не захватывали. — *О.*

II.

1.

(Симбирск. губ.)

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Стояли палаты бѣлокаменныя:
Полы́ во палатахъ бѣлорыбицывые [1]),
Столы во палатахъ бѣлоду́бовые,
Разо́стланы скатерти браныя,
Поставлены яства саха́рныя.
За тѣми столами за дубовыми
Сидитъ же нашь батюшка Грозный Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь;
Онъ и пьётъ и ѣстъ—прохлажается,
Онъ и хвалится-восхваляется:
«Сдержалъ же я землю Свято-русскую!
«Скрѣпилъ же я мать каменну́ Москву!
«Я вышулъ измѣну изъ Нова-города,
«Изъ Новаго Города Низовскаго!»
Возго́воритъ ца́ревичь его:
— Ахъ ты батюшка нашь, Грозный Царь!
— Ты пьёшь и ѣшь—прохлажаешься,
— Ахъ ты хвалишься-похваляешься:
— «Сдержалъ же я землю Свято-русскую,»
— Скрѣпилъ ты мать каменну́ Москву,
— Вышулъ измѣну изъ Нова-города;
— Не вышешь измѣны изъ палатъ своихъ!—

---

1) Изъ рыбьяго зуба, мамонтова, или моржовой кости.—*О.*

На то сударь Царь осержается;
Выходилъ же онъ на красёнъ крылецъ,
Закричалъ же онъ громкимъ голосомъ:
«Вы пошлите моихъ грозныхъ палачёвъ,
«Берите царевича за бѣлы руки,
«Ведите его ко новымъ рѣлямъ [1]),
«Ко новымъ рѣлямъ, къ петлѣ шёлковой!»
Упала звѣзда поднебесная,
Угасла свѣча воску яраго:
Не стало мово царевича,
Царевича Ѳёдора Ивановича [2])!

(Доставл. Языковымъ).

* *

III.

1.

(Симбирск. губ., с. Станичное).

Середь было царства Россійскаго,
Середь государства Московскаго,
Стояли палаты бѣлокаменныя
Вѣдь нашего батюшки, Грознаго Царя.
Собиралося пированьицо честное
Про всѣхъ про князей-бояръ,
Про сильныхъ-могучихъ богатырей:

---

[1]) Висѣлицѣ (качелямъ). — [2]) Это собственно отрывокъ изъ рѣчи Царя, когда онъ жалѣетъ о погибшемъ по его мнѣнію сынѣ: но здѣсь имѣетъ смыслъ совершившейся казни.—*О.*

Они пили-ѣли-проклажалися,
Промежду себя похвалялися;
Богатое-тъ хвалится богатествомъ,
А сильное-тъ силушкою.
Возговоритъ нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой вы еси, князи-бояре,
«Сильные-могучіе богатыри!
«Чѣмъ-то вы это хвалитесь,
«Чѣмъ-то это вы прехваляетесь?
«Богатство-то вамъ отъ меня пришло,
«А силушку-то вамъ Богъ далъ!
«Вы бы похвалились своей мудростью,
«Своей мудростью, перемудростью!
«Какъ я, государь, подъ Казань подходилъ,
«Подкопъ подводилъ подъ Булатъ-рѣку,
«Подкопъ подводилъ подъ Казань подъ рѣку,
«Подъ самую стѣну бѣлокаменную,
«Подъ угольну башню, порховную казну,
«Закатывалъ бочки дубовенькія,
«Со зѣльемъ со лютымъ, со зѣльемъ со порохомъ,
«Затепливалъ свѣчки воскуяровыя:
«Догарали свѣчечки до бочечекъ вплоть,
«Разрывало бочечки дубовенькія,
«Разметало стѣны бѣлокаменныя!
«Казанскихъ Татаръ со стѣны всѣхъ пометалъ,
«Симеона царя во полонъ себѣ взялъ,
«Вывелъ измѣнушку изо всей земли,
«Вывелъ измѣну изъ Казани города,
«Вывелъ измѣнушку изъ каменной Москвы,
«Всѣ селы-деревни ко своимъ рукамъ привелъ!»
Возговоритъ молодой царевичь,
Молодой царевичь Ѳедоръ Ивановичь:
— Охъ ты гой еси, батюшка,
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Не прикажите меня скоро казнить,
— Прикажите слово вымолвить:

— Не вывелъ ты измѣну изо всей земли,
— Не вывелъ ты измѣну изъ Казани города!
— Измѣнщика-тъ твой предъ тобой стоитъ,
— Съ тобой рѣчи говоритъ,
— Хлѣбъ твой—соль кушаетъ,
— А лихо на тебя думаетъ.—
Воскликнулъ-возгаркнулъ Грозный Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Есть ли у меня злые палачи,
«Злые палачи, немилостивые?
«Берите молода царевича,
«Ѳеодора Ивановича,
«За его за ручушки за бѣлыя,
«За кудерушки за русые,
«Ведите далече въ чисто поле,
«Во Кочково-то [1]) и во Куликово-то,
«На то озеро зыбучее,
«Снимите съ него буйну голову долой,
«По самыя плечи по могучія,
«И воткните на вострой [штыкъ],
«Поставьте передъ окошками царскими,
«Передъ моими очами ясными!»
Тутъ всѣ палачи перепугалися,
Всѣ грозные разбѣжалися.
Одинъ, де, б..... сынъ,
Малютка Скурлюткинъ сынъ,
Беретъ молода царевича
За ручушки бѣлыя,
За кудерушки за русые,
Онъ хочетъ съ него буйну голову снять,
По самыя плечи по могучія.
Возговоритъ молодой царевичь,
Молодой царевичь Ѳеодоръ Ивановичь:
«Охъ ты гой еси, Малютка Скурлюткинъ сынъ!
«Не за свой ты кусъ принимаешься,

[1]) Кучково.—*О.*

«Самъ ты этимъ кусомъ подавишься,
«Самъ ты этимъ кусомъ попе́рхнешься!
«Есть у меня скорые послухи!
«Кидайтеся–бросайтеся къ дѣдушкѣ моему,
«Къ любимому царскому дядюшкѣ,
«Къ модѣ [1]) Никитѣ Романовичу!»
Скоро тутъ послухи кидалися,
Докладывали дядюшкѣ,
Модѣ Никитѣ Романовичу.
Модà Никита Романовичь
Выходилъ изъ палатъ бѣлокаменныхъ
На крылечушко на высокое,
Въ одной тоненькой сорочушкѣ безъ поясу,
Въ одно́хъ шолковыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
Воскрикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ой вы гой еси, конюхи, подконюшнички!
— Давайте два коня что не лучшія!—
Онъ бралъ съ собой клюшничка-ларешничка,
Поѣхалъ онъ въ далече-чисто поле,
Во Кочково-то, во Куликово-то,
На то озеро зыбучее.
Онъ крикомъ-то кричитъ—не докричивается,
А свистомъ-то свиститъ—не досвистывается:
— Охъ ты гой еси, лютой палачь,
— Малютка Скурлюткинъ сынъ!
— Не за свой ты кусъ принимаешься,
— Этимъ кусомъ самъ подавишься,
— Этимъ нойлицомъ попе́рхнешься!—
Отдаетъ своего клюшничка–ларешничка,
Онъ съ клюшничка-то буйную голову снялъ,
По самыя плечи могучія,
И воткнулъ на вострый [штыкъ],
Поставилъ передъ окошками царскими,
Передъ его очами ясными.

---

[1]) *Модà* вѣроятно есть *молодà*, согласованное съ «Никита.»—*О.*

По утру ранымъ ранехонько,
На зоринькѣ бѣлой увидѣлъ нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь,
Буйную голову на вострымъ [штыкѣ].
Растужится-расплачется нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Какова змѣя лютая,
«И та не поѣдаетъ своихъ чревъ:
«А я съѣлъ-сгубилъ своего дѣтища,
«Молода-зелена царевича,
«По имени Ѳеодора Ивановича!»
Велѣлъ заводить по городу звоны колокольные,
И приказалъ служить молебны частые,
Велѣлъ по городу носить платья все печальныя.
И случилось ему итти-ѣхать мимо своего дядюшки,
Мода Никиты Романовича:
У дядюшки его пиръ идетъ на весело,
Онъ въ трубычки трубитъ, въ литавры бьетъ.
Воскрикнулъ тутъ нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Есть ли у меня злыя палачи?
«Берите моего дядюшку не́ честью,
«За ручушки бѣлыя,
«За кудерушки русые,
«Ведите его ко мнѣ въ палаты бѣлокаменныя!»
Какъ онъ переступилъ, дядюшка,
Въ палаты бѣлокаменныя,
Пришилъ онъ коньемъ ногу правую
Къ половицѣ ко дубовой;
Пришимши ногу правую
Къ половицѣ ко дубовой,
Сталъ его спрашивать:
«Охъ ты гой еси, дядюшка,
«Мода Никита Романовичь!
«Что̀ у тебя за пиры, за проклады,
«Въ трубычки ты трубишь и въ литавры бьешь?
«Не знашь ты горя моего великаго,

«Горя великаго, кручинушки царской?»
Возговорилъ дядюшка,
Мода̀ Никита Романовичь:
— Охъ ты гой еси, Грозный Царь,
— Царь Иванъ Васильевичь!
— Не прикажи ты скоро меня казнить,
— А прикажи слово выговорить:
— Твоя кручина у моей бѣлой груди лежитъ.—

Тутъ воскрикнулъ нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Есть у меня лѣкари и доктуры?
«Лѣчите дядюшкѣ ногу правую,
«А съ Малютки Скурлюткина
«Снимите съ живаго шкуру!»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

2 *).

(Поется въ Новгор. и Пермск. губ.).

Прикажи, Господи, намъ Старину сказать,
Старину сказать да стародавную,
Стародавную Старинушку—бывалую,
Про того Царя Ивана да Васильевича.
У того Царя Ивана да Васильевича,
Заводилася бесѣда тиха-смирная,
Собиралися князи-бояра [1]) да со всѣхъ сторонъ,
Князи-бояра да вся удалая полянница.
Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,

---

*) Эта же Былина, какъ сообщенная А. А. Григорьевымъ, помѣщена П. И. Якушкинымъ въ Отеч. Зап. 1860, Апрѣль, откуда мы приведемъ отмѣны. — *О.*

[1]) *Якушк.* «бояре,» и ниже. — *О.*

Во полу-пирѣ да хлѣба рушаютъ,
Во полу-пирѣ да прирасхвастались,
Иной хвастаетъ — да кони добрые [1]),
Другой хвастаетъ да золотой казной,
Третій хвастаетъ да молодой женой.
А Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь
По полатушкѣ похаживаетъ:
«Ужь вы гой еси, князи и бояра!
«Ужь вы хвастаете небылью-небылицею!
«Ужь чѣмъ я, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь [2]),
«Чѣмъ же я, добрый молодецъ, похвастаю?
«Я похвастаю да я измѣною:
«Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева,
«Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
«Ужь я выведу измѣнушку изъ матушки каменной Москвы!»
Тѣ князи-бояре [3]) да ему рѣчь говорятъ:
««Ужь не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
««И не вывести измѣнушки изъ Нова-города,
««Да изъ матушки да каменной Москвы!
««А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
««Кто за однимъ съ тобой столомъ [4]) сидитъ,
««[За столомъ сидитъ] да хлѣба кушаетъ,
««Милой сынъ твой Ѳедоръ Ивановичь!»»

На то Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь осержается,
И выходилъ [5]) онъ да на Красно крыльце,
И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ,
Своимъ пилатамъ [6]) да немилостивымъ.
И тѣ пилатушки да испужалися,
По каменной Москвѣ да разбѣжалися;
Одинъ Малюта Скуратовъ да не устрашился,
Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,

[1]) Кони добрыми, или другой оборотъ — «у меня, де, есть кони добрые;» ср. выше въ Былинахъ согласованіе глагола «пожаловать — треть земли или золотой казной.» — [2]) *Як.* этого стиха нѣтъ. — [3]) *Як.* «князья бояре.» — [4]) *Як.* «за столомъ.» — [5]) «восходитъ.» — [6]) Вмѣсто «палачамъ.» — *О.*

Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:
— Ужь ты гой еси [1]), Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь!
— На что ты горы-гаркаешь,
— На что меня кликъ-кликаешь? —
«Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!
«Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,
«За бѣлы руки, за златы перстни,
«И поведи его на то поле на Куликово,
«Ко той ямѣ да кровавыя,
«Ко той доскѣ да ко [2]) дубовыя,
«Снеси ему да буйну голову,
«Принеси мнѣ сабельку кровавую!»
И онъ взялъ его за бѣлы руки,
И повелъ его во [3]) чисто поле да во Куликово.
Увидалъ его любезный шурин Никита Варламовичь,
Онъ садился на добра коня,
И посадилъ за себя молодаго клюшничка,
Погналъ на то поле на Куликово
И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
— Ужь ты гой еси, Малюта Скуратинокъ!
— Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!
— Ужь ты на-тко да насытися
— Моимъ молодымъ клюшничкомъ! —
Онъ взялъ ему, клюшничку, срубилъ буйну голову,
И понесъ-то [4]) сабельку кровавую
Ко тому Царю Ивану [5]) Васильевичу.
А у Грозна Царя Ивана Васильевича,
И миръ пошелъ да не на веселѣ,
Въ барабаны били да не на радости,
Не на радостяхъ, да не по старому,
Изъ пушекъ палятъ да не по прежнему,
А изъ мелкаго оружія — да обсѣкается.
А у его любимаго шурина Никиты Варламовича,

---

1) *Як.* «Ужь ты.» — 2) *Як.* «къ.» — 3) *Як.* «въ чисто поле да въ.» — 4) *Як.* ту.» — 5) *Як.* «къ Ивану.» — *О.*

У него пиръ-то идетъ да по веселому,
Въ барабаны бьютъ да все по старому,
А изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
Посылаетъ къ нему Грозенъ Царь
Иванъ Васильевичь скорыхъ пословъ:
«И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Варламовича!»
И привели его, Никиту Варламовича, къ нему на дворъ:
— На что́ же ты меня, любезный зятюшка,
— Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь, требуешь?—
«Къ чему радошенъ, да къ чему радъ,
«Мой любезный шуринъ, Никита Варламовичь?
«Моему-то развѣ безвременьицу?
«У меня одна была жемчужина, и та скатилася:
«И пиръ у тебя идетъ по веселому,
«Въ барабаны у тя бьютъ да все по старому,
«Изъ пушекъ-то палятъ все по прежнему,
«Изъ мелкаго оружія не утихается!»
— Ужь ты гой еси, Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь!
— Есть въ гостяхъ небывалый гость,
— Небывалый гость — Ѳедоръ Ивановичь. —
«Гой ты еси, мой любезный шуринъ,
«[Мой любезный шуринъ,] Никита Варламовичь!
«Обратилъ ты мое да ретиво сердце,
«Взвеселилъ мою да буйну [1]) голову,
«Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!»
И пошелъ у него [2]) пиръ да по веселому,
Въ барабаны били да все по старому,
Изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
Изъ мелкаго оружія не утихается [3]).

(Запис. Ст. П. Кораблевымъ).

*

[1]) *Як.* «мою буйну.» — [2]) *Як.* «у нихъ.» — [3]) *Як.* «не утихаются.» — *О.*

3*).

(Кирша Даниловъ).

Да въ старые годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя,
Когда воцарился Царь государь,
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь,
Что взялъ онъ царство Казанское,
Симеона царя во полонъ полонилъ
Съ царицею со Еленою,
Выводилъ онъ измѣну изъ Кіева,
Что вывелъ измѣну изъ Нова-города,
Что взялъ Рязань, взялъ и Астрахань.
А нынѣ у Царя въ каменной Москвѣ,
Что пиръ идетъ у него на веселѣ,
А пиръ идетъ про князей—про бояръ,
Про вельможи, гости богатые,
Про тѣхъ купцовъ про Сибирскіихъ [1]).
Какъ будетъ лѣтніе-тъ день въ половинѣ дня,
Смиренна бесѣдушка на веселѣ,
А всѣ туто князи и бояра
И всѣ на пиру напивалися,
Промежь собой они разхвасталися:
А сильной хвастаетъ силою,
Богатое-тъ хвастаетъ ботатествомъ.
Злата труба въ царствѣ протрубила,
Прогласилъ Царь государь, слово выговорилъ:

---

*) Заглавлено: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.»—*О.*

1) Отношеніе къ Ермаку и покоренію Сибири.—*О.*

«А глупы бояра вы—неразумные!
«А всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь!
«А смѣю я, Царь, похвалитися,
«Похвалитися и похвастати:
«Что вывелъ измѣну я изъ Кіева,
«Да вывелъ измѣну изъ Нова-города,
«А взялъ я Рязань, взялъ и Астрахань!»
Въ палатахъ злата труба протрубила,
Прогласилъ въ палатахъ царевичь молодой,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь:
— А Грозной Царь Иванъ Васильевичь!
— Не вывелъ измѣны въ каменной Москвѣ:
— Что есть у насъ въ каменной Москвѣ,
— Что три большіе боярина,
— А три Годуновы измѣнники.—
За то слово Царь спохватается:
«Ты гой еси, чадо мое милое,
«Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь!
«Скажи мнѣ про трехъ ты бояриновъ,
«Про трехъ злодѣевъ измѣнниковъ:
«Перваго боярина въ котлѣ велю сварить,
«Другаго боярина велю на колъ посадить,
«Третьяго боярина скоро велю сказнить.»
Отвѣтъ держитъ тутъ царевичь молодой,
Что меньшой Ѳедоръ Ивановичь:
— А Грозной Царь Иванъ Васильевичь!
— Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
— Про трехъ большихъ бояриновъ,
— Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ:
— Ты пьешь съ ними—ѣшь съ едного блюда,
— Единую чару съ ними требуешь [1].—

То слово Царю не взлюбилося,
То слово не показалося,—
Не сказалъ онъ измѣнниковъ по имени;

---

[1] Потребляешь, употребляешь.—*О.*

Ему тутo за бѣду стало,
Скричалъ онъ, Царь, зычнымъ голосомъ:
«А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи?
«Возмите царевича за бѣлы ручки,
«Ведите царевича со царскаго двора,
«За тѣ за вороты Москворѣцкія,
«За славную матушку за Москву за рѣку,
«За тѣ живы мосты калиновы,
«Къ тому болоту поганому,
«Ко той ко лужѣ кровавыя,
«Ко той ко плахѣ бѣлодубовой [1])!»
А всѣ палачи испужалися,
Что всѣ въ Москвѣ разбѣжалися;
Единъ палачь не пужается,
Единъ злодѣй выступается,
Малюта, палачь, сынъ Скурлатовичь:
Хватя онъ царевича за бѣлы ручки,
Повелъ царевича за Москву за рѣку.
Перепахнула [2]) вѣстка нерадошна
Во то во село въ Романовское,
Въ Романовское, во боярское,
Ко старому Никитѣ Романовичу,
Нерадошна вѣстка—кручинная:
«А и гой еси, сударь мой дядюшка [3]),
«Ты старой Никита Романовичь!
«А спишь-лежишь, опочивъ держишь:
«Али тѣ, Никитѣ, мало можется?
«Надъ собою ты невзгоды не вѣдаешь:
«Упала звѣзда поднебесная,
«Потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
«Не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
«А меньшаго Ѳедора Ивановича.»

---

[1]) Читайте «бѣлоду́бовой.»— [2]) Обыкновеннѣе: «перепа́нула, перепала.»— [3]) Изъ другихъ Былинъ видно, что это вѣсть изъ устъ царевича, а далѣе— вообще вѣсть со стороны.—*О.*

Много Никита не выспрашиваетъ;
А скоро метался на широкой дворъ,
Скричалъ онъ, Никита, зычнымъ голосомъ:
— А конюхи мои, приспѣшники!
— Ведите наскорѣ добра коня,
— Не сѣдланаго, не узданаго!—
Скоро, де, конюхи метались,
Подводятъ наскорѣ добра коня:
Садился Никита на добра коня,
За себя онъ, Никита, любимаго конюха хватилъ,
Поскакалъ за матушку Москву за рѣку;
А шапкой машетъ, головой качаетъ,
Кричитъ онъ—реветъ зычнымъ голосомъ:
— Народъ православной, не убейтеся,
— Дайте дорогу мнѣ широкую!—

Настигъ палача онъ во полу-пути,
Не дошедъ до болота поганаго;
Кричитъ на его зычнымъ голосомъ:
— Малюта, палачь, сынъ Скурлатовичь!
— Не за свойской кусъ ты хватаешься,
— А этимъ кусомъ ты подавишься:
— Не переводи ты роды царскіе!—
Говоритъ Малюта, немилостивой палачь:
«« Ты гой, Никита Романовичь!
«« А наше-то дѣло повелѣнное:
«« Али палачу мнѣ самому быть сказнену?
«« А чѣмъ окровенить саблю острую?
«« Что чѣмъ окровенить руки бѣлыя?
«« А съ чѣмъ приттить къ Царю предъ очи,
«« Предъ его очи царскія?»»
Отвѣчаетъ Никита Романовичь:
— Малюта, палачь, сынъ Скурлатовичь!
— Сказни ты любимаго конюха моего,
— Окровени саблю острую,
— Замарай въ крови руки бѣлыя свои:
— А съ тѣмъ поди къ Царю предъ очи,

— Передъ его очи Царскія!—
А много палачь не выспрашиваетъ,
Сказнилъ любимаго конюха его,
Окровенилъ саблю острую,
Замаралъ руки бѣлые свои,
А прямо пошелъ къ Царю предъ очи,
Подмастерье его голову хватилъ.
Идутъ къ Царю предъ очи его царскія,
Въ его любимую Крестовую [1]).
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь,
Завидѣвши сабельку острую,
А остру саблю, кровавую,
Того палача немилостива,
Потомъ же увидѣлъ и голову у нихъ,—
А гдѣ-ко стоялъ, онъ и туто упалъ:
Что рѣзвы ноги подломилися,
Что царски очи замутилися,
Что по три дня ни пьетъ, ни ѣстъ.
Народъ-Христіане православные
Положили любимаго конюха
На тѣ на телѣги на Ордынскія [2]).
Привезли до Ивана Великаго,
Гдѣ кладутся цари и царевичи,
Гдѣ ихъ роды, роды царскіе,
Завсегда звонятъ во Царь-колоколъ.
А старой Никита Романовичь,
Хватя онъ царевича,
На добра коня посадилъ,
Увезъ во село свое Романовское,
Въ Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить [3]):
А пиръ пошелъ у него на радостяхъ,
А въ трубки трубятъ по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому.

---

[1]) Палату. — [2]) Обыкновенное прозвище, притомъ телѣгъ большихъ. — [3]) Т. е. всего вдоволь запасено.—*О.*

У той у церкви соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А всѣ вѣдь причетники церковные,
Отпѣвали любимаго конюха.
А втапоры пригодился Царь,
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь:
А трижды земли на могилу бросилъ,
Съ печали Царь по царству пошелъ,
По тѣмъ широкимъ по улицамъ.
А тѣ бояра Годуновые
Идутъ съ Царемъ, сами подмолвилися:
«Ты Грозной Царь Иванъ Васильевичь!
«У тебя кручина несносная:
«У боярина пиръ идетъ на веселѣ,
«У стараго Никиты Романовича.»
А Грозной Царь, онъ и крутъ добрѣ,
Послалъ посла немилостиваго,
Что взять его, Никиту, нечестно къ нему:
Пришелъ посолъ ко боярину въ домъ,
Взялъ Никиту, нечестно повелъ,
Привелъ ко Царю предъ ясны очи.
Не дошедъ Никита, поклоняется
О праву руку до сырой земли.
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь
А во правой рукѣ держитъ царской костыль,
А въ лѣвой рукѣ держитъ царско жезло,
По нашему Сибирскому [1]) остро копье:
А ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
Пришилъ его ко сырой земли;
А самъ онъ, Царь, приговариваетъ:
«Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
«Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
«На колъ посадить, скоро велю сказнить:
«У меня кручина несносная,

---

1) Одинъ изъ признаковъ, что Былины, помѣщенныя въ сборникѣ, названномъ по имени «Кирши Данилова,» записаны въ Сибири.—*О.*

«А у тебя, боярина, пиръ на веселѣ!
«Къ чему ты, Никита, въ домѣ добрѣ радошенъ?
«Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
«Али ты, Никита, корысть получилъ?»
Говоритъ онъ, Никита, не съ упадкою [1]:
— Ты Грозной Царь Иванъ Васильевичь!
— Не вели меня казнить, прикажи говорить:
— А для того у меня пиръ на веселѣ,
— Что въ трубочки трубятъ по ратному,
— Въ барабаны бьютъ по воинскому,—
— Утѣшаютъ млада царевича,
— Что меньшаго Ѳедора Ивановича.—

А много Царь не выспрашиваетъ,—
Хватя Никиту за праву руку,
Пошелъ въ палаты во боярскія.
Отворяли Царю на пету [2],
Пошелъ въ палаты во боярскія:
Поднебесна звѣзда ужь высоко взошла,
Въ соборѣ мѣстна свѣча затеплялася,—
Увидѣлъ царевича во большомъ мѣстѣ,
Въ большомъ мѣстѣ, въ переднемъ углѣ,
Подъ мѣстными иконами;
Беретъ онъ царевича за бѣлы ручки,
А Грозной Царь Иванъ Васильевичь,
Цѣловалъ его во уста сахарныя.
Скричалъ онъ, Царь, зычнымъ голосомъ:
«А чѣмъ боярина пожаловати,
«А стараго Никиту Романовича?
«А погребъ тебѣ злата-серебра,
«Второе [3] тебѣ питья разнаго,
«А сверхъ того грамота тарханная [4]:
«Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ,
«А кто у жива мужа жену уведетъ,

---

[1]) Безъ страха, не робѣя.— [2]) Отворяли двери на распашку, ср. прежніе выпуски.— [3]) Во вторыхъ погребъ.— [4]) Бережная, оберегательная, льготная.—*О.*

«И уйдетъ во село во боярское,
«Ко старому Никитѣ Романовичу,—
«И тамъ быть имъ не въ выдачѣ [1].»
А было это село боярское:
Что стало село Преображенское,
По той по грамотѣ тарханныя;
Отнынѣ оно слыветъ [2] и до вѣку.

* *

IV.

1 *).

(Нижегор. губ., Ардатовск. уѣзда).

Грозенъ былъ воинъ [1] Чарь [2] нашь батюшка,
Первый Чарь Иванъ Васильевищь:
Сквозь дремуцій лѣсъ съ войскомъ-силою [3]
Онъ прошелъ въ страну Татарцкую,
Себѣ [4] чарство взялъ Казаньское,
Господарство [5] Астраханьское,
Вывелъ Перфила [6] изъ Нова-города,
Не вывелъ измѣну въ каменной Москвѣ.
То чарское [7] серче разгоралося
Пусче огня, пусче полымя.

---

[1]) Оттуда не выдавать ихъ по иску и не вынимать, не брать.— [2]) Слывстъ такимъ же, въ славѣ по своему значенію и льготамъ.—*О.*

*) То же самое напечатано въ «Этнограф. Сборникѣ,» вып. V, съ прибавкою, что записано «въ селѣ Кужендѣевѣ,» а *П. П. Якушкинымъ* въ «Отеч. Зап.» 1860, Апрѣль, какъ записанное «Княгининскаго уѣзда, с. Спѣшнева:» изъ обоихъ мѣстъ приведемъ разночтенія. — *О.*

[1]) Вонъ, онъ?— [2]) *Як.* «царь,» вообще пѣтъ измѣненій *ц* въ *ч*, *ч* въ *ц*, и т. п.— [3]) Древнее: «съ войскою силою,» ср. выше. — [4]) *Як.* «Сеѣ.» — [5]) *Эти.* «Государьство.» — [6]) Ср. Былины выше. —[7]) *Як.* «царско.»—*О.*

Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
«У меня есть, дзе [1]), всяки мастеры,
«Есть такіе разны дохтуры [2])!»
Но всѣ пряцются [3]), старый за малаго,
И хоронятча [4]) малый за стараго;
А одинъ изъ нихъ лишь не прятсчется [5]),
То Малютка, палаць, то Гурбатовъ сынъ:
«Ну пойди-ка сюда, гой, Гурбатовъ сынъ!
«Сослужи-ка, не бось, службу вѣрную,
«Службу вѣрную, неизмѣнную:
«Во палаты [6]) ступай въ чарски каменны,
«Взявъ чаревица тамъ за черны [7]) кудри,
«Распояски съ него шелковой поясъ,
«Золотой перстень [8]) сними съ [9]) правой руки,
«Отведзи самого на Москву на рѣку [10]),
«Впрямь на мѣсто на то—мѣсто Лобное,
«И на плаху на ту на липову [11]),
«И сними тамъ съ него буйну голову,
«А мнѣ къ явкѣ подай саблю вострую [12]),
«Саблю вострую въ горюціи [13]) его рудзѣ [14])!»
И увидзѣлъ то Ѳедоръ Ивановичь,
Ѳедоръ Ивановичь Пожарской сынъ [15]),
Изъ косячита изъ окошецка;
Пропустивши Царя вдоль по уличѣ,
Вдоль по уличѣ, вдаль отъ церема,
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
— Ой ты гой [16]), Гурбатовъ палаць!

---

[1]) Дe, говоритъ. — *Як.* «дзе-есть.»— [2]) Искусники, воззваніе къ палачамъ, недокончепное. — *Эти.* «розпы.»— [3]) *Як.* «прячутся.»— *Эти.* «прячютча.»— [4]) *Як.* «хоронются.» — [5]) *Як.* «не прятчется,» *Эти.* «не прятщетча,» и т. п. разнорѣчія далѣе, въ сочетаніяхъ, иногда вовсе непроизносимыхъ.—[6]) *Эти.* «во полаты.»— [7]) *Эти.* «за цёрны.»—[8]) *Як.* «перстенекъ.»—[9]) *Як.* «со.»— [10]) *Як.* «на Москву рѣку;» «*Эти.* «на рёку.» — [11]) *Эти.* и *Як.* «что на липову.»—[12]) *Як.* «острую.»—[13]) *Эти.* «въ горюцей.»—[14]) Крови.—[15]) Явно, что имя царевича перенесено на избавителя, а вмѣсто того царевичь самъ оставленъ здѣсь безыменнымъ.—[16]) *Эти.* прибавлено «еси,» *Як.* «еши». — *О.*

— Не за свой ты кусъ принимаешся,
— Самъ кусомъ [1]) такимъ подавишся! —
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго,
Слугу вѣрнаго, свово стрянцаго,
Свово стрянцаго, что не лудцава [2]),
Что не лудцава, свово клюшника [3]):
— На, сними,—онъ пробалъ [4]), съ него голову,
— Снеси саблю къ Чарю въ горюцій рудзѣ,
— А къ чаревицю не прицаствуйся [5]). —

Вотъ на утро Чарь Иванъ Васильевиць
На поминки собралъ поголовно народъ:
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжины вшивать,
Во медвѣжины вшивать, по Москвѣ рѣкѣ пусцать [6]),
А потомъ [7]) приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Москвѣ жь [8]) рѣкѣ пусцать,
Что чаревица не засцѣняли [9]).
Вотъ съѣзжаются всѣ въ плацьѣ черныимъ [10]),
Въ плацьѣ черныимъ, во пецальныимъ,
А ѣдзетъ одзинъ [11]) Ѳедоръ Ивановиць,
Ѳедоръ Ивановиць Пожарской сынъ,
Пожарской сынъ во нарядзѣ чвѣтномъ,
Во нарядзѣ чвѣтномъ, въ яркомъ золоцѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены, что не лудція,
А веселье въ самомъ такъ и свѣтитча [12]).
Вотъ увидзѣлъ его [13]) Чарь Иванъ Васильевиць,
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ой ты гой еси [14]), Ѳедоръ Ивановиць,

---

[1]) *Эти.* «кускомъ.»—[2]) Что ни самаго лучшаго. — [3]) *Як.* «клюшничка;» *Эти.* «клюшницка. — [4]) Пробалъ, проговорилъ; *Як.* «На, сними (?) онъ пробилъ.» — [5]) Не имѣй доли, не прикасайся, не твое дѣло. — [6]) Пущать; *Як.* «пусчать;» *Эти.* «пусцатсь.»—[7]) *Як.* и *Эти.* «А поповъ,» важное разпорѣчіе.— [8]) *Як.* «по Москвѣ.» — [9]) Не застѣняли, не защищали, не печаловались о немъ; *Як.* «не засчюняли;» *Эти.* «не засцюняли.»—[10]) *Як.* «чернаимъ;» *Эти.* «цёрныимъ.»— [11]) *Як.* и *Эти.* «лишъ.»—[12]) *Як.* «не кропится.»—[13]) *Эти.* «то.»— [14]) *Як.* «еши.»— *О.*

«Ѳедоръ Ивановичь Пожарской сынъ!
«Аль объ горѣ моемъ ты не свѣдался [1]),
«Что срядитча посмѣлъ [2]), словно въ радостный пиръ?»
А Пожарской сынъ отвѣцяетъ Чарю:
— Я [3]), батюшка Чарь, все въ отлукѣ [4]) гулялъ,
— Все въ отлукѣ гулялъ за охотою,
— И поймалъ сокола, цто не лудцава,
— Цто не лудцава, цеѣ [5]) ближнява,
— То [6]) сына цеѣ ро́днаго.—

И возрадовался Чарь, и отвѣтилъ [7]) ему:
«Ужь ты гой еси [8]), Ѳедоръ Ивановичь,
«Ѳедоръ Ивановичь Пожарской сынъ!
«Вѣдь не мнѣ бы Чаремъ, а цеѣ должно быть [9]):
«Ты умѣлъ соблюсти чарски се́мены!»

(Отъ В. И. Даля, записалъ г. Реймерсъ, со словъ крестьянина; у Якушкина: «Доставили»).

* *

V.

1*).

(Саратовск. губ.).

Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменно́й Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный Царь [1]),
Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь.

---

[1]) *Як.* «не извѣдался.»—[2]) *Як.* «ора́дитца поспѣлъ.» — [3]) *Як.* «А я.»—[4]) *Як.* «въ отлучкѣ;» *Эти.* «въ отлуцкѣ.» — [5]) Тебѣ. — [6]) *Як.* «Ты.»—[7]) *Эти.* «отвѣтслъ (отвѣцилъ);» *Як.* «отвѣтствовалъ.»—[8]) *Як.* «сши.»—[9]) *Эти.* «бытсь (быць).»—*О.*

*) Въ этомъ отдѣлѣ Былинъ, связанномъ съ предыдущимъ, совсѣмъ затеряно имя царевича.—*О.*

[1]) О смыслѣ этого ср. «Замѣтку.» — *О.*

А вта́поры [1]) у Царя былъ почестный столъ,
Почестный столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ Сибирскихъ [2]).
А и столъ былъ во полу-столѣ,
А и пиръ былъ во полу-пирѣ,
Гости царскіе на вёселѣ,
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богачествомъ.
Не золотая трубонька вострубливала,
Не серебряна сиполица [3]) возъигрывала,
Возговорилъ Грозный Царь,
Иванъ сударь Васильевичь:
«Ужь какъ я ли могу похвалитися,
«Что и взялъ я Казанское царство,
«Рязань городъ, славну Астрахань,
«Ужь и я ли вывелъ измѣну изо Пскова,
«Изо Пскова и изъ Нова-города!»
Какъ возговоритъ младой царевичь:
— Ой ты гой еси, государь, Царь Иванъ Васильевичь!
— Что и взялъ ты царство Казанское,
— Рязань городъ, еще Астрахань,
— Ужь ты вывелъ измѣну изо Пскова,
— Изо Пскова и изъ Нова-города,
— Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
— Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
— Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
— Онъ и ѣстъ съ тобой съ одного блюда,
— Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное!—

Какъ и тутъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,

---

[1]) Тогда, когда покорилъ себѣ царства и города (пропущено; ср. другія Былины).— [2]) Ср. выше изъ Киршп.—[3]) Сиповица, сиповочка, сопѣль.—*О.*

Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
«А и кто есть у меня слуги вѣрные!
«Берите царевича за бѣлы руки,
«Ведите царевича за Москву рѣку,
«Ко тому ли болоту стоячему,
«Ко той ли лужѣ кровавои,
«Ко той ли плахѣ поганои!»
Какъ тутъ всѣ князья-бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися.
Оставался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичь:
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
И ведетъ его за Москву рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои.
Распровѣдалъ про то большои бояринъ,
Что честнòй Никита свѣтъ Романычь;
Онъ садится на добрà коня,
На добрà коня неѣзжаннаго,
И онъ скачетъ за матушку за Москву рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной,
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
— Ой, народъ православныи, разступися,
— Люди добрые, сторонитеся,
— Давайте мнѣ, боярину, дорогу!—
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычь
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои,—
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича,
Онъ беретъ его за бѣлы руки,
Приводитъ его на царскій дворъ.
А тутъ Грозныи Царь,
Иванъ сударь Васильевичь взрадовàлся,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,

А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
«А и какъ мнѣ тебя, Романычь, чествовать?
«Ты бери у меня, что̀ вздумаешь,
«Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
«Съ царскихъ плечь моихъ шубу кунію,
«Золотой ли казны сколько надобно!»
Какъ возговоритъ честной бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычь:
— Ой ты гой еси, государь, Царь Иванъ Васильевичь!
— Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
— Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
— Не хочу я твоей золотой казны:
— Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
— Повели мнѣ его, сударь, казнити [1])!—

(Ср. Сборн. гг. Костомар. и Мордовц.)

2*).

Когда зачиналася [1]) каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозной Царь,
Что Гро̀зной Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань:

[1]) Былина эта въ языкѣ и складѣ своемъ замѣтно нѣсколько подправлена —*О.*

*) Эта Былина, съ нѣкоторыми измѣненіями взятая въ Новиковскій пѣсенникъ изъ Чулковскаго (мы ихъ отмѣтимъ), и въ семъ послѣднемъ замѣтно была уже нѣсколько подправлена противу народнаго склада и языка.—*О.*

1) *Чулк.* «зачиналась.» —*О.*

Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею;
Выводилъ измѣну изо Пскова [1]),
Изо Пскова и изъ Нова-города.
И тутъ ли Царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Нова-города:
«Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы!»
Что взговоритъ Малюта злодѣй Скурлатовичь:
««Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
««Не вывесть тебѣ измѣнушки до вѣку:
««Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
««Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
««Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча!»»
И тутъ Царь догадается,
На царевича злобно осержается,
Что возговоритъ [2]) Грозной Царь Иванъ Васильевичь:
«Ахъ вы гой еси, князья и бояра!
«Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
«Поведите во палату [3]) особую,
«Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
«Надѣвайте на него платье черное,
«Поведите его на болото жидкое [4]),
«На тое ли лужу поганую,
«Вы предайте его скорой смерти!»
Всѣ бояре испугалися,
Изъ палаты вонъ разбѣжалися,
Большой за меньшова хоронятся [5]);
Одинъ остался Малюта злодѣй:
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
Повелъ во палату особливую [6]),
Снималъ [7]) съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,

---

[1]) Читайте: «изо Пскова.»—[2]) *Чулк.* «взговоритъ.»— [3]) *Чулк.* «полату.» Вездѣ такъ.—[4]) Передѣлка вмѣсто первоначальнаго: «Житное.»—[5]) *Чулк.* «хоронится.» — [6]) *Чулк.* «особую.»—[7]) *Чулк.* «сымалъ.»— *О.*

Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу,
Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Гой еси, батюшка, Никита Романовичь!
«Ты пьешь и ѣшь—прохлажаешься [1]),
«Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
«Упадаетъ звѣзда поднебесная,
«Угасаетъ свѣча воску ярова,—
«Не становится у насъ млада царевича!»
Никита Романовичь испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую;
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
— Ты Малюта, Малюта Скурлатовичь!
— Не за свой ты кусъ примаешься:
— Ты этимъ кусомъ подавишься!—
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
И повелъ его куда надобно [2]).
Что возговоритъ [3]) Грозной Царь:
«Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
«Надѣвайте на себя платье черное,
«Собирайтеся ко заутренней [4]),
«Слушать по царевичѣ понихиду:
«Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю.»
Всѣ бояре испугалися,
Надѣвали они платье черное,
Собирались ко заутренней,
Слушать по царевичѣ понихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичь,
Нарядился въ платье цвѣтное,

---

[1]) *Чулк.* «проклажаешься.»— [2]) Вотъ стихъ очевидно уже непародный.— [3]) *Чулк.* «взговоритъ.» И ниже. — [4]) *Чулк.* «ко заутреней.» И ниже. — *О.*

Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что взговоритъ Грозной Царь:
«Ахъ ты гой еси, Никита Романовичь!
«Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
«Какъ упала звѣзда поднебесная,
«Что угасла свѣча воску яраго:
«Не стало у меня млада царевича!»
Что возговоритъ Никита Романовичь:
— Ахъ ты гой еси, надежда [1]), православный Царь!
— Мы не станемъ пѣть по царевичѣ понихиду,
— А станемъ пѣть молебенъ заздравный мы [2])! —
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ за сѣверныхъ дверей.

Что возговоритъ Грозной Царь:
«Ты Никита, Никита Романовичь!
«Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
«Или тебѣ полцарства дать,
«Или тебѣ золотой казны сколько надобно?»
— Ахъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
— Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны,
— Только дай ты мнѣ злодѣя Скурлатова:
— Я сведу на то болото жидкое,
— Что на ту ли лужу поганую.—
Что возговоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
«И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты [3])!»

Новик. Пѣсен., 1780 г., ч. II, № 121, стр. 135—138; тоже у Чулкова, 1770 г., ч. II, № 121, стр. 167—170; то же повторено въ пѣсенникахъ Гурьянова и Сахарова).

*

---

[1]) *Чулк.* «надежа.» Такъ и должно быть — [2]) Не народный складъ. — [3]) Стихъ не народный. — *О.*

3*).

При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ два царства покорилъ себѣ,
Астраханское и Казанское:
Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Покорилъ [1]) царя съ царицею,
Опъ измѣну вывелъ лютую
Изъ Пова-града, изо Искова.
И тутъ ли [2]) Царь похваляться сталъ:
«Ахъ, когда бы мнѣ измѣнушку
«Истребить и въ каменной Москвѣ!»
Тутъ Малюта рекъ Скурлатовичь:
«« Ой ты гой еси, великій Царь!
«« Не выведешь [3]) ее до вѣку:
«« Твой измѣнникъ супротивъ тебя,
«« Опъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
«« Нарчу носитъ съ одного плеча.»»
«Гой еси, князья-боярева,»

---

*) На основаніи предыдущихъ образцевъ, изъ Чулковскаго и Новиковскаго Пѣсенника, помѣщаемая здѣсь Былина передѣлана и *исправлена* П. И. Дмитріевымъ. Опъ помѣстилъ ее въ своемъ «Карманномъ Пѣсенникѣ» 1796 г. (рѣдчайшая книга), ч. III, пѣсни «Былевыя,» № 1. Оттуда заняли: «Новѣйшій, полный и всеобщій пѣсенникъ,» Спб., 1818 г., ч. III; «Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ,» *П. Ш.*, Спб., 1819, ч. III; «Новѣйшій избранный пѣсенникъ (безъ года; того же времени),» ч. III. Мы приведемъ отсюда расплодившіяся далѣе подправки.—Въ Пѣсен. 1818 г. Былина заглавлена: «Постоянная вѣрность и постыдное вѣроломство, получившія достойную цѣну отъ Іоанна Грознаго. Пѣсня древнихъ временъ Россіи. Голосъ по содержанію.» — *О.*

[1]) *Нов. избр. пѣсен.* и 1818: «полонилъ.»—[2]) *П. Ш.* «И тогда ль.»—[3]) *П. Ш.* «Ты не выведешь.» —*О.*

Царь воскликнулъ грознымъ голосомъ!
«Поведите вы царевича
«Во полатушку [1]) особую,
«Вы стащите золоту парчу
«И надѣньте платье черное,
«И свершите надъ нимъ смертну казнь!»
Всѣ бояре ужаснулися,
Изъ палаты разбѣжалися,
Большой прячется за малаго;
Остается лишь Малюта врагъ:
Онъ беретъ млада царевича,
Совлекаетъ золоту парчу,
Надѣваетъ платье черное,
На болото ведётъ жидкое,
Чтобъ исполнить надъ нимъ смертну казнь.
Весь народъ Божій волнуется:
Жаль ему млада царевича!
Лишь Никита нашъ Романовичь
Не вздыхаетъ, не кручинится:
Онъ у друга на пиру сидитъ.
Скачетъ, скачетъ къ нему вѣрный рабъ,
Восклицаетъ запыхавшися:
«« Ой ты гой еси, нашъ батюшко [2]),
«« Никита сударь Романовичь!
«« Ты пьешь и ѣшь, прохлажаешься [3]),
«« А бѣды нашей не вѣдаешь:
«« Надетъ звѣзда подпебесная,
«« Гаснетъ свѣча [4]) воску яраго,
«« Не становится царевича!»»
Ужаснулся тутъ бояринъ нашъ,
Онъ вскочилъ на лошадь рабскую,
Лошадь рабску, водовозную [5]),
Поскакалъ на мѣсто Лобное,

---

[1]) Всюду: «во палатушку.» — [2]) Всюду: «батюшка.» — [3]) *Нов. избр. пьс.* и 1818: «прохлаждаешься.» — [4]) *П. Ш.* «свѣчка.» — [5]) *П. Ш.* Этого стиха нѣтъ. — *О.*

Ухватилъ Малюту за воротъ
И воскрикнулъ [1]) гнѣвнымъ голосомъ:
— Не за свой ты кусъ принаешься [2]),
— Этимъ кусомъ ты подавишься! —
А потомъ взялъ за бѣлы руки
Неповиннаго царевича,
Увелъ его въ красный теремъ свой.
Между тѣмъ великій Грозный Царь
Говоритъ своимъ бояревамъ:
«Гой еси, князья-боярева!
«Надѣвайте платье черное,
«Собирайтесь [3]) ко заутрени,
«Слушать вмѣстѣ со Царемъ вашимъ
«Панихиду по царевичѣ:
«Послѣ жь [4]) всѣ мнѣ отвѣчать должны!»
Задрожали всѣ боярева,
Облекались [5]) въ платье черное
И явились ко заутрени [6]).
А Никита пашь Романовичь
Пришелъ въ церковь во цвѣтномъ платьѣ,
Онъ привелъ съ собой царевича
И поставилъ позади дверей,
Дверей сѣверныхъ, на крыльчикѣ.
Грозный Царь ему возговорилъ:
«Ой ты гой еси, боярин мой!
«Ты въ глаза мнѣ насмѣхаешься [7])!
«Или ты того не вѣдаешь,
«Что упала звѣзда ясная [8]),

---

[1]) *Нов. избр. пьс.* и 1818: «И воскликнулъ.» — [2]) 1818: «принимаешься;» *И. Ш.* «хватаешься.» — [3]) 1818. «Собирайтеся.» — [4]) 1818: «послѣ» — [5]) 1818: «Облакались.» — [6]) Всюду за симъ прибавлено:

Слушать вмѣстѣ со Царемъ своимъ
Панихиду по царевичѣ
И со ужасомъ готовились
Ко тому отвѣту страшному.

[7]) Всюду: «насмѣхаться сталъ.» — [8]) *И. Ш.* Этого стиха цѣлъ. — *О.*

«Что угасла свѣча бѣлая,
«Что не стало, ахъ, царевича?»
— Повели не панихиду пѣть,
— А заздравное молебствіе, —
Отвѣчалъ ему усердный рабъ,
И привелъ млада царевича.
Царь возрадуясь возговорилъ:
«Ой ты гой еси, бояринъ мой!
«Чѣмъ, скажи, тебя пожаловать?
«Золотою ли казной моей?
«Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»
— Не давай мнѣ золотой казны, —
Говоритъ ему бояринъ нашь,
— Ни полцарства мнѣ не падобно,
— Только дай ты мнѣ Скурлатова:
— Повели ты мнѣ казнить его! —
«Предаю тебѣ животъ его,»
Грозный Царь ему отвѣтствуетъ,
«И ты дѣлай съ нимъ, что вздумаешь!»

(Дмитр., ч. III, Былевыя, № 1).

*

4*).

(Симбирскъ).

При началѣ каменной Москвы,
Начинался тутъ нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ два царства покорилъ себѣ,
Астраханское, Казанское,
Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя съ царицею.

---

*) Это уже обратная передѣлка сочиненія Дмитріева среди народа. — *О.*

Тутъ Царь Грозный похваляться сталъ:
« Еще кто бъ вывелъ измѣнушку
« Изъ матушки каменной Москвы?»
Какъ возговоритъ Малюта врагъ:
«« Въ вѣкъ не вывести измѣнушки
«« Изъ матушки каменной Москвы:
«« Твой измѣнникъ супротивъ тебя,
«« Пьетъ и ѣстъ онъ съ одного стола,
«« Парчу носитъ съ одного плеча!»»
Какъ возговоритъ нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
« Вы князья мои и бояре!
« Вы подите во высокъ теремъ,
« Во палаты мои царскія,
« Вы возмите тамъ царевича,
« Совлеките золоту парчу,
« Отведите во чисто поле
« И предайте его злой смерти!»
Всѣ бояре испугалися,
Другъ за друга хоронилися;
Малый прячется за стараго,
Старый прячется за малаго.
Какъ одинъ только Малюта врагъ
Не пугается, не прячется:
Онъ идетъ въ палаты царскія,
Беретъ за руку царевича,
Совлекаетъ золоту парчу,
И ведетъ его въ чисто поле,
Гдѣ онъ хочетъ его злѣ казнить.
Какъ на ту пору бояринъ нашь,
Князь Романъ сударь Романовичь,
Онъ сидитъ, князь, во честнòмъ пиру,
Пьетъ и ѣстъ онъ — проклажается.
Прискакалъ къ нему скорой посолъ:
«« Охъ ты гой еси, бояринъ нашь,
«« Князь Романъ сударь Романовичь!
«« Ты сидишь здѣ во честнòмъ пиру,

«« Пьешь и ѣшь ты — проклажаешься,
«« А того, сударь, не вѣдаешь:
«« Упадетъ звѣзда восточная,
«« И угаснетъ свѣчка бѣлая,
«« Не станетъ у насъ царевича, —
«« Врагъ Малюта его злѣ казнитъ.»»
Какъ возговоритъ бояринъ нашь,
Князь Романъ сударь Романовичь:
— Приведите клячу тощую,
— Клячу тощую, водовозную! —

Пріѣзжаетъ во чисто поле,
Беретъ за воротъ Скуратова:
— Охъ ты гой еси, Малюта врагъ!
— Не за свой ты кусъ примаешься,
— Этимъ кусомъ ты подавишься! —
Онъ беретъ съ собой царевича
И отвозитъ его въ свой терёмъ.
Какъ на утріе нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Отдавалъ вездѣ строгой приказъ,
Чтобы всѣ князья и бояре
Одѣвались въ платье черное,
Собирались во большой соборъ,
Слушать утреннее пѣніе,
Панихиду по царевичѣ.
Всѣ бояре испугалися,
Въ черно платье наряжалися,
Во большой соборъ сбиралися.
Какъ одинъ только бояринъ нашь,
Князь Романъ сударь Романовичь,
Надѣвалъ онъ платье цвѣтное,
Пріѣзжалъ онъ во большой соборъ,
Привелъ за руку царевича
И поставилъ на правой крылосъ.
Увидалъ его нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:

« Охъ ты гой еси, боярин мой,
« Князь Романъ сударь Романовичь!
« Иль ты хочешь гнѣва царскаго,
« Той опалы государевой?
« Всѣ князья мои и бояре
« Въ черно платье наряжалися,
« Во большой соборъ сбиралися,
« Слушать утреннее пѣніе,
« Панихиду по царевичѣ:
« Только ты одинъ, Романовъ князь,
« Не послушалъ воли царскія,
« Наряжаешься во цвѣтно платье!
« Или ты того не вѣдаешь:
« Упала звѣзда восточная,
« И угасла свѣчка бѣлая,
« Не стало у насъ царевича?»
Какъ возговоритъ боярин нашь,
Князь Романъ сударь Романовичь:
— Охъ ты гой еси, нашь Грозный Царь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичь!
— Прикажи не панихиду пѣть,
— А заздравное молебствіе:
— Твой царевичь еще цѣлъ и здравъ! —

Какъ возговоритъ нашь Грозный Царь.
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
« Охъ ты гой еси, боярин мой,
« Князь Романъ сударь Романовичь!
« Чѣмъ за вѣрность паградить тебя?
« Или мнѣ тебѣ полцарства дать?»
Какъ возговоритъ Романовъ князь:
— Не изъ злата я служу тебѣ
— И полцарства мнѣ не надобно:
— За мою ли службу вѣрную
— Мнѣ предай въ руки Скуратова! —

(Запис. П. И. Юрьевымъ).

* *

VI.

1*).

(Арханг. губ., Шенкурск. уѣзда).

Какъ у насъ было въ каменнòй Москвѣ,
У Грознаго Царя Ивана Васильевича,
Столованье было—пированьице, почестный пиръ
На многіе князья—на бояра.
Бѣлой день идетъ къ вечеру;
Батюшко Грозный Царь веселъ сталъ.
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Что жь у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастуетъ?»
Одинъ боярин хвастуетъ чистымъ сéребромъ,
Другой похвасталъ чистымъ бисеромъ,
Третій похвасталъ скатнымъ жéмчугомъ.
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Злато-серебро не откýпа,
«Чистый бисеръ не оборона,
«Скатенъ жемчугъ не застýпа.
«Чѣмъ я, Грозный Царь Иванъ Васильевичь, похвастую?
«Вывелъ я измѣну изъ Обска [1]),
«Вывелъ измѣну изъ каменнòй Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
«Царя Семёна подъ миръ [2]) склонилъ,
«Снялъ съ царя порфиру царскую,
«Привезъ я порфиру въ каменнýю Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменнòй Москвѣ,

---

*) Въ этомъ отдѣлѣ выведенъ царевичь Димитрій. — *О.*

[1]) Изò Пскова.—[2]) Писано по скобленному; обыкновенно: «подъ мечь.»—*О.*

«Эту порфиру на себя поло́жилъ,
«Послѣ того я сталъ Пресвитеръ-Царь,
«Грозный Царь Иванъ Васильевичь!»

Тутъ прого́воритъ его родимый сынъ:
— Ахъ ты батюшко, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ Обска,
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ каменно́й Москвы!
— Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
— Пьётъ-ѣстъ-кушаетъ съ одного блюда.—
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Говори мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидитъ?»
Отъ молодаго царевича на то отвѣта нѣтъ.
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой вы гой еси, палачи Московскіе!
«Сказните молодаго царевича,
«Вынъте сердце съ пе́ченью,
«Принесите мнѣ на пока́занье!»
Всѣ палачи пріужа́снулись,
Одинъ Алёша [1]) Малютинъ,
Скурлатовъ сынъ не ужа́снулся,
Вскочилъ Алёша изъ за стола,
Выводилъ молодаго царевича.
Говоритъ Алёша Малютинъ сынъ:
««Много ка́знивалъ я князей-бояръ,
««Не казнивалъ рода царскаго:
««Пойти, сказнить молодаго царевича!»»
Снималъ съ него платье цвѣ́тное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Посадилъ его на добра коня:
Младой царевичь напередъ ѣдётъ,
Алёша Малютинъ позади ѣдётъ,
Вострый палашъ на плечѣ везетъ.
Перепала скорая вѣсточка
Дядѣ Никитѣ Романову:

[1]) Тутъ примѣшанъ Алеша Поповичь, въ Былинахъ Кіевскихъ на оборотъ смѣшиваемый съ Малютою. — *О.*

Дядюшка былъ трудёнъ-болёнъ,
Трудёнъ-болёнъ,—объ одной ногѣ.
Бросился онъ скоро на конюшной дворъ,
Обсѣдлалъ своего добра̀ коня,
Ухватилъ скоро конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чисто̀ полё,
И кричитъ зычнымъ-громкимъ голосомъ:
— Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
— Отдай мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха любимаго,
— Вынь сердце у его съ печенью,
— Свези Царю на пока́занье! —
Алёша Малютинъ послушался,
Отдалъ онъ молодаго царевича,
Сказнилъ конюха любимаго,
Вынялъ сердце у его съ печенью,
Повезъ къ Царю на пока́занье.
Отъ тоски встаетъ Царь Иванъ Васильевичь,
Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрія царевича;
Познавъ дѣло, рвётся-ме́чется,
И говоритъ таковы рѣчи:
«Ой вы слуги мои вѣрныё!
«Вы за чѣмъ меня не у́няли,
«Вы за чѣмъ попустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ его слуги вѣрные:
«« Ой ты батюшка нашъ, Грозный Царь,
«« Царь Иванъ, сударь, Васильевичь!
«« Не посмѣли мы пере́чить тебѣ,
«« Не посмѣли разгова́рить твои рѣчи Царскія,
«« Убоялися мы твоего гнѣва скораго.»»
Онъ услышалъ радость, веселіе,
У дяди у Никиты Романова:
Грозному Царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копье о́строё,
Бѣжитъ къ дядѣ Никитѣ Романову.

Въ хоромахъ у Никиты Романовича
Пиръ на весело.
Учу́лъ онъ у своихъ гостей:
«« Бѣжитъ,»» говорятъ, ««Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
«« Въ рукѣ держитъ копье востроё,
«« Бѣжитъ прямо къ ему, къ Никитѣ Романову.»»
Не досугъ Никитѣ гостей чествовать:
Онъ бросился на крыльцо стекольчато,
Въ стрѣту ладитъ Царю Ивану Васильевичу.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Аль ты радъ, Никита Романовичь,
«Моему несчастью великому?
«Аль ты веселишься,
«Что я сказнилъ своего сына любимаго?»
Замахнулъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь
Свое копьё во́строё,
Тяпъ въ ногу Никитѣ Романовичу.
Отвѣтъ держитъ Никита Романовичь:
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Погляди-ко ко мнѣ въ большой уголъ? —
Поглядѣлъ онъ въ большой уголъ, —
Увидалъ сына своего Дмитрія царевича:
Сидитъ здравъ и невредимъ у дяди въ бо́льшомъ углу.

И пашелъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь
Въ этомъ радость великую.

(Запис. Адмир. Кузнецовымъ).

*

Съ этою Былиною ближайше сходна слѣдующая:

2.

(Тамъ же).

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Грознаго Царя Ивана Васильевича
Столованьице было—пированье, почестный пиръ
На многіе князи и бо́яра.
Бѣлый день идетъ къ вечеру,
Батюшка Грозный Царь веселъ сталъ.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Что же у меня въ бесѣдѣ никто ничѣмъ не хвастаетъ,
«Не хвастаетъ, не похвалится?»
Одинъ бояринъ хвасталъ чистымъ серебромъ,
Другой бояринъ хвасталъ краснымъ золотомъ,
Третій бояринъ хвасталъ скатнымъ жемчугомъ.
Не золота трубочка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь слово вымолвилъ:
«Не дѣломъ вы, братцы, хвастаетесь,
«Не добромъ вы, братцы, похваляетесь:
«Злато-серебро не о́ткупа,
«Скатенъ жемчугъ не оборона,
«Чистый бисеръ не заступа.
«Какъ я, Грозенъ Царь, чѣмъ похвастаю:
«Вывелъ я измѣну изо́ Пскова,
«Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
«Казанское царство мимоходомъ взялъ,
«Царя Семіона подъ миръ склонилъ,
«Снялъ я съ царя порфиру царскую,
«Привезъ порфиру въ каменну Москву,
«Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,

«Эту порфиру на себя наложилъ,
«После этого сталъ Грозный Царь!»

Тутъ проговорилъ его родимый сынъ:
— Ахъ ты батюшка, Грозный Царь,
— Царь Иванъ, сударь, Васильевичь!
— Гдѣ тебѣ вывести измѣну изъ Пскова,
— Гдѣ тебѣ вывесть измѣну изъ каменной Москвы?
— Можетъ быть, измѣна за столомъ сидитъ,
— Пьетъ-ѣстъ съ тобой съ одного блюда.—
Говоритъ же Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Покажи мнѣ, гдѣ измѣна за столомъ сидитъ?»
Отъ молода царевича на то отвѣта нѣтъ.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой вы гой еси, палачи Московскіе!
«Вы сказните младаго царевича,
«Вынъте изъ груди сердце съ печенью,
«Принесите мнѣ на показанье!»
Всѣ палачи пріужáхнулись;
Одинъ Алешка Малютинъ,
Скурлатовъ сынъ не ужáхнулся,
Скочилъ Алешка изъ застольница,
Выводилъ младаго царевича,
Причитàлъ Алешка Скурлатовъ сынъ:
«« Много казнивалъ князей и бояръ,
«« Не казнивалъ рода царскаго:
«« Пойти, сказнить младаго царевича!»»
Снималъ съ него Алешка платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Посадилъ его на добра коня;
Младый царевичь напередъ ѣдетъ,
Алешка Скурлатовъ позадѣ ѣдетъ,
Острый палашъ на плечѣ держитъ.
Перепала скорая вѣсточка
Дядѣ Никитѣ Романову.
Дядюшка былъ трудёнъ-болёнъ,
Трудёнъ-болёнъ,—объ одной ногѣ.

Разíлся [1]) онъ скоро на конюшíй дворъ,
Обсѣдлалъ своего добра коня,
Ухватилъ съ собоíй конюха любимаго,
Поѣхалъ скоро на чисто поле,
И кричитъ-зычитъ грóмкимъ голосомъ:
— Воръ, собака, Малюта Скурлатовъ сынъ!
— Отдаíй мнѣ-ка младаго царевича,
— Сказни конюха моего любимаго,
— Вынь изъ груди сердце съ печенью
— И свези Царю на показанье!—
Алешка Скурлатовъ послушался,
Отдалъ ему младаго царевича,
Сказнилъ конюха его любимаго,
Вы́нялъ изъ груди сердце съ печенью,
И привезъ Царю на показанье.
Ото сна встаетъ Царь Иванъ Васильевичь—пробуждается,
Своего сына онъ хватается,
Своего сына Дмитрíя царевича.
Прознавъ дѣло, рвется и мечется,
И говоритъ таковы рѣчи:
«Ойí вы, слуги мои вѣрные!
«Вы за чѣмъ меня не у́няли,
«Вы за чѣмъ попустили на дѣло окаянное?»
Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:
««Ойí ты батюшко, Грозный Царь,
««Царь Иванъ, сударь, Васильевичь!
««Не посмѣли мы перечить тебѣ,
««Убоялися мы твоего гнѣва скораго!»»
Услышалъ Царь Иванъ Васильевичь
Радость-весéлíе у Никиты Романова:
Грозному Царю за бѣду стало,
За бѣду стало за великую;
Ухватилъ онъ копье острое,

---

[1]) Бросался.—*О.*

Бѣжитъ къ дядѣ Никитѣ Романову.
Во хоромахъ у Никиты Романовича пиръ на вéсело.
Учу́лъ онъ у своихъ гостей:
«« Бѣжитъ,»» говорятъ, ««Царь Иванъ Васильевичь,
«« Во рукѣ держитъ копье острое,
«« Бѣжитъ прямо къ нему, къ Никитѣ Романову.»»
Не досугъ Никитѣ гостей чевствовать:
Бросился онъ на крылечко стекольчато,
Въ стрѣту ладитъ Царю Ивану Васильевичу.
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
« Аль ты радъ, Никита Романовичь,
« Моему несчастью великому,
« Аль ты веселишься ка́зни сына моего любимаго?»
Замахнулъ онъ копье острое,—
Тялъ [1]) въ ногу Никитѣ Романовичу.
Отвѣтъ держитъ Никита Романовичь:
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Погляди-ко ко мнѣ во большой уголъ!—
Поглядѣлъ Царь во большой уголъ,—
Увидѣлъ сына своего, Дмитрія царевича:
Сидитъ веселъ и здоровъ во большомъ углу.
Царь нашелъ въ томъ радость великую,
Закурили на радостяхъ зелена вина,
Заварили на радостяхъ меду пьянаго,
Пировали на радостяхъ почестный пиръ.

(Отъ В. И. Даля, запис. А. Харитоновымъ).

* *

[1]) Ударилъ.—*О.*

VII.

I*).

(Звенигор. уѣзда, Воронки).

Грозный Царь Иванъ, сударь, Васильевичь,
Созывалъ онъ почёстный пиръ,
Всѣхъ князьёвъ и господъ бояръ;
И хвалился Грозный Царь,
Иванъ, сударь, Васильевичь:
«Взялъ я Казань, взялъ и Астрахань,
«Взялъ Великій скобы Новгородъ [1]),
«Вывелъ измѣну изъ каменно̀й Москвы!»

Его сынъ и возго́воритъ:
— Ты родимый мой тятинька,
— Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Не во гнѣвъ бы твоей милости!
— Не хвались ты, мой тятинька:
— Взялъ ты Казань, взялъ и Астрахань,
— Взялъ Великій скобы Новгородъ, —
— Не вывелъ измѣну изъ каменно̀й Москвы.
— Что измѣна-то съ тобой за однимъ столомъ,
— За однимъ столомъ пьётъ и кушаетъ,
— Бѣла ле́бедя ру́шаетъ,
— Съ одного блюда, съ одной ложечки! —

---

*) Эта Былина, составляя особый отдѣлъ, непосредственно соединяется съ «Женидьбою Царя.» — *О.*

[1]) Это сочетаніе, по недослышкѣ, образовалось изъ словъ: «Взялъ великъ Опско́въ и Новгородъ.» — *О.*

Грозный Царь Иванъ Васильевичь [1]):
«Ужь и какъ же намъ свово̀ сына известь?»
Выходилъ онъ на но́вое крыльцо,
Закричалъ онъ громкимъ го́лосомъ своимъ:
«Ино есть ли у меня палачи,
«Палачи-то уда́лы молодцы́,
«Чтобъ срубили сыну голову
«Да по самыя по плечики,
«По его бы по могучія,
«Положили бъ на серебряно блюдо,
«Принесли бы къ государю во дворецъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Ужь гдѣ не́ взялся стремя́нный стрѣлецъ,
Онъ садился на несѣдлаго коня,
Онъ и гонитъ Никитской улицей
Ко Никитѣ ко Романычу:
««Вы раздайтесь, люди добрые:
««За мной дѣло государево!»»
Онъ идётъ—отъ дверей отпихиваетъ,
Всѣхъ слугъ-прислугъ отпы́риваетъ,
Отъ дверей отдвигиваетъ:
««Отойдите, слуги вѣрные:
««За мной дѣло государево!»»
Онъ стои́тъ-то [2]) — Богу молится,
Богу молится, самъ рѣчь говоритъ:
««Ты Никита Романовичь!
««Что̀ ты крѣпко спишь—не про́снешься?
««Ты не знаешь горя великаго:
««Что потухла воску яраго свѣча,
««Что̀ померкло солнце красное,
««Что померкли звѣзды восточныя,
««Что не стало твово̀ крестничка,
««Нашего мла́даго царевича!
««Повезли-то его на Боло́тичко,

---

[1]) Т. е. разсуждаетъ, думаетъ. — [2]) Становится вошедши. —*О.*

«На Болóтичко, на Житный дворъ.
«Чтобъ срубить-то ему голову
«Да по самыя по плечики,
«По его ли по могучія!»»
А Никита Романовичь.
Онъ скорёхонько просыпается,
Въ лёгку одёжку одѣвается,
На босы́ ножки въ сапóжки обувáется,
Онъ садится на несёдлаго коня,
Онъ и гонитъ Никитской улицей
На Болóтичко, на Житный дворъ:
— Вы раздайтесь, люди добрые:
— За мной дѣло государево! —
Никто за топоръ не примáется [1]),
У всѣхъ руки отымаются;
Ужь какъ взя́лся-приня́лся Малютушка,
Что Малюта Разкурлáтовъ [2]) сынъ.
Онъ [3]) ударилъ его по бѣлу́ лицу́:
— Ты Малюта Разкурлатовъ сынъ!
— Не за свой ты кусъ хватаешься,
— Этимъ кусомъ ты подавишься!
— Ино кто хочетъ за Царя умереть?
— Того Господи избавитъ отъ грѣховъ,
— Отъ грѣховъ, отъ муки вѣчныя! —
Ужь и вы́искался стремённый стрѣлецъ:
«Я хочу за Царя умереть!»»
Тутъ срубили ему голову
Да по самыя по плечики,
По его ли по могучія;
Положили на серéбряно блюдо,
Понесли къ государю во дворецъ.
Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
Выходилъ онъ на Крáсное крыльцо:

---

[1]) Т. е. на мѣстѣ казни. — [2]) Производство осмыслено: curva ty razcurva. — [3]) Т. е. Никита. — *O*.

«Что собакѣ собачья смерть [1])!»
Во Свѣтлое Воскресеньище
Разослалъ указъ по всей Москвѣ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ:
Что зау́тра, въ Свѣтло Воскресенiе,
Приходили бъ люди добрые,
Приходили бы ко за́втренѣ,
Они всѣ бы въ платьяхъ чёрныихъ,
Они́ всѣ бы во кручи́нныихъ.
А Никита Романовичь,
Ужь онъ поцвѣтнѣе всѣхъ надѣлъ.
Онъ стоитъ — Богу молится.
Что выходятъ отъ зау́трени,
Поздравляетъ его [2]) съ праздничкомъ
И со мла́дыимъ царевичемъ.
«Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!
«Что жь ты мною насмѣхаешься,
«Надо мною наругаешься?
«У меня послѣ обѣденки
«Всѣмъ боярамъ переборъ будетъ,
«Стану казнить, стану вѣшати:
«А тебѣ, кумъ, пе́рва пе́телька!»
Послѣ завтрени разослалъ онъ указъ
По всей Москвѣ, по всѣмъ городамъ,
По всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ,
Приходили бъ люди добрые,
Приходили бъ въ платьѣ чёрныемъ,
Они всѣ бы во кручинныемъ;
А Никита Романовичь
Еще поцвѣтнѣй того надѣлъ.
Онъ стоитъ — Богу молится,
Мла́даго царевича подъ поло́й держитъ.
Какъ выходятъ отъ обѣденки,

---

[1]) Слова Ивана, съ Краснаго крыльца, куда онъ вышелъ взглянуть на принесенное. — [2]) Царя. — *О.*

Поздравляетъ его съ праздникомъ
И со мла́дынмъ царевичемъ.
«Охъ ты кумъ, кумъ любезный мой!
«Ужь и какъ же мнѣ тебя назвать будетъ?
«Али дядюшкой, али батюшкой?
«Ино будь же ты мнѣ бо́льшій братъ [1])!»

*

Созывалъ онъ почёстный пиръ,
Созывалъ онъ князьёвъ-бояръ,
Не позва́лъ Кострюка́-Мастрюка́,
Своево шурина любезнаго.
Приходилъ шуринъ попо́слѣ всѣхъ,
Онъ садился повыше всѣхъ;
Онъ не пьётъ и не кушаетъ,
Бѣла ле́бедя не рушаетъ,
Онъ сидитъ — думу думаетъ.
Государя-тъ похаживаетъ,
Онъ на шурина поглядываетъ:
«Охъ ты шуринъ, ты шуринъ мой,
«Охъ ты шуринъ любезный мой!
«Что̀ ты не пьёшь и не кушаешь,
«Бѣла лебедя не рушаешь?
«На Царя ли лихо думаешь,
«На царевну ль благовѣрную,
«Али на весь на крещёный міръ?»
— Ни на кого я лихо не думаю,
— Ни на Царя, ни на царевну благовѣрную,
— Только думаю объ своей буйной головѣ:
— Что я семдесятъ семь земель изошо̀лъ,
— По себѣ я борца не нашолъ,
— По себѣ борца, удало̀ва молодца̀!—
Выходилъ-то Грозный Царь,
Царь Иванъ, сударь, Васильевичь,

---

[1]) Слѣдуетъ, какъ сказано, другой отдѣлъ Былинъ: названіе его см. ниже.—*О.*

Выходилъ онъ на но́вое крыльцо,
Воскричалъ онъ громкимъ голосомъ своимъ:
«Ино есть ли у меня борцы,
«У меня борцы, уда́лы молодцы?
«Приходили бъ къ государю во дворецъ,
«Побороться съ Кострюко́мъ-Мастрюко́мъ,
«Съ моимъ шурином любезнымъ!»
Изъ села-то Кулебакина,
Изъ деревни изъ Опа́льшиной,
Выходили-то два братца,
Да два братца, два родимые,
Два Андрея два Андренча:
Одѣвались въ одёженьку лёгонькую,
Обувались они въ портя́ночки тоненькія,
Во ла́потки ча́стенькіе,
Въ балахо́ньчики лёгонькіе.
Они и́дутъ путёмъ-дорогою,
Они шуточки пошучиваютъ,
Они другъ дружку попи́хиваютъ.
Приходили къ государю во дворецъ,
Воскричали громкимъ голосомъ своимъ:
«« Ино гдѣ у тебя борцы,
«« Ино гдѣ борцы, уда́лы молодцы?»»
Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Вотъ пришли борцы, уда́лы молодцы!
«Охъ ты шуринъ, ты шуринъ мой,
«Охъ ты шуринъ любезный мой!
«Ино вотъ тебѣ хлѣбъ-соль на столѣ,
«Ино вотъ тебѣ борцы на дворѣ [1]),
«Ино вотъ борцы, уда́лы молодцы!»
Ужь Кострюкъ-Мастрюкъ бросается,
Онъ бросался—семь столовъ повали́лъ,
И онъ семдесятъ господъ задавилъ.
Какъ съ больши́мъ братомъ схватился,

---

[1]) Т. е. выбирай любое, или сиди, или пди бороться. —*О.*

Они три часа водилися;
Низёхонько поклонилися,
Честнёхонько расхватилися [1]):
«Охъ ты братецъ, ты братецъ мой,
«Охъ ты братецъ родимый мой!
«Хочь ты родомъ-то повыше меня,
«Да ты силкой-то пониже меня [2])!»
Какъ съ меньшимъ братомъ схватилися,
Они часу не водилися,
Не честнёхонько расхватилися,
Не низёхонько поклонилися:
Ужь онъ первую пошúбочку пошибъ,—
Съ Кострючúшка колпачишко сшибъ;
Онъ другую-то пошибочку пошибъ,—
Съ Кострючúшка сапожúшки сшибъ.
Ужь и бился онъ — рубился
Не объ ста рубляхъ, не объ тысяцѣ,
Они бился-рубился
Объ своихъ буйныхъ головушкахъ:
Кто кого смóжетъ, того рвать-щипать,
Того рвать-щипать, до нагá обдирать.
Ужь онъ третью-то пошибочку пошибъ,—
Подымалъ-то онъ повыше себя,
Опущалъ-то онъ пониже себя;
Ужь онъ началъ его рвать-щипать,
Его рвать-щипать, до нагá обдирать:
««Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
««Не во гнѣвъ бы вашей милости,
««Что деру штаны атласныя [3])!»»

Что глядитъ-то государыня
Изъ косящета окошечка:
— Ты крапива, ты крапива б....,

---

[1]) Выпустили другъ друга изъ охвата. — [2]) Слова борца Кострюку. — [3]) Слова борца.—*О.*

— Вы кравшиныя сѣмены!
— Много васъ было насѣяно,
— Да не много уроди́лося!—
Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Охъ ты баба, ты баба б....,
«Охъ ты баба, ты бабья знать!
«Что̀ глядишь ты въ косящето окно,
«Да не чортъ ли тебя спрашиваетъ?»

Защекота́ла соро́ченькой,
Полетѣла съ каменно̀й Москвы.

(Записано 1833, Августа 20).

* *
*

Царь еще женится.

I.

2*).

(Симбирск. губ.).

«Что̀ сидите, богатырики,
«И чѣмъ же вы похваливаетесь?
«Ваша силушка буде отъ Бога,
«А имѣніе отъ меня, Царя [1]).»
Задумалъ нашь Грозный Царь жениться,
Онъ бралъ не у насъ, а въ Москвѣ [2]),

*) Эта, хотя весьма непорченная, Былина присоединяется къ предыдущей потому, что также, правда—на оборотъ, соединяетъ непосредственно Кастрюка съ Малютой, женидьбу съ покушеньемъ на сына.—*О.*

[1]) Это отрывокъ рѣчи Ивана: см. предыдущія Былины.— [2]) Ошибка; должно быть: «не у насъ въ Москвѣ (Симбирскій пѣвецъ естественно могъ такъ выразиться, противуполагая свой край Москвѣ).»—*О.*

И не у князя, и не у барина,
Онъ бралъ у Черкашенина,
А имямъ назвать ее—Марія Демругьевна;
Онъ бралъ за ней много приданаго:
Тридцать Татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семьсотъ Донскихъ казаковъ.
И дѣлалъ онъ про нихъ почетный пиръ:
Сажалъ онъ ихъ за столы дубовые,
За скатерти клѣтчатыя [1]),
За чашечки, за ложечки корѣльчатыя [2]).
Кострюкъ хлѣба-соли не кушаетъ,
А Местрюкъ бѣла лебедя не рушаетъ,
А на нашего Царя лихо думаетъ:
—Пойду въ Москву, стану на бѣломъ камушкѣ [3]),
—И стану я со всѣхъ брать пошлину,
—Со дымовъ подымовное,
—Съ красныхъ дѣвушекъ почередное [4]),
—А со молодушекъ повѣнешное!—

И вышелъ Микита Романовичь, царскій дядюшка,
На свой на новъ-красенъ крылецъ,
Возговорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Еще есть ли на царскомъ дворѣ богатырики?»
На тотъ разъ ихъ не случилося,
Они же всѣ поразъѣхались.
«Чтобы шли они, никого бы не спрашивались
«И никому бы не докладывались [5])!»
Прошли [6]) два брата родимые,
Изъ села Ивановскова,
По имя ихъ Иванъ-Иванычи,
По прозванью Ка́шинины.

---

[1]) Камчатныя.— [2]) Корѣльской березы.— [3]) Могло быть передѣлано изъ «Москвы *бѣлокаменной*.» Но «сидѣть на бѣломъ камнѣ» въ нашемъ древнемъ творчествѣ однозначуще съ «судомъ;» судить-рядить, установлять или брать пошлины, учить и т. п. Ср. Былины ниже и Стихи, особенно о Голуб. Книгѣ, «Калѣки Перехожіе.»— [4]) Вѣроятно: съ нарядовъ.— [5]) Продолженіе словъ Никиты.— [6]) Пришли.—*О.*

По царскому двору похаживаютъ,
Полки [1]) заварачиваютъ,
Рукавчики позасучиваютъ,
Усы за̀ уши закладываютъ.
«Вы послушайте»—что возговоритъ
Царскій дядюшка Микита Романовичь —
«Вотъ вамъ, Местрюкъ, хлѣбъ-соль на столѣ,
«А борцы на дворѣ:
«За что вы, свѣтъ, ухватитесь [2])?»
Местрюкъ бросился,—три стола уронилъ,
Кострюкъ бросился,—всю силу помялъ,
Тридцать Татариновъ, полтораста бояриновъ,
Семсотъ Донскихъ казаковъ.
Ну, выходилъ Местрюкъ на царскій дворъ,
Бралъ Иванъ Ивановичь поперегъ его,
Поджималъ [3]) повыше себя,
А опущалъ пониже себя.
Первой пошибкой пошибъ,—
Одежду долой съ него сшибъ;
А другой пошибкой пошибъ,—
Рубашку долой съ него сшибъ:
Оставался Местрюкъ, въ чемъ мать его родила;
Опъ соромъ свой зажалъ,
И подъ крылецъ побѣжалъ.
Да увидала его сестрица родимая,
Марія Демругьевна:
— Ты дуракъ,—говоритъ,—дуракъ, мужичій сынъ!
— Поборолъ бы его какъ полехше ни будь [4])!—

*

«Послушайте, Марья Демругьевна!
«Теперича я вывелъ измѣнушку изо всеи земли,
«А Казанское царство къ себѣ приклонилъ.»

---

[1]) Полы у платья.— [2]) Т. е. выбирай, Мастрюкъ, любое.— [3]) Подымалъ.— [4]) Отселѣ начинается другая половина, о покушеніи на сына, и слѣдуютъ рѣчи Царя.— *О.*

А былъ у ихъ единъ чадо милый, Ѳедоръ Ивановичь:
— Охъ ты еси, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
— Хоша ты вывелъ измѣну изо всей земли,
— А не вывелъ измѣнушку изъ свова дому:
— Твоя измѣнушка предъ тобою стоитъ,
— Съ тобою рѣчи говоритъ,
— Единое платье носитъ однотвѣтное
— И единое кушанье кушаетъ сахарное.—
На то же Грозный Царь прогнѣвался,
И бралъ же своево сына за праву за̀ руку,
И вывелъ онъ его на новъ-красенъ крылецъ,
Возго́ворилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да есть ли здѣсь грозные палачики?
«Взяли бы моего сына,
«И повели бы его на поле Куликое [1]),
«Привязали бы его ко плахѣ дубовое,
«И сняли бы съ него буйну голову!»

Всѣ палачики испужалися,
Со царскаго двора разбѣжалися,
Оставался одинъ Малютка, Скурлатовъ сынъ;
И бралъ его сынъ [2]) за руку,
Повелъ его на поле Куликое.
И увидѣлъ его царскій дядюшка, Микита Романовичь:
— Охъ ты Малютка! Не за тѣ ты столы сажаешься,
— Не за тѣ кушанья принимаешься:
— Сходи же, Малюта, на псарный дворъ,
— И возьми-ка же пса немалаго,
— И сними съ него голову,
— И принеси имъ въ кровѣ [3]) саблю вострую [4])!—

«Охъ вы есть [5]), мои сенаторы,
«Да князья и бояре!
«Пріѣзжайте вы въ соборъ, церковь Божью,

---

[1]) Куликово. — [2]) Его, сына царскаго, или: бралъ его, царевича, Скурлатовъ сынъ. — [3]) Въ крови. — [4]) За симъ слѣдуютъ рѣчи Царя. — [5]) «Гой вы еси» или «есте.»—*О.*

«И служите вы молебны обчіе, печальные,
«О моемъ сынѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ,
«И надѣвайте черную одежу печальную!»
Всѣ пріѣхали [министры,] князья и бояре,
И въ соборъ, церковь Божію,
И въ одежѣ всѣ въ черную-печальную,
И служили всѣ молебны обчіе, печальные.
А царскій дядюшка, Микита Романовичь,
Надѣвалъ одежу [форменну],
И приказалъ служить молебны за здравіе.
Обернулся намъ [1]) Грозный Царь:
«По чему же ты, сватъ, радуваешься,
«За чѣмъ ты заказывалъ молебны за здравіе?»
— По тому-то я заказывалъ молебны за здравіе,
— Что представлю вамъ сына въ живности.—
И бралъ онъ [за ефесъ] саблю вострую,
Протикалъ онъ ему ногу праѵую [2]).
Возговоритъ громкимъ голосомъ:
«Подайте мнѣ перваго дохтура,
«Залѣчалъ бы ему ногу въ три часа!»

(Записано П. В. Шейномъ).

* *

[1]) Нашъ?—[2]) См. предыдущія Былины, какъ Царь проткнулъ ногу Никитѣ.—*О*.

II.

1*).

(Арханг. губ.).

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на круты-красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты-красны бережки,
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на горы высокія,
И на тѣ на поля зеленыя.
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ:
Преставляется Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ погахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь.
Говоритъ Царица таковы рѣчи:
«Ужь ты слушай, Царь, послушай-ко,
«Что̀ я тебѣ, Царица, повыскажу:

---

*) Эти двѣ Былины, весьма искаженныя и испорченныя въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, помѣщаются здѣсь, въ особомъ отдѣлѣ, потому лишь, что начинаютъ раньше прочихъ—со смерти первой Царицы.—*О.*

«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ:
«Когда будутъ они во полномъ умѣ
«И во твердомъ будутъ разумѣ,
«Тогда будетъ оборона отъ новыхъ [1]) земель.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
«Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
«Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
«Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужь.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко,
«Что̀ я тебѣ, Царица, повыскажу:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ до князей, до думныхъ бояръ,
«И до того ты до дядюшки любимаго,
«И до своего ты до крестнаго батюшки,
«До того Богдана Сирскаго:
«И тутъ твоя дума крѣпкая.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
«Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До своихъ солдатушекъ служащихъ:
«И тутъ твоя сила вѣрная.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко:
«И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
«До всего народу православнаго.
«Еще слушай, Царь, ты послушай-ко,
«Что̀ я тебѣ, Царица, припакажу,
«Припакажу и повыскажу:
«Когда я, Царица, преставлюся,
«Не женись ты, Царь, въ проклятой Литвѣ
«На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
«А женись ты, Царь, въ каменной Москвѣ,
«На той Супавѣ [2]) Татарскіе:
«Хоша есть у ней много приданаго
«Паповей-улановей и злыхъ поганыхъ Татаровей,

---

[1]) «Новòй» въ мѣстномъ нарѣчіи значитъ «иной».— [2]) Ошибка вмѣсто «Купавѣ:» см. Былины ниже.—*О.*

«Есть у ней брателко родимое,
«Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичь [1].»
И тутъ Царица просыпалась [2],
Тутъ Царицѣ славу поютъ [3].
Прошло времени три мѣсяца,
Похотѣлъ сударь Грозенъ Царь,
Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву,
Покататися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
И того Богдана Сирскаго,
Пріѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву
И бралъ онъ Марью Темрюковну,
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ,
Кострюкомъ Темрюковичемъ.
Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы.
Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ,
За сто верстъ становилъ онъ свою силу-армію
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вольянскую [4],
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу [5]) листъ гербовыя
И писалъ онъ скоро посоленъ листъ,
И посоленъ [6]) листъ на золотъ столъ
Своему дядюшкѣ любезному,
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
«Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью,

---

[1]) Перебиты стихи, а должно быть: «Не женись ты на той Купавѣ, хоша есть...., а женись ты въ каменной Москвѣ.»— Различены двѣ невѣсты, Литовская и Татарская, о коихъ см. ниже.— [2]) Вѣроятно ошибка вмѣсто «преставилась.»— [3]) Обыкновенная прибавка, когда говорится о смерти героя или героини: см. Былины въ прежнихъ выпускахъ.— [4]) Вальяжную: ср. прежніе выпуски.— [5]) Бумаги.— [6]) И посылалъ.— *О.*

«И со тѣмъ пѣтьемъ Божьимъ-церковныимъ,
«И со тѣмъ со звономъ колокольныимъ,
«Со тоій пальбоій пушечной.»
Оправлялся его скороій гонецъ,
Скороій гонецъ и скороій посолъ:
Не стрѣтилъ его дядюшка любимой за сто верстъ.
Не дошелъ онъ [1]) матушки каменной Москвы,
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ,
За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію,
Отправлялъ скора гонца,
Скора гонца и скора посла,
Чтобъ чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
«Гдѣ стоять моей силѣ-арміи.»
И приваливалъ онъ во матушку каменную Москву:
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка,
И тотъ Богданъ Сирскій,
Не съ пѣтьемъ Божьимъ-церковныимъ,
И не съ тѣмъ звономъ колокольныимъ,
Не съ тоій пальбоій пушечной.
Заѣзжалъ сударь Грозенъ Царь,
Грозныій Царь Иванъ Васильевичь,
И во ту церковь Божію,
Принималъ златы вѣнцы
И со тоій Марьей Темрюковной.
На тоій на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
На сильныхъ-могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ—ко закату,
А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой,
Молодоій Кострюкъ сынъ Темрюковичь:

---

[1]) Царь.—*O.*

— Ай ты, мой затюшко любезный,
— Грозенъ ты Царь Иванъ Васильевичь!
— Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
— Борцы-молодцы пріученые,
— Кабы мнѣ съ ними поборотися?—
Требовалъ сударь Грозенъ Царь,
Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь:
Борцей-молодцей не случилося.
Только случился Васенька Хромоногенькой:
На лѣву онъ ножку припадываетъ,
По двору прихрамываетъ,
И ко двору государеву придвигается,
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичь
Своему зятелку любезному:
— Чортъ у васъ, не борцы-молодцы,
— [Не борцы-молодцы] и не пріученые!—
Говоритъ Вася Хромоногенькой:
«« Ай же ты, сударь-таки Грозенъ Царь!
«« Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
«« Кострюка побороть:
«« Изъ платья вонъ его вылупить
«« И подвору его нага спустить?»»
Говоритъ сударь Грозенъ Царь,
И Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь:
« Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
« И Микола пособилъ Кострюка побороть,
« Изъ платья вонъ его вылупить
« И по двору нага спустить, —
« Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!»
На лѣвую ножку онъ, Вася, припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
И металъ Кострюка о кирпичной полъ:
На брюхѣ его кожа трёснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.
Изъ платья онъ его ногой [1]) вылупилъ:

[1]) Нагого.—*О.*

Не Кострюкъ былъ Темрюковичь,
Да и не брателко-то ей [1]) былъ родимое:
Была поляница удалая [2]).
Бралъ Царь свою Марью Темрюковну,
И велъ онъ въ далече-чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце:
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго,
И Богдана того Сирскаго:
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ на Святой Руси.

(Записано г. Максимовымъ; ср. Сборн. Якушк., Отеч. Зап.).

*

2 *).

(Тамъ же).

. . . . . .
Преставляется Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
При смерти она наказываетъ,
Наказываетъ и доспрашиваетъ:
«Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
«Будешь ли послѣ меня женитися,
«Али ты, надёжа-Царь, будешь холостъ ходить,
«Холостъ ходить, неженатой слыть?»
Говоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Я не буду послѣ тебя женитися,
«Надёжа-Царь буду холостъ ходить,

---

[1]) Царицѣ.— [2]) Поляницею назывались древніе богатыри (ср. прежніе выпуски): но здѣсь пѣвецъ полагалъ, что это женщина, сама передѣтая царица; ср. Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, гдѣ Кострюкъ по нѣкоторымъ преданіямъ, и вѣроятно по тому же поводу, является женщиной.—*О.*

«Холостъ ходить, неженатой слыть.»
Говоритъ Царица благовѣрная:
«Ай же ты, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
«Не мани меня, не омманывай:
«Будешь послѣ меня женитися
«Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ,
«На той на Марьѣ на Темрюковичѣ.
«Принесетъ она рубашки красна золота;
«Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
«Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ:
«Увидишь тутъ чудо великое!
«За тѣмъ будь добръ да милостивъ
«До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей;
«Будь ты добръ, будь ты милостивъ
«До тѣхъ до слуговъ вѣрныехъ,
«До того народу христіанскаго.»
За тѣмъ преставилась Царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна.
За тѣмъ женился Царь въ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковичѣ.
Принесла она рубашки насынкамъ красна золота:
Надѣли какъ на псовъ ядовитыихъ,
Тѣхъ псовъ разорвало.
За тѣмъ сталъ Грозенъ Царь,
Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь.
Сталъ его дядька спрашивать:
«За чѣмъ исхудалъ?» — Не могу поляницой удалой владѣть: руку-ногу закинетъ на меня жена, — не могу духу перевести [1].....—

(Оттуда же).

* *

[1] Тутъ пѣвшая старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше, «стыдно, де, нехорошее такое поется.» Къ сожалѣнію, записывавшій не добился конца; но этотъ конецъ извѣстенъ изъ другихъ Былинъ о Полянцахъ и сказокъ, см. прежнія «Замѣтки.»—*О.*

III.

1*).

(Симбирск. губ., с. Станичпо*).

Какъ у насъ было на Русѣ,
На Русѣ было, въ каменно́й Москвѣ,
Задумалъ Царь жениться,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
Онъ усваталъ невѣсту за себя,
[Невѣсту за себя] не у насъ въ Москвѣ,
Онъ усваталъ во иной землѣ,
Не у князя, не у боярина,
Онъ усваталъ у Татарина,
У того ли Черкешанина,
Марью Темрюговну:
Черезъ бо́льшую дочь онъ середнюю беретъ,
Марью Темрюговну.
Собирался почестной пиръ,
И всѣ гости съѣхалися, и всѣ сходилися,
Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
И всѣ гости кушаютъ,
Бѣлаго лебедя рушаютъ.
Одинъ гость хлѣба-соли не ѣстъ,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
Зеленаго вина въ ротъ не беретъ,—
Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюговичь,
Любимый царской шуршушка.
Онъ думаетъ думушку, съ кѣмъ поборотися,
За прокладъ поводитися:

---

*) Это отдѣлъ Былинъ самый полный и самый употребительный. — *О.*

Онъ хочетъ каменну Москву въ полонъ себѣ взять,
Онъ хочетъ взойти во Кремль городокъ,
Онъ и хочетъ съ насъ пошлины брать,
Съ воротъ поворотныя,
А съ дымовъ подымовныя,
Съ молодицъ повалешныя [1]),
А съ дѣвицъ повѣнешныя.
Князь Никита Романовичь,
Входитъ онъ въ палаты бѣлокаменныя:
«Охъ ты гой еси, Грозный Царь,
«Царь Иванъ сударь Васильевичь!
«Всѣ у насъ гости съѣхалися,
«Всѣ гости соходилися,
«Всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
«Всѣ гости кушаютъ,
«Бѣлаго лебедя рушаютъ.
«Одинъ гость у насъ хлѣба-соли не ѣстъ,
«Хлѣба-соли не кушаетъ,
«Бѣлаго лебедя не рушаетъ,
«Зеленаго вина въ ротъ не беретъ,
«На Царя лихо думаетъ,
«Кастрюкъ-Мастрюкъ Темрюковичь,
«Любимой царской шуринушка.
«Думаетъ думушку онъ, думаетъ крѣпкую,
«Съ кѣмъ поборотися,
«За прокладъ поводитися:
«Онъ и хочетъ каменну Москву нашу
«Во полонъ себѣ взять,
«И хочетъ во Кремль городъ взойти,
«И хочетъ сѣсть на камешкѣ [2]),
«И хочетъ съ насъ пошлины брать.»»
И возговоритъ нашь Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Охъ ты гой еси, дядюшка,

---

[1]) Ср. вып. 5, стр. 22.— [2]) Ср. Былины выше. —*О.*

«Князь Никита Романовичь!
«Взойди-ты на крылечушко,
«Взойди-ты на Красное,
«Вскричи ты громкимъ голосомъ,
«Вскричи-ты въ первый разъ,
«Вскричи-ты въ другой разъ,
«Вскричи-ты въ третій разъ,
«Чтобы слышно было по всей Москвѣ,
«Чтобы или таковы борцы,
«Не спрашивавши и не докладывавши,
«На мой на царской дворъ,
«На мой на почестной пиръ!»
Въ то время не случилося въ Москвѣ борцовъ:
Разъѣхалися по торгамъ по ярморкамъ.
Услыхали изъ Нова-города
Два братца два ро́дные,
Два Ивана два Ивановича,
По прозванью Кашинцины:
Приходили на царской дворъ,
На его на почестный пиръ.
Они по двору похаживали,
Шапочки заламывали,
Чулочки подтягивали,
Усы за́ уши закладывали,
Борцовъ поспрашивали:
««Есть ли у васъ борцы, добры молодцы?
««Подавайте намъ ихъ!»»
Князь Никита Романовичь
Входилъ въ нову горенку:
— Охъ вы гости мои, полюбовны мои!
— Вотъ у насъ хлѣбъ-соль на столѣ,
— А пришли борцы на дворѣ:
— За что вы приметесь-ухватитесь,
— За хлѣбъ за соль, за бѣлаго лебедя,
— Иль за добраго мо́лодца?—
Кастрюка-тъ кинулся,
Онъ всѣ столы повалилъ

И все придано подавилъ:
Выходилъ на крылечушко,
Выходилъ онъ на Красное.
Принимаетъ его малый братъ,
Малый братъ Иванушка:
Онъ по двору похаживаетъ,
Кастрюка поваживаетъ;
Онъ перву-то пошибочку пошибъ,—
Съ Кастрюка черну шляпу сшибъ;
А другую-то пошибочку пошибъ,—
Съ Кастрюка сапожки долой сшибъ;
А третью пошибочку-то пошибъ,—
Съ Кастрюка-то всю одежку сшибъ:
Въ чемъ мать родила, на свѣтъ пустила [1]).
Кастрюкъ-то соромъ зажалъ,
Да подъ крылецъ побѣжалъ.

Увидала его сестра,
Марья Темрюговна,
Изъ высокаго терема,
Изъ косящатаго окошечка:
— Ты мужикъ-то, мужикъ, мужичій сынъ,
— Крапивныя твои сѣмена!
— На что ты Кастрюка поборолъ,
— На что ты съ него платье сшибъ,
— [Платье сшибъ,] нага пустилъ?—
Возговоритъ нашъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Охъ ты баба, баба б....,
«Татарскія твои сѣмена!
«Не то-то мнѣ дорого,
«Что Татаринъ хвалится,
«А то дорого, что крестьянинъ тѣшится!»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

[1]) Въ другихъ: пустилъ его, въ чемъ мать родила. — *О.*

2.

(Той же губ., Сенгилеевск. уѣзда, въ селѣ Стар. Ярыклѣ).

Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменной Москвы,
При блаженной его памяти,
Поизволилъ Царь женитися:
Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
У тово ли Темрюка-Мастрюка,
Молодаго Черкешенина,
Тоё малую сестру,
Да свѣтъ Марью Темрюковну.
Онъ и много приданова берётъ:
Двѣсти Татаринов,
Полтораста боярынов
И семь сотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ.
Еще всѣ гости съѣхалися,
Всѣ любимы солетѣлися,
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
Нѣтъ гостя милаго,
Тово шурина родимова,
Ево ли Темрюка-Мастрюка,
Молодаго Черкешенина.
Еще вонъ ѣдетъ милой гость:
Сажаютъ его выше всѣхъ,
Пошелъ пиръ на́ веселѣ,
А смиренные [1]) на радостяхъ.

---

[1]) Здѣсь «пиръ;» обыкновеннѣе «смиренная бесѣдушка.» — *О.*

Шли-ѣли, проклажалися,
Между собо́й похвалялися,
Сильной своею силою,
А богатой богатствомъ своимъ,
Убогой Божьей милостію,
Какъ Бога-тъ насъ милуетъ,
Государь Царь пожалуетъ,
И будемъ мы всѣ ровны [1]).
Похваляется Темрюкъ-Мастрюкъ,
Онъ хвалится своей силою:
— Я Москву вашу насквозь пройду,
— Не найду я себѣ спорщика [2]),
— Съ кимъ бы могъ я поборотися! —

Услыхалъ же про то Царь-государь,
Царь-Иванъ сударь Васильевичь,
Содержатель онъ всей Руси,
Сберегатель каменно́й Москвы;
Выходилъ она на Красно крыльцо,
Говорилъ онъ громкимъ голосомъ:
«Эй вы гой еси, мои слуги вѣрные!
«Вы подите въ каменну́ Москву,
«Прокличьте кличь скорую,
«Есть ли у насъ, у нашего Царя,
«Бойцы-борцы, молодые охотнички?
«Шли бы на царской дворъ,
«Безъ докладу государева,
«Безъ допроса безо всякого!»
За Москвой стоитъ дере́вишшка,
Что дере́вишшка Онихина [3]).
Во той ли во деревишшкѣ
Жили два брата родныхъ,
[Два брата родныхъ,] два калашничка,
Два Андрея Андренча.

---

[1]) Это уже нравственная добавка, по поводу того, что «убогій—у Бога въ милости (словопроизводство).»— [2]) Соперника. — [3]) Оникина; ср. Анику.—*О.*

Встаютъ они ранёхынько,
Умываются бѣлёхынько,
Обуваются гладёхынько,
Чулочки подвязывали,
Башмачки на ноги надѣвывали,
Свои усы завивывали,
За уши усы закладывали,
Приходили на государевъ дворъ,
Безъ докладу государева,
Безъ докладу безо всякого,
Безо всякого вѣдѣнья [1]),
Становились у Красна крыльца.
Услыхалъ про то Темрюкъ-Кастрюкъ,
Молодой Черкешенинъ;
Зашипѣлъ онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ по звѣриному,
Переломалъ пятьдесятъ скамей,
Передавилъ онъ приданство всё,
Двѣсти Татариновъ,
Полтораста бояриновъ
И семьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ.
Выходилъ онъ на Красно крыльцо,
Сохватился съ большимъ братомъ,
Со Андреямъ Андреевичамъ.
Они води́ться поводи́лися,
Межонной день [2]) до вечера
И всю ночь до бѣло́й зари:
Никто у нихъ не поборолъ;
Расходи́ться расходи́лися,
Между собой поклонилися.
Схватилися со ме́ньшимъ братомъ:
Тотъ его беретъ за лѣвой воротокъ,

---

[1]) Не спрашивая ни о чемъ и не давая объ себѣ вѣсти, безъ вѣдома, не освѣдомляясь, безобсылочно.—[2]) Долгій; полуденный, южный; лѣтній.—*О.*

Поднимаетъ на правой на посокъ,
Онъ припо́днялъ повыше себя,
Ударилъ о сыру землю,
По колѣни его въ землю вшибъ,
По колѣни, чуть не по поясъ;
Онъ и цвѣтное платье съ него спшибъ,
Пустилъ его ко́со на́ босо [1]),
Пустилъ его, въ чемъ мать родила.
Услыхала про то малая сестра,
Свѣтъ Марья Темрюковна,
Выходила на Красное крыльцо,
Говорила громкимъ голосомъ:
— Ты крапива, крапивной сынъ!
— Не много васъ посѣяно,
— Да много уродилося!
— Хотя бы ты и силёнъ,
— И хотя бы тебѣ Богъ пособилъ,
— На что ты такъ наругаешься
— И на что насмѣхаешься?
— Пустилъ ты его, въ чемъ мать родила?—
Сказалъ тутъ Царь-государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Ты баба, ты ба́бье знай!
«Не то-то намъ дорого,
«Что Татаринъ похваляется,
«А то-то намъ дорого,
«Что Русакъ насмѣхается!»

*

[1]) Бо́со на́ босо, а это уже дальнѣйшая игра воображенія и рѣчи. — *О.*

3.

(Сарат. губ., Петровск. уѣзда, с. Даниловка).

У насъ было при прежнемъ Царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ,
Сберегатель каменной Москвѣ,
Царь Иванъ сударь Васильевичь
Поизволилъ женитися.
Не беретъ онъ у насъ въ Москвѣ,
Беретъ во иной землѣ,
Во иной землѣ Черкасской,
У Мастрюка большу сестру,
Князю [1]) Марью Темрюговну.
Онъ и много за ней приданаго беретъ,
Онъ и два ста бояриновъ,
Полтораста Татариновъ,
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ;
Еще за ней приданаго беретъ
Ея брата ме́ньшаго,
Мастрюка Темрековича.
Царь Иванъ сударь Васильевичь
И дѣлалъ пиръ на ве́селѣ
Про любимаго про шурина
Мастрюка Темрековича.
Въ полоньяна напивался,
Въ полосыта наѣдался,
Промежду собой похвалялися:
А богатые хвалются богатствомъ,

[1]) Княжу, княжну. — *О.*

А сильные силою,
А Иванъ Васильевичь
Мла́дою княгинею.
А Мастрюка-тъ хвалится,
Молодой похваляется:
— Я, де, всю Москву изополъ,
— По себѣ борцовъ не нашолъ,
— Борцовъ, удалыихъ молодцовъ:
— Борцовъ не случилося,
— Молодцовъ не годилося!
— Какъ я сяду на калиновомъ мосту,
— Да буду брать пошлину:
— Съ стариковъ похоронное,
— Со старухъ повивальное [1]),
— Съ бабъ повалешное [2]),
— Съ красныхъ дѣвокъ повѣнешное! —

Борцы въ разъѣздочкахъ,
Молодцы въ разсылочкахъ.
Только, де, случилося,—
Два брата родимые,
Два шу́та, Гришута съ Мишутою.

Царь Иванъ сударь Васильевичь
Выходилъ на Красенъ крылецъ,
Воскричалъ громкимъ голосомъ:
«Есть, де, у насъ въ Москвѣ
«Борцы, удалые молодцы?
«Они бъ шли на сударевъ на дворецъ,
«Ко крылечушку ко Красному,
«Ко окошечкамъ косящетымъ,
«Ко стекольчикамъ стекольчатымъ
«И къ анбарамъ государевымъ!»

И идутъ два шу́та,
Гришута со Мишутою:

---

[1]) За повивальное искусство.—[2]) Ср. прежнія Былины. — *О.*

Они шуточки пошучиваютъ,
Они шапочки заламываютъ,
Чулочки потягиваютъ,
Сапожки подправливаютъ:
Мастрюка-то поддражниваютъ.
Мастрюкъ разгорается,
Молодой похваляется,
Онъ и хлѣба не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ.
Кидался Мастрюкъ государь
Черезъ скатерти браныя,
Черезъ яства сахáрныя,
Черезъ пойло медвяное:
Онъ и лѣвой ногой зацѣпилъ,—
Триста скамей повалилъ,
И триста бояръ задавилъ,
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мóлодцевъ.
Выбѣгаетъ и Мастрюкъ государь
Ко крылечку ко Красному
И къ анбарамъ государевымъ.
Въ первую пошибочку,
Съ Мастрюка сбили шапочку;
А въ другую-то пошибочку,
Съ Мастрюка сбили сапожечки;
А въ третью-то пошибочку,
И зипунъ-то сорвали.
Онъ ужь забивается
Подъ крылечушко подъ Красное,
Подъ анбары государевы.
Марья Темрюковна
Выходила на Красенъ крылецъ,
Закричала громкінмъ голосомъ:
— А ужь мужикъ ты, мужикъ,
— Мужичій сынъ,
— Крапивныя сѣмены!

— Не поля, де, васъ посѣяно,
— Не кулика насѣяно [1])!
— Хоть бы у васъ сила, де, была,
— Вы бы его, Мастрюка,
— На стыдъ не давали и не безчестили!—
Царь Иванъ сударь Васильевичь
Закричалъ громкімъ голосомъ
На Марью Темрюковну:
«Посѣди-ко ты на до́ничкѣ [2]),
«Поверти веретѐничкомъ!
«У насъ, де, такъ Москва любитъ:
«А коли у него силы-то не было,
«Онъ бы, де, не хвастался [3])!»

(Запис. Ст. И. Шевыревымъ).

*

4*).

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

У насъ было на святой Русѝ [1]),
На святой Руси, въ каменно̀й Москвѣ,
Былъ-жилъ тутъ Царь Иванъ Васильевичь.
Понзволилъ Царь Иванъ Васильевичь жениться [2]),
Какъ во той ли земли да во Татарской,
Какъ у того ли у короля Татарскаго,
На дочери его на Марьѣ на Темрюковичѣ.

---

[1]) Не поле (не много) васъ посѣяно, не Куликово (поле) насѣяно, да много уродилося (ср. другія Былины).—[2]) Допце, при пряжѣ.— [3]) Въ другомъ спискѣ: «не хвалился.»—*О.*

*) Тамъ же, и почти то же самое, записано И. Борисовымъ въ Декабрѣ 1845 г.: приведемъ небольшія разнорѣчія.—*О.*

[1]) «Русѣ.»— [2]) «женитися.»—*О.*

Собиралъ ли онъ силу свою могучую,
Похóдитъ онъ во землю во Татарскую,
Отбираетъ онъ Марью Темрюковну;
А король ли тотъ Татарской
Отдаетъ ему во приданое
Триста Татаровей,
Двадцать пять удалыхъ молодцовъ.
Поѣзжалъ еще въ провожатые,
Поѣзжалъ Кастрю́къ-Мастрю́къ,
Темрюковъ сынъ, молодой [1] Черкашенинъ.
Пріѣзжали они въ каменну̀ю Москву,
Заводилъ ли Царь Иванъ Васильевичь
Про шурина почéстный пиръ,
Про Кастрюка-Мастрюка, сына Темрюкова.
Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
Хлѣба-соли не ѣстъ, пива-мёду [2] не пьётъ,
Зелена̀ вина не кушаётъ,
Бѣлой лебеди не рушаётъ:
На кого [3] лихо думаетъ.
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
«Молодой [4] Черкашенинъ!
«За тѣмъ ты хлѣба-соли [5] не ѣшь,
«Меду-пива не пьёшь,
«Зелена̀ вина не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь?
«На кого лихо думаешь?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— А за тѣмъ я хлѣба-соли [5] не ѣмъ,
— Пива-меду не пью,
— Зелена̀ вина не кушаю,

---

[1] «младой.»— [2] «пива съ медомъ.»— [3] «На кого-то.»— [4] «Ты младой еси.»— [5] «хлѣбъ-соль.»—*О.*

— Бѣлой лебеди не рушаю:
— На тебя лихо думаю.
— Я хочу у тебя спрашивать [1]:
— Есть ли у тебя въ каменно̀й Москвѣ
— Таковы умильны [2] борцы,
— Съ Кастрюкомъ побóрется,
— Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Съ царевымъ со шуриномъ?—

Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Ты поди-ко, дядюшка,
«На крылечко на Красное,
«Привздынúсь-ко [3] ты, дядюшка,
«На сѣръ на горючь камень,
«Закрычи-ко ты, дядюшка,
«Во всю бýйную гóлову,
«Чтобъ услышали [4] въ каменно̀й Москвѣ:
«Борца ты спрашивай,
«Борецъ намъ надобно,
«Съ Кастрюкомъ побóрется,
«Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
«Со царевымъ со шуриномъ.»
Пошелъ дядюшка
На крылечко на Красное,
Привздынýлся дядюшка
На сѣръ-горючь камень,
Закричалъ дядюшка
Во всю буйну голову [5].
Изъ избёнушка мáленькаго,
Изъ дворёнушка хýденькаго,
Бѣжатъ два молодчика:
Васинька Маленькой
Да Потапюшка Хрóменькой.

---

[1]) «спрашивати.»— [2]) Искусные (умѣющіе).— [3]) Подпимись.— [4]) «учýли.»— [5]) Прибавлено: «Борца спрашивалъ.»—*О.*

Бѣжатъ они, ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крыльцу [1]) ко Красному.
Говоритъ тутъ Василька,
Говоритъ тутъ Маленькой:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Что́, дядя, надобно,
«Чего, дядя, спрашиваешь [2])?»
— Ой ты гой еси, Василька,
— Ой ты гой еси, Маленькой!
— Борецъ намъ надобно,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ.—
Отвѣчаетъ [3]) Василька,
Отвѣчаетъ Маленькой:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Каково́ съ имъ боро́тися?
«Онъ вѣдь шуринъ царёвъ [4]):
«Надо, Царь вины́ не поло́жилъ [5]).»
Отвѣчаетъ [6]) дядюшка:
— Лишь бы какъ Богъ пособилъ:
— Не будетъ вина на тебѣ!—

Сказали Кастрюку за столомъ,
Сказали Мастрюку за столомъ:
«На улицѣ борецъ у Царя.»
Кастрюкъ изъ за стола вскочилъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися,
Скамью ногой потну́лъ [7]).

---

1) «Ко крылечку.»— 2) Прибавлено: «Отвѣтъ держитъ дядюшка, Ник. Ром.»— 3) «Говоритъ ему.»— 4) «царской.»— 5) Чтобъ Царь не положилъ въ томъ вины; разпор. «не положитъ.»— 6) «ему.»— 7) Ударилъ, задѣлъ.—*O.*

Говоритъ ему сестрица
Марья Темрюковна:
— Ой ты гой еси, бра́телко,
— Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
— Младо́й [1]) Черкашенинъ!
— Не ходи ты на улицу,
— Не ходи ты боротися:
— Тебѣ первое несчастьице [2]),—
— Ты не ладно за скамью скочилъ,
— Скамью ногой потну́лъ.—
Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Побѣжалъ Темрюковъ сынъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися.
Со крыльца [3]) онъ спускается,
Бороться сряжа́ется.
Тутъ Васинька похаживаетъ,
Маленькой погуливаетъ:
«« Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«« Ой ты гой еси, Темрюковъ сынъ,
«« Младо́й [4]) Черкашенинъ!
«« Мы ка́къ станемъ боротися:
«« На свои буйны го́ловы,
«« Или на платье цвѣ́тное?»»
Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Мы станемъ боротися
— На свои буйны головы!—
Говоритъ ему Васинька,
Говоритъ ему Маленькой:
«« Не хочу съ тобой боротися
«« Черезъ буйныя головы,—
«« Ты вѣдь шуринъ царёвъ:
«« Надо—Царь вины не поло́жилъ;

---

[1]) «Молодой.»— [2]) Примѣта несчастная.— [3]) «Со крылечка.»— [4]) «Молодой.»—*О.*

«« Станемъ боротися
«« Черезъ платье цвѣ́тноё;
«« Кого бы кому [1]) одоли́ть,—
«« До нитки платье снять,
«« Того и на срамъ пустить.»»
Васька Кастрюка прихватилъ,
Васька его о́ землю броси́лъ,
Къ землѣ Васька его колѣ́нцемъ прикалъ,
До нитки платье снялъ,
Нагóго на срамъ пустилъ.
Побѣ́жалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
Ко двору государеву,
Ко крыльцу ко Красному:
Отъ сраму онъ, гóре, прикрывается.
Бѣ́житъ въ стрѣ́ту сестрица
Марья Темрюковна,
Несётъ платье цвѣ́тное;
Кастрюкъ оболока́ется,
Изъ Москвы вонъ сряжается.
— Царь Иванъ Васильевичь!
— У насъ этакъ не вóдится,
— У насъ этакъ не бóрются,—
— Кому бы кого одоли́ть,
— До нитки бы платье снять,
— Да того на срамъ пустить
— Чéстнымъ людямъ на посмѣ́шище [2])!—
« Ой ты, Марья Темрюковна!
« Да не мною приказано:
« Приказано дядюшкой
« Никитой Романовичемъ.»
— Спасибо тѣ́, зятюшко,
— Царь Иванъ Васильевичь,
— На твоей каменнóй Москвѣ́:

---

[1]) «Кому бы кого.»— [2]) Слова Марьи.— *О.*

— Не дай мнѣ Богъ бывати,
— Не только мнѣ, да и дѣтямъ моимъ [1])! —

(Запис. адмир. Кузьмищевымъ).

*

5*).

(Тамъ же).

У насъ-то было на святой Русѣ,
На святой Русѣ, въ каменной Москвѣ,
Былъ-жилъ Царь тутъ Иванъ Васильевичь.
Поизволилъ Царь Иванъ Васильевичь женитися,
Во дальней землѣ, во Литовской,
У того ли короля у Литовскаго,
На дочерѣ его на Марьѣ Демрюковнѣ.
Собиралъ онъ свою силу могучую,
Посылалъ во землю во Литовскую.
Походитъ сила во землю во Литовскую,
Отбираетъ сила Марью Демрюковну,
На придатокъ беретъ триста Татаровей;
Поѣзжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Поѣзжалъ Демрюковъ сынъ,
Молодой Черкашенинъ.
Пріѣзжали ребята въ каменну Москву,
Заводилъ ли Царь Иванъ Васильевичь
Про шурина почестный пиръ,

[1]) Слова Кастрюка.—*О.*

*) Ближайше сходна съ предыдущей. — *О.*

Про Кастрюка-Мастрюка, сына Демрюкова.

Кастрюкъ-Мастрюкъ за столомъ сидитъ,
Хлѣба съ солью не ѣстъ, пива съ медомъ не пьетъ,
Зелена̀ вина не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ:
На кого лихо думаетъ.
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой еси, Демрюковъ сынъ,
«Молодой Черкашенинъ!
«Ты за чѣмъ хлѣба съ солью не ѣшь,
«Ты за чѣмъ пива съ медомъ не пьешь,
«Зелена̀ вина не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь?
«На кого лихо думаешь?»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Грозенъ Царь Иванъ Васильевичь!
— А за тѣмъ хлѣба съ солью не ѣмъ,
— А за тѣмъ пива съ медомъ не пью,
— Зелена вина не кушаю,
— Бѣлой лебеди не рушаю:
— На тебя лихо думаю.
— Я хочу у тебя, Царя, спрашивати:
— Есть ли у тебя въ каменно̀й Москвѣ
— Таковы умѣльны борцы,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ?—
Говоритъ Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Свѣтъ Никита Романовичь!
«Да поди-ко ты, дядюшка,
«На крылечко на Красное,
«Стань на сѣръ на горючь камень,
«Закричи-ко ты, дядюшка,
«Во всю буйну голову,

«Чтобъ учу́ли [1]) въ каменно́й Москвѣ:
«Борца ты спрашивай,
«Борецъ намъ надобно,
«Съ Кастрюкомъ поборотися,
«Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
«Съ моимъ со шуриномъ.»
Похо́дитъ дядюшка,
Свѣтъ Никита Романовичь,
На крылечко на Красное,
Привздыма́лся [2]) дядюшка
На сѣръ на горючь камень,
Закричалъ дядюшка
Во всю буйну голову,
Чтобъ учу́ли въ каменно́й Москвѣ.
Изъ избёнышка маленькаго,
Изъ дворёнышка худенькаго,
Бѣжатъ два молодчика:
Васинька Маленькій
Да Потанюшко Хроменькій.
Бѣжатъ они, ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крылечку ко Красному.
Говоритъ тутъ Васинька,
Говоритъ Маленькій;
«« Ахъ ты гой еси, дядюшко,
«« Свѣтъ Никита Романовичь!
«« Что́, дядя, надобно,
«« Чего, дядя, спрашиваешь?»»
— Ой ты гой еси, Васинька,
— Ой ты гой еси, Маленькій!
— Борецъ намъ надобно,
— Съ Кастрюкомъ поборотися,
— Съ Мастрюкомъ по Татарскому,
— Со царевымъ со шуриномъ. —

---

[1]) Услышали. — [2]) Приподнимался. — *O.*

«Никита Романовичь!
«Каково̀ съ нимъ боротися?
«Онъ, вѣдь, шуринъ царевъ:
«Надо, Царь вины не положѝлъ.»»
Отвѣчаетъ дядюшка,
Свѣтъ Никита Романовичь:
— Лишь бы какъ Богъ пособилъ,
— Не будетъ вина на тебѣ!—

Сказали Кастрюку за столомъ,
Сказали Мастрюку за столомъ:
«На улицѣ борецъ у Царя!»
Кастрюкъ изъ засто̀лья вскочилъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися,—
Скамью ногой поткнулъ.
Говоритъ ему сестрица,
Марья Демрюковна:
— Ой ты гой еси, бра́телко,
— Ой ты гой, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
— Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
— Молодой Черкашенинъ!
— Не ходи ты боротися:
— Тебѣ перво несчастьице,—
— Ты не ладно за ска̀мью скочѝлъ,
— Скамью ногою поткнулъ. —
Не во́ймуетъ [1]) Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Побѣжалъ онъ на улицу,
Побѣжалъ онъ боротися.
Тутъ Васинька похаживаетъ,
Маленькій погуливаетъ:
«Ой ты гой, Кастрюкъ-Мастрюкъ,
«Ой ты гой, Демрюковъ сынъ,
«Молодой Черкашенинъ!
«Мы какъ станемъ боротися:
«На свои буйны головы,

[1]) Не внимаетъ. — *О.*

«« Иль на платье цвѣтное?»»
Говоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ:
— Мы станемъ боротися
— На свои буйны головы!—
Говоритъ ему Василька:
«« Не хочу съ тобой боротися
«« Черезъ буйныя головы:
«« Ты, вѣдь, шуринъ царевъ,—
«« Надо, Царь вины не положи́лъ,
«« Станемъ боротися
«« Черезъ платье цвѣтное:
«« Кому бы кого одолить,
«« До нитки платье снять,
«« Того ли на срамъ спустить.»»
Васька Кастрюка прихвати́лъ,
Васька Кастрюка о землю броси́лъ,
Къ землѣ Васька колѣнцемъ прижалъ,
До нитки съ Кастрюка платье обралъ,
Нагого на срамъ спустилъ.
Побѣжалъ Кастрюкъ-Мастрюкъ
Ко дворцу государеву:
Отъ срама онъ, горе, прикрывается.
Бѣжитъ ему въ стрѣту се́стрица,
Несетъ платье цвѣтное:
Кастрюкъ оболока́ется,
Изъ Москвы вонъ сряжается:
— Царь Иванъ Васильевичь!
— У насъ этакъ не водится,
— У насъ этакъ не борятся:
— Кому бы кого одолить,
— До нитки бы платье снять,
— Да того на срамъ спустить,
— Честнымъ людямъ на посмѣшище! —
Говоритъ Грозный Царь,
Царь Иванъ Васильевичь:
« Не сердись, Кастрюкъ-Мастрюкъ:
« То не мною приказано,

«Приказалъ то дядюшка,
«Свѣтъ Никита Романовичь.»
— Спасибо тѣ, зятюшко,
— Царь Иванъ Васильевичь,
— На твоёй каменно́й Москвѣ!
— Да не дай Богъ мнѣ больше бывать
— Во твоёй каменно́й Москвѣ,
— А не то бы мнѣ, да и дѣтямъ моимъ!—

(Отъ В. И. Даля; запис. А. Харитоновымъ).

*

6*).

(Кирша Даниловъ).

Въ годы прежніе,
Времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ,
При Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ государь,
Царь Иванъ Васильевичь,
Поизволилъ онъ женитися.
Беретъ онъ, Царь государь,
Не у себя въ каменной Москвѣ,
А беретъ онъ, Царь государь,
Въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича,

*) Стихи раздѣляемъ иначе, чѣмъ у К. Ѳ. Калайдовича: это уже не Былина, даже не Побывальщина, а такъ называемая Старина (Бабья), въ коей каждый древній стихъ раздѣлился на двѣ малыя половины. — *О.*

Онъ Марью Темрюкову,
Сестру Мастрюковну,
Купаву [1]) Крымскую,
Царицу благовѣрную.
А и царскаго поѣзду
Полторы было тысячи:
Князи-бояра, могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцовъ.
Здравствуетъ [2]) Царь государь
Черезъ рѣки быстрыя,
Черезъ грязи Смоленскія,
Черезъ лѣса Брынскіе,
Онъ здравствуетъ, Царь государь,
Въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка царя,
У Темрюка Степановича;
Онъ понялъ [3]), Царь государь,
Царицу благовѣрную,
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову;
И взялъ въ провожатые за ней
Триста Татаринов,
Четыреста Бухаринов,
Пять сотъ Черкашенинов
И любимаго шурина,
Мастрюка Темрюковича,
Молодаго Черкашенина:
Ужь царскаго поѣзду
Безъ малаго три тысячи,

---

[1]) *Купава* и *упава*, Юго-Слав. *хубава*, Санскритск. *шуб'а*, есть нарицательное—красавица (блестящая, свѣтлая); оно переходитъ въ прозвище и даже имя (какъ здѣсь, и ср. ниже), равно какъ *Запава*, осмысленное *Забава*, *Зыбава*, *Зыбата* и т. п., ср. нашь 4-й выпускъ.— [2]) Всѣ эти «здравствуетъ» значатъ постепенно: въ здоровьѣ отправляется и переѣзжаетъ, въ здоровьѣ пребываетъ, наконецъ въ здоровьѣ возвращается и снова является. — [3]) Взялъ за себя.—*О.*

Везутъ золоту казну
Ко Царю въ каменну Москву.
Переѣхалъ Царь государь,
Онъ рѣки быстрыя,
Грязи Смоленскія
И лѣса Брынскіе.
Онъ здравствуетъ, Царь государь,
У себя въ каменной Москвѣ,
Во палатахъ бѣлокаменныхъ,
Въ возлюбленной Крестовой своей [1]):
Пиръ на веселѣ,
Повелъ столы на радостяхъ.
И всѣ ли князи-бояра,
Могучіе богатыри,
И гости званые,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ,
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются,
Зелено вино кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ.
А единъ не пьетъ да не ѣстъ,
Царской гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичь,
Молодой Черкашенинъ.
И за чѣмъ хлѣба-соли не ѣстъ,
Зелена вина не кушаетъ,
Бѣлу лебедь не рушаетъ?
У себя на умѣ держитъ:
Изошелъ онъ семь городовъ,
Поборолъ онъ семдесятъ борцовъ,
И по себѣ борца не нашелъ;
И только онъ думаетъ,
Ему вѣра поборотися есть
У Царя въ каменной Москвѣ,
Хочетъ Царя потѣшити
Со Царицею благовѣрною,

---

[1]) Палатѣ.—*O.*

Марьею Темрюковною;
Онъ хочетъ Москву загонять,
Сильно Царство Московское.

Никита Романовичь
Объ томъ Царю доложилъ,
Царю Ивану Васильевичу:
— А и гой еси, Царь государь,
— Царь Иванъ Васильевичь!
— Всѣ князи-бояра,
— Могучіе богатыри
— Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются
— На великихъ на радостяхъ;
— Одинъ не пьетъ не ѣстъ,
— Твой Царской гость дорогой,
— Мастрюкъ Темрюковичь,
— Молодой Черкашенинъ:
— У себя онъ на умѣ держитъ,
— Вѣра поборотися есть,
— Твое Царское Величество потѣшити
— Со Царицею благовѣрною.—
Говоритъ тутъ Царь государь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ты садися, Никита Романовичь,
«На добра коня,
«Побѣги по всей Москвѣ,
«По широкимъ улицамъ
«И по частымъ переулочкамъ.»

Онъ будетъ дядюшка,
Никита Романовичь,
Середь Юрья Повольскаго,
Слободы Александровы [1]);
Два братца родимые
По базару похаживаютъ,
А и бороды бритыя,

[1]) Любимое мѣстопребываніе Ивана представляется въ Москвѣ. — *O.*

Усы торженые [1]),
А платье Саксонское,
Сапоги съ раструбами [2]);
Объ ручку-то дядюшкѣ челомъ [3]):
«А и гой еси ты, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Кого ты спрашиваешь?
«Мы борцы въ Москвѣ похваленые,
«Молодцы поученые, славные.»»
Никита Романовичь
Привелъ борцовъ ко дворцу.
Говорили тутъ борцы-молодцы:
«Ты Никита Романовичь,
«Ты изволь объ томъ Царю доложить:
«Смѣть ли нога ступить [4])
«Съ царскимъ шуриномъ
«И смѣть ли его побороть?»»
Пошелъ онъ, Никита Романовичь,
Объ томъ Царю доложилъ,
Что привелъ борцовъ ко дворцу.
Злата труба протрубила [5])
Во полатѣ бѣлокаменной,
Говорилъ тутъ Царь государь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ты Никита Романовичь,
«Веди борцовъ на дворъ,
«На дворецъ государевой,
«Борцовъ ученыихъ,
«Молодцовъ похваленыихъ,
«И въ томъ имъ приказъ отдавай:
«Кто бы Мастрюка поборолъ,
«Царскаго шурина,

---

[1]) Поднятые къ верху, закрученные.—[2]) Одежда какъ у Скомороховъ: ср. платье Латынское у Добрыни, передѣвавшагося скоморохомъ, въ прежнихъ выпускахъ.—[3]) Кланяются какъ скоморохи, «люди вѣжливые и очестливые,» ср. вып. 5.—[4]) Нога въ ногу соступиться въ борьбѣ.—[5]) Т. е. какъ труба протрубила, что не труба протрубила.—*О.*

«Платье бы съ плечь снялъ [1]),
«Да нагаго съ круга [2]) спустилъ,
«А нагаго—какъ мать родила,
«А и мать на свѣтъ пустила.»
Послышалъ Мастрюкъ борцовъ,
Скачетъ прямо Мастрюкъ
Изъ мѣста большаго [3]),
Изъ угла передняго,
Черезъ столы бѣлодубовы,
Черезъ яства сахарныя,
Черезъ питья медвяныя:
Лѣвой ногой задѣлъ
За столы бѣлодубовы,—
Повалилъ онъ тридцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей;
Живы да негодны,
На корачкахъ ползаютъ
По палатѣ бѣлокаменной:
То похвальба Мастрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбѣжалъ тутъ Мастрюкъ
На крылечко Красное,
Кричитъ во всю голову,
Чтобы слышалъ Царь государь:
— А свѣтъ ты, вольной Царь,
— Царь Иванъ Васильевичь!
— Что̀ у тебя въ Москвѣ
— За похвальные молодцы,
— Поученые, славные?
— На ладонь ихъ посажу,
— Другой рукою раздавлю!—
Съ борцами сходится
Мастрюкъ Темрюковичь;
Борьба его ученая,

---

[1]) Тотъ платье бы съ плечь спялъ. — [2]) Съ поля, арены борьбы. — [3]) Читайте: «бо́льшаго.»—*О.*

Борьба Черкесская:
Колесомъ онъ бороться пошелъ.
А и малой выступается,
Мишка Борисовичь:
Смотритъ Царь государь,
Что кому будетъ Божья помочь,
И смотрятъ ихъ борьбу князи-бояра,
И могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ козаковъ.
А и Мишка Борисовичь,
Съ носка бросилъ о землю
Онъ царскаго шурина;
Похвалилъ его Царь государь:
«Исполать тебѣ, молодцу,
«Что чисто борешься!»
А и Мишка къ сторонѣ пошелъ,
Ему полно боротися.
А Потанька бороться пошелъ, —
Костылемъ подпирается,
Самъ впередъ подвигается,
Къ Мастрюку приближается:
Смотритъ Царь государь,
Что кому будетъ Божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнетъ корчагою,
Воздымалъ выше головы своей,
Опустилъ о сыру землю, —
Мастрюкъ безъ памяти лежитъ;
Не слыхалъ, какъ платье сняли:
Былъ Мастрюкъ во всемъ,
Сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ;
Ожерелье въ пятьсотъ рублевъ
Безъ единыя денежки,
А платья Саксонскаго
Снялъ на три тысячи:
Со стыда и сорома,

Окорачкахъ подъ крылецъ ползетъ.

Какъ бы бѣла лебедушка,
По зарѣ она прокликала,
Говорила Царица Царю,
Марья Темрюковна:
— Свѣтъ ты, вольной Царь,
— Иванъ Васильевичь!
— Такова у тебя честь добра
— До любимаго шурина?
— А дѣтина паругается,
— Что дѣтина деревенской:
— Почто онъ платье снимаетъ?—
Говорилъ тутъ Царь государь:
«Гой еси ты, Царица во Москвѣ,
«Да ты Марья Темрюковна!
«А не то у меня честь во Москвѣ,
«Что Татары-тѣ борются;
«То-то честь въ Москвѣ,
«Что Русакъ тѣшится!
«Хотя бы ему голову сломилъ,
«До люби [1]) бы я пожаловалъ
«Двухъ братцовъ родимыихъ,
«Двухъ удалыхъ Борисовичевъ [2])!»

*

7*).

(Симбирск. губ., Сенгилеевск. у.).

Какъ у насъ было, братцы, на святой Русѣ,
Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Поизволилъ Царь женитися,

[1]) До люби—до любви, съ полной любовью; у Калайдовича ошибочно: «Долюбилъ бы я, пожаловалъ.»—[2]) Ср. вып. 5, «Князья Тверскіе.»—*О.*

*) Разнорѣчія, которыя мы приведемъ, приписаны карандашемъ.—*О.*

Еще Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ беретъ не у насъ во Русѣ,
А беретъ въ проклятой Литвѣ,
У того ли у Татарина,
У мурзы, дочь, у боярина,
У того ли Кострюка-Мострюка,
Кострюка Темрюковича [1]),
Черезъ бо́льшую меньшу́ю беретъ,
Онъ [2]) Марью Темрюковну.
Онъ за тѣмъ черезъ большую
Меньшую беретъ [3]),—
Она много приданаго даетъ:
Она двѣсти Татариновъ,
Пятьдесятъ бояриновъ,
Пятьсотъ Донскіихъ казаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ.

И пошелъ [4]) пиръ на веселѣ,
И бесѣдушка на радости.
Ужь всѣ гости пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
Онѣ пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
Бѣла лебедя рушаютъ,
На Царя лиха не думаютъ.
Одинъ гость не пьетъ—не ѣстъ—не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
На Царя лихо думаетъ:
Ужь тотъ же гость Кострюкъ-Мострюкъ,
Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
Молодой Черкашенинъ [5]).
Онъ и́споситъ у Царя борцовъ,
Что борцовъ—удалыихъ молодцо́въ [6]),
Что ни лучшихъ добрыхъ мо́лодцевъ.

---

[1]) «У того ли у Темрюковича.»—[2]) «Онъ и.»—[3]) «Не большую, а меньшую онъ беретъ.»—[4]) «И пошелъ тутъ.»—[5]) «Ужь и тотъ ли гость—К. М., Онъ К. М. Темрюк., Молодой, братцы, Черкешанинъ.»—[6]) «Что борцовъ-удальцовъ.»—*О.*

И случился тутъ дядюшка,
Князь Никита Романовичь:
— Я пойду, Царю, братцы, скажу,
— Я пойду, государю доложу:
— Ты о еси [1]), Царь государь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичь!
— Уже всѣ гости пьютъ и ѣдятъ,
— Они пьютъ-ѣдятъ-кушаютъ,
— Бѣла лебедя рушаютъ,
— На Царя лиха не думаютъ.
— Одинъ гость не пьетъ — не ѣстъ — не кушаетъ,
— Бѣла лебедя не рушаетъ,
— На Царя онъ лихо думаетъ:
— Еще тотъ же гость — Кострюкъ-Мострюкъ,
— Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
— Молодой Черкашенинъ.
— Онъ и проситъ у Царя борцовъ,
— Борцовъ, удалыихъ молодцовъ,
— Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ.—
Ужь и тотъ же Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Онъ выходитъ на Красенъ крылецъ,
Взговорилъ какъ въ трубу затрубилъ:
«Уже нѣтъ ли въ Москвѣ борцовъ,
«Борцовъ, удалыихъ молодцовъ,
«Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ?
«Онѣ шли бы на царскій дворъ,
«Безъ всего безопасышно,
«Безъ всего бездокладышно [2])!»

Не случилося въ Москвѣ борцовъ,
Борцовъ, удалыихъ молодцовъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ:
А случилися два брата родныхъ,

---

[1]) «Ужь ты гой еси.»—[2]) «Они шли бы безпосылочно, Они шли бы бездокладочно, Онѣ шли бы на царской дворъ.»—*О.*

Два Василія Васильевича.
Они же со Низовой стороны,
Уроженцы весела́ го́рода,
Александровской Сло́боды.
Они шли же на царской дворъ,
Безъ всего безопасышно,
Безъ всего бездокладышно;
Они полы-ты затыкивали,
А сапожки потягивали [1]),
Они шапочки заламывали,
Усы за́ уши закладывали.
Тотъ же Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Взговорилъ таковыя словеса:
«Ты о еси, дядюшка,
«Князь Никита, ста, Романовичь!
«Ты поди-ка, попотчивай гостей,
«Ты поди-ка, покла́няйся!»
И пошолъ къ нимъ дядюшка,
Князь Микита, ста, Романовичь,
Онъ и сталъ гостей потчивать,
Онъ и сталъ гостемъ кланяться:
— О вы о еси, гости званые,
— О вы, гости, ста, бра́ныя!
— Вы пожала-ста покушайте,
— Бѣла лебедя порушайте,
— На Царя лиха не думайте!
— О ты о еси, Кострюкъ-Мострюкъ,
— Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
— Молодой Черкашенинъ!
— Еще вотъ тебѣ и хлѣбъ да и соль,
— И вотъ къ тебѣ борцы пришли,
— Борцы, удалые молодцы,
— Что ни лучши добры мо́лодцы!—
Еще кинулся Кострюкъ-Мострюкъ,

---

[1]) Подтягивали — *О*.

Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
Молодой Черкашенинъ:
Онъ и семь скамей поломилъ,
Онъ много людей подавилъ,
Онъ двѣсти Татаринов,
Пятьдесятъ бояринов [1]),
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ.
Онъ пошолъ же на царскій дворъ.
Да и тотъ же Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Онъ сдѣлалъ съ нимъ схватычку,
Еще съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
Съ Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
Съ молодымъ Татарченкомъ.
Онѣ стали боротися,
Онѣ стали водитися.
Ужь Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Онъ и самъ на себя попустилъ:
Уже стала пошибычка
Того ли Кострюка-Мострюка,
Кострюка-Мострюка Темрюковича.
Онъ всталъ, да и самъ похваляться сталъ:
— Уже я заперъ землю Шведску,
— Я заперъ Литовскую,
— Я запру каменну всею Москву!—
Ужь и тотъ Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Взговоритъ таковыя словеса:
«« О ты о еси, Царь государь,
«« Царь Иванъ сударь Васильевичь!
«« Не можно ли Кострюка побороть,
«« Не можно ли нагого пустити,
«« Нагого, въ чемъ мать родила?»»
Взговоритъ тутъ Царь государь,

---

[1]) «большихъ бояринов.»—*O*.

Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Ты о еси, Васильюшка,
«Что Васильюшка Маленькой!
«Ты пожалуй, побори мнѣ Кострюка,
«Ты пожала-ста потѣшь меня, Царя,
«Какъ тебя мочь взяла!»
Еще тотъ Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Онъ сдѣлалъ опять схватычку,
Съ тѣмъ же Кострюкомъ-Мострюкомъ,
Кострюкомъ-Мострюкомъ Темрюковичемъ,
Молодымъ Черкашенинымъ.
Онѣ стали боротися,
Онѣ стали водитися.
Тотъ же Васильюшка,
Что Васильюшка Маленькой,
Онъ и взялъ крѣпко за бѣлы его руки,
Онъ ударилъ объ сыру его землю:
Что у него пуговки лопнули,
Да и петелки треснули.
Онъ и сшибъ съ него платье цвѣтное,
И взялъ — да подъ пазуху поджалъ,
Онъ понесъ на царевъ на кабакъ:
«Изъ того-то я, братцы, Царю служилъ,
«Изъ того-то государю работалъ!»
Тотъ же Кострюкъ-Мострюкъ,
Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичь,
Молодой Черкашенинъ,
Онъ и всталъ, да самъ шататься сталъ,
Онъ сорома-тъ ладонью зажалъ,
А самъ въ подклѣть побѣжалъ.

Увидала его сестрица,
Марья Темрюковна:
— Ты крестьянинъ, крестьянинъ, б....
— Деревянныя, б...., рогатины,
— Крапивны, б...., сѣмены!

— Не надо бы Кострюка такъ бороть,
— Не надо бы нагого пускать,
— Нагого, въ чемъ мать родила!—
Взговоритъ Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Ужь ты баба
«Ты ба́бье и знай!
«Татарина-тъ бѣсится,
«А Русака-тъ тѣшится!»

(Записалъ Н. С. Ржевитиновъ).

*

8.

(Арханг. губ., Шенкурск. у.).

Во матушкѣ было въ каменной Москвѣ,
При Грозномъ Царѣ Иванѣ Васильевичѣ,
Были годы тѣ недо́шлые, времена были студеныя [1])
Задумалъ Царь Иванъ Васильевичь женитися,
Благовѣрный обручитися,
Онъ не въ матушкѣ въ каменно́й Москвѣ
И не въ матушкѣ славной Вологдѣ,—
Во той во землѣ во Польскія,
У короля у Церконовскаго, у Литовскаго,
У того у Кастрюка на ме́ньшей сестрѣ.

---

[1]) Разнорѣч. «потрусли́выя,» съ землетрясеніемъ, а также съ военными безпокойствами, заставлявшими робѣть.—*О.*

Еще скоро но́ скору, скоро на́ скоро,
Тутъ поѣхалъ Иванъ Васильевичь женитися.
Ему стрѣ́ту ладитъ [1]) Кастрюкъ съ барабанной музы́кою:
— Ужь ты здравствуй, Царь Иванъ Васильевичь!
— Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ торго́мъ торговать,
— Еще ты ли ко мнѣ пріѣхалъ сбирать пошлину,
— Сбирать пошлину за двѣнадцать лѣтъ? —
Отвѣчаетъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Я пріѣхалъ къ тебѣ не торгомъ торговать,
«Я пріѣхалъ къ тебѣ не за пошлиной:
«Я пріѣхалъ къ тебѣ женитися,
«На твоей жениться на меньшо́й сестрѣ.»
Еще скоро по скору, скоро на скоро,
Сряжаетъ Кастрюкъ свою сестру.
Спимается [2]) Грозный Царь Иванъ Васильевичь
Во свои зе́мли во Русскія,
Во свою во матушку въ каменну Москву.

Пошло красное солнышко ко западу,
Пошелъ честенъ пиръ, всѣ на́ веселѣ,
Всѣ на пиру сидятъ — пьютъ-ѣдятъ,
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.
Кастрюкъ сидитъ — не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ.
На кого лихо думаетъ?
Еще или онъ на Царя на православнаго,
Еще или онъ на сестрицу на любимую,
Еще или онъ на князей — на бояръ,
Еще или онъ на торговыхъ на гостей,
Еще или онъ на прислужащихъ всѣхъ.
Что возговоритъ Грозный Царь Иванъ Васильевичь:
«Ужь ты гой еси, Никита Романовичь!
«Ты иди-ко, поспроси его:
««Ужь ты что́, скажи, Кастрюкъ молодой,

---

[1]) Готовится на встрѣчу, съ готовностью встрѣчаетъ. — [2]) Сряжается, отправляется. — *О.*

«« Что̀ сидишь, не пьешь—не кушаешь,
«« Бѣлой лебеди не рушаешь?
«« На кого лихо думаешь:
«« Еще или на Царя на православнаго,
«« Еще или на сестрицу любимую,
«« Еще или на князей-бояръ,
«« Еще или на торговыхъ гостей,
«« Еще или на прислужащихъ всѣхъ?»»
Отвѣчаетъ Кастрюкъ молодой:
— Ужь я той думы не думаю,
— Я тѣхъ мыслей не примысливаю.
— Ужь я всѣ города ходомъ прошелъ,
— Ужь я всѣхъ славныхъ борцовъ пріоборолъ;
— Я теперь во Москву вступилъ,
— Въ ту же матушку въ славну въ Вологду [1]):
— Изъ твоей изъ матушки каменно̀й Москвы
— Я хочу честь-честь свою и славу унести. —

Походилъ Никита Романовичь
Ко Царю Ивану Васильевичу:
«« Ужь ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
«« Молодой Кастрюкъ той думы не думаетъ:
«« Ужь онъ всѣ города прошелъ,
«« Онъ всѣхъ сильныхъ борцовъ пріоборолъ;
«« Онъ пріѣхалъ теперь въ каменну Москву:
«« Хочетъ изъ Москвы честь-славу унести.»»
На это Грозный Царь отвѣтъ держитъ:
« Ужь ты гой еси, Никита Романовичь!
« Ты бери-ко трубу золоту свою,
« Выходи на крылечко на Красное,
« Ты труби-ко въ трубу золоту свою,
« По тому переулочку Косящетому [2]),

---

[1]) Какъ и выше, это признакъ, что Былина пѣлась въ Вологдѣ и занесена оттуда. — [2]) Разпорѣчіе:

« Ты труби-ко во всю голову,
« Чтобы слышно всему городу!»—*О.*

«Кабы шли борцы на царскій дворъ!»
Бралъ Никита золоту трубу,
Выходилъ на крылечко на Красное,
Онъ трубилъ въ трубу золоту свою.
По этому переулочку Косящету [1])
Идетъ два борца, два молодца:
Одинъ идетъ Илеюшко Хроменькій,
На одну ножку припадываетъ,
На другую ножку подковыливаетъ,
Костылькомъ онъ подпирается;
Другой борецъ идетъ Иванушка Маленькій [2]).

««Ужь ты здравствуй, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
««У тебя хлѣбъ-соль завсегда на столѣ,
««У тебя борцы завсегда во дворцѣ!»»
Что на это Грозный Царь отвѣтъ даетъ:
«Ужь ты гой еси, Никита Романовичь!
«Ты поди-ко, поспрошай его:
«Не во хмѣлю ли у него слово молвилось,
«Не во хмѣлю ли онъ призахва́стнулся?»
Тутъ пошелъ Никита Романовичь:
««Ужь ты гой еси, Кастрюкъ молодой!
««Ты за чѣмъ сидишь — не пьешь, не кушаешь,
««Нашей лебеди не рушаешь?
««Наша хлѣбъ-соль завсегда на столѣ,
««Наши борцы завсегда при дворцѣ.
««Не во хмѣлю ли у тебя слово молвилось,
««Не во хмѣлю ли ты призахва́стнулся?»»
Скакалъ Кастрюкъ на рѣзвы ножки,
Онъ скакалъ черезъ столики дубовые,
Черезъ тѣ ли скатерти бе́рчаты [3]),

---

[1]) Разнорѣчіе:
Изъ за улка изъ за Глинникова,
Изъ за улки изъ за Пирожниковой.

[2]) За симъ слова Никиты, исполнившаго порученіе. — [3]) Бранил.—*O*.

Черезъ тѣ кушанья сахарныя,
Черезъ тѣ напитки черезъ пали́вные:
Онъ стопталъ сто князей со боярами,
Онъ стопталъ другое сто Донскихъ казаковъ.

Выходилъ Кастрюкъ на новы сѣни,
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи [1]):
— Ужь ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичь!
— Мнѣ-ка не съ кѣмъ итти здѣсь боротися,
— Мнѣ-ка не на комъ здѣсь бѣлыхъ рукъ патра́ть [2])! —
Тутъ пошелъ Кастрюкъ на широкій дворъ,
Онъ пошелъ съ Илеюшкой со Хро́менькимъ:
Тутъ пошелъ Кастрюкъ въ больше́ колесо [3]),
Тутъ пошелъ Илеюшко въ маленькое;
Кастрюкъ по́билъ Илеюшку Хро́маго.
Выходилъ Иванушка Маленькій,
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи:
«« Ужь ты гой еси, Грозный Царь Иванъ Васильевичь!
«« Еще какъ мнѣ-ка съ нимъ итти боротися:
«« Еще или намъ рука-нога вонъ выворотить,
«« Еще или намъ буйна голова вы́ставить [4]),
«« Изъ рубашки ли повылупить?»»
Что на это Грозный Царь отвѣтъ несетъ:
«Ты борись, не печалься, лишь бы Богъ пособилъ!»
Походилъ Кастрюкъ въ больше́ колесо,
Походилъ Иванушка побольше того:
Еще былъ Кастрюкъ на рѣзвыхъ ножкахъ,
Очутился Кастрюкъ на буйно́й головѣ.

---

[1]) Разпорѣчіе:

Выходилъ Кастрюкъ на бѣлоду́бовъ дворъ,
По двору-то онъ похаживаетъ,
На бордовъ Кастрюкъ посматриваетъ,
Онъ самъ говоритъ таковы рѣчи...

[2]) Марать, грязнить. — [3]) Видъ борьбы, крутясь въ большой кругъ. — [4]) Вывихнуть, выломить. — *О.*

Хваталъ Иванушко съ него платье цвѣтное;
Убѣгалъ Кастрюкъ на конюшій дворъ,
Гдѣ собаки щенками щенятся [1]).

(Отъ В. И. Даля; записано А. Харитоновымъ, а разнорѣчія имъ же отъ болѣе искусныхъ пѣвцовъ).

* *

IV.

1*).

(Владимірск. губ.).

Какъ у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Какъ женится православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичь.
Онъ беретъ въ Турецкой землѣ
Молоду княжну Марью Темрюковну.
А за ней три посла пришли:
А и триста Татариновъ,
Полтораста Черкашеновъ,
Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
Удалыхъ-добрыхъ молодцевъ.
А еще-то посолъ пришелъ,—
Мастрюкъ Мастрюковичь,
Молодой князь Темрюковичь,
Родной братъ Марьи Темрюковны.

По палатамъ расхаживаетъ,
И кушанья разставливаетъ,
Дорогихъ гостей потчуетъ:

[1]) Разнорѣчіе прибавляетъ: «Гдѣ свиньи лóсятся.» — *О.*

*) Этотъ отдѣлъ отличается краткостью состава и отрывочностью. — *О.*

— Вы покушайте, дороги гости,
— Ужь вы триста Татаринов,
— Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
— Удалыхъ-добрыихъ молодцевъ!—
А они ему въ отвѣтъ говорятъ:
««А что ты, князь, не пьешь—не кушаешь?
««На насъ ли ты думу думаешь,
««На царство Московское,
««На Ивана Васильевича?»»
— На васъ то я думу думаю [1]),
— На Ивана Васильевича,
— На Царя православнаго.
— Ужь я семъ городовъ прошелъ,
— По себѣ я бойца не нашелъ!—

Какъ идетъ тутъ Ивашечка съ кропечку,
Онъ на ножку припадаетъ,
На языкъ пришепетываетъ:
Сталъ съ Мастрюкомъ боротися.
Онъ на перву пошибку пошибъ,—
Съ Мастрюка черну шляну сшибъ;
А другую пошибку пошибъ,—
Съ князя цвѣтно платье сшибъ;
А и третью пошибку пошибъ,—
А и князя съ ногъ долой сшибъ.

Увидѣла княжна Марья Темрюковна
Изъ высокова терема:
— Ты мужикъ, мужицкій сынъ,
— Ты кропивны сѣмена!
— Не за свой кусъ принимаешься,
— Этимъ кусомъ подавишься!—
Тутъ Мастрюкъ со стыдомъ побѣжалъ.
..... ладонью зажалъ.

(Ср. «Москвит.» 1852 г.).

*

[1]) Не думаю?—*О.*

2.

(Симбирск губ., с. Станичное).

Какъ у насъ было въ каменнòй Москвѣ,
У Царя Ивана Васильевича,
Поизволилъ онъ жениться.
Онъ беретъ сестру меньшýю черезъ бóльшую,
Не у князя, не у барина,
У тово ли у Черкашенина,
Василису Темрюковну,
Молодую Черкашенину.

И сдѣлалъ онъ пречесной ширъ,
И созвалъ всѣхъ князей-бояръ,
[Князей-бояръ] и сильныхъ богатырей.
Кто во бесѣдѣ чѣмъ похвалится,
Возговоритъ Кастрюкъ-Мастрюкъ,
Молодой Черкашанинъ:
— Царь Иванъ Васильевичь,
— При блаженной своей памяти [1])!
— Есть ли борцы-молодцы
— На государскінмъ дворцѣ?—
Какъ возговоритъ Царь государь,
Царь Иванъ Васильевичь:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
«Никита Романовичь!
«Выходи ты на Красенъ крылецъ,
«Закричи ты своимъ громкимъ голосомъ,
«Чтобы слышно по всей Москвѣ!»

---

[1]) Привычка относиться такимъ образомъ въ Былинахъ къ покойному Царю перешла и въ самый разсказъ.—*О.*

Во Ондрѣевской славной улицы,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося,
Удалыихъ не годилося:
Солучились два братца родимыя,
Два Андрея два Андреича,
Одинъ прихрамыватъ,
А другой приволакиватъ [1]).
Со первымъ братомъ схватился,—
Онъ [2]) золотъ стулъ повалилъ,
Полтораста бояръ задавилъ,
Пять сотъ Донскихъ козаковъ:
Ни которой ни которова не пошибъ,
Они братьями назвалися,
Крестами побратался [3]).
Какъ возговоритъ меньшой братъ Андреюшка:
«« Охъ ты гой еси, Царь государь,
«« Ища смѣть ли мнѣ Кастрюка побороть?»»
Какъ возговоритъ Царь государь:
« Бей ты Кастрюка по ногамъ,
« Чтобы у тебя былъ Кастрюкъ въ рукахъ!»
Первую пошибку пошибъ, —
Цвѣтное платье съ Кастрюка сшибъ.

Увидала ево сестрица,
Василиса Темрюковна:
— Охъ ты б....кой сынъ, б....ки сѣмины!
— Ужь ты смѣшь ли Кастрюка побороть?
— Мало васъ насѣяно, а много расплодилося!—

(Язык.).

*

---

[1]) Ногою, волочётъ ногу.— [2]) Кастрюкъ.—[3]) Это невозможно относительно Кастрюка, но перенесено сюда изъ обычая древнихъ богатырей и борцовъ.—*О.*

3.

(Той же губ., с. Головино).

Ой ты гой еси, Царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичь,
При блаженной сударь памяти,
Попзволилъ Царь женитися.
Онъ беретъ не у насъ въ Москвѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Молоду̀ Марью Темрюковну.
Не много съ ней приданова берётъ:
Пять сотъ Донскихъ казаковъ,
Полтораста Черкашенинов̀ъ,
Еще триста уланищевъ [1]);
А еще-то онъ приданова беретъ—
Любимова шуринушку,
Кострюка Темрюковича.

А Кострюкъ-то къ нему въ гости не йдетъ,
Молодой въ гости не жалуетъ;
Онъ на третій годъ загулялъ,
Онъ къ Царю-то въ гости побывать:
Кострюково было счастьице,
Царю-то бещастьице [2]).
Тутъ возговоритъ Кострюкъ-Мострюкъ,
Молодой Темрюковичь:
— Ой ты гой еси, Царь государь,
— Царь Иванъ сударь Васильевичь!
— Какъ бывало я съ измолоду,

---

[1]) Уланъ—молодецъ, малой. — [2]) Относится къ тому, что въ Москвѣ не случилось борцовъ (ср. стихи ниже). — *О.*

— То-то мое-тъ круговой носкокъ [1]),
— То-то весь разумъ верченый!
— Я охотничекъ боротися былъ,
— Съ борцами поборотися,
— Съ молодцами поводитися.—

Пиръ-бесѣда солучилася,
Въ Москвѣ борцовъ не случилося;
Только двое солучилося,
Двое братцы родимые,
Мишута со Гришутою:
Кострюково было счастьице,
Царево-то бещастьице.
Свѣтъ Микита Романовичь
Поскорёхонько на ножиньку прыгнулъ,
За скамейку своей ножинькой задѣлъ,
Пять сотъ козаковъ задавилъ,
Полтораста Черкашенинovъ
И триста уланищевъ [2]).
Тутъ идутъ борцы-молодцы,
Гришута съ Мишутою:
Саножки натягиваютъ,
Усы за̀ уши закладываютъ;
Они идутъ на царской дворъ:
«« Еще есть ли у васъ борцы-молодцы,
«« Есть ли удалые удальцы?»»
Со Мишутой у нихъ схваточка была,—
Кострюку-то много Богъ помогалъ,
Со Мишуты онъ саножишки сшибъ.
Со большимъ со Гришутою было,—
Тутъ Гришутѣ много Богъ помогалъ,
Съ Кострюка-то онъ портчишки сшибъ,
Пучишушка пукнула [3]),
Шелковыя петли треснули:
Кострюка-тъ ногишкой [4]) сталъ,

---

[1]) То-то я молодецъ былъ въ кругу скакать.—[2]) Такъ все это перебито: ср. Былины выше.—[3]) Лопнуло все, что было натянуто, связано, застегнуто.—[4]) Нагишомъ.—*О.*

Сорома-ть ладонью зажалъ,
Онъ самъ подъ заходъ побѣжалъ.

Увидѣла сестрица,
Молода Марья Темрюговна:
— Ты мужикъ, ты мужичей сынъ,
— Крапивные сѣмяны!
— Не много васъ насѣяно,
— Только много васъ порóжено!—

(Язык.).

*

4.

(Симбирскъ).

Какъ у насъ было во святой во Руси,
Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Какъ задумалъ Царь женитися,
Царь Иванъ сударь Васильевичь.
Онъ беретъ не у насъ во Руси,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Не у князя, не у барина,
У того мурзы Татарина,
Онъ беретъ его родну сестру,
Катерину Темрюговну.
Братъ не много съ ней приданаго даетъ:
Только два братца родимые,
Два молоденьки Черкáсина.

Они вышли на улицу гулять,
Меньшой братъ похваляться сталъ:

— Какъ запру я землю Шведскую,
— Затворю я каменну Москву,
— Государевы всѣ промыслы,
— Съ государя стану пошлину брать,
— Съ борольщиковъ поборное,
— Съ кулашниковъ покулачное,
— Съ молодыхъ бабъ побашное [1]),
— Съ красныхъ дѣвокъ подвѣнечное [2])!—

Большой братъ осержается,
Подошелъ къ нему тихохонько,
Взялъ его легохонько,
Ударилъ объ сыру̀ землю̀:
Онъ разбилъ его всѣ косточки,
Раздробилъ его суставчики.

Увидала государыня,
Закричала громкимъ голосомъ:
— Ахъ вы злые-злые сѣмяны!
— Не поле васъ насѣяно,
— Только два братца родимые,
— Два молоденьки Черка́сина [3])!—

(Запис. 1838 г.).

*

5.

(Симбирск. губ., Сызрань).

Слушай-послушай, старики,
Стародавніе разбойнички:
Ужь какъ я вамъ стану сказывати,
Еще какъ стану разсказывати.

---

[1]) Съ бани, когда сводятъ туда молодыхъ.— [2]) Повѣнечное, съ вѣнца, съ брака.— [3]) Такъ, по сбивчивости, осмыслено: Царица этими словами жалѣетъ братьевъ, «злыя Татарскія сѣмяна,» что немного ихъ всего было, да и то одинъ другаго убилъ (ср. Былины выше).—*О.*

У насъ было при прежнемъ Царѣ,
При Иванѣ при Васильевичѣ,
Онъ думалъ, Царь, женитися,
Онъ беретъ не у насъ на Русѣ,
Онъ беретъ во иной землѣ,
Не у князя, не у барина,
У того мурзы Татарина,
Онъ беретъ его родну сестру,
Екатерину свѣтъ Темлюговну.
Онъ не много съ ней приданаго беретъ:
Только два братца родимыхъ,
Два молоденькихъ Черкасиновъ.

Ме́ньшій братъ похваляться больно сталъ:
— Затворю я землю Шведскую,
— Затворю я каменну славну Москву,
— Государевы всѣ промыслы,
— Стану съ Царя пошлины брать,
— Съ молодыхъ бабъ побанное,
— Съ старушёнокъ пострянушное,
— А съ молодыхъ подвѣнечное [1])!—

Большой братъ разсержаться сталъ,
Выходилъ онъ на красёнъ-Красной крылецъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ,
Молодецкимъ своимъ посвистомъ:
«Еше есть ли въ каменной славной Москвѣ
«Борцы-бойцы-кулачнички,
«Разуда́лы-до́бры мо́лодцы,
«На кулачно покулашнички,
«Побороться поборошнички?»

Выходилъ тутъ младъ одинъ тутъ человѣкъ,
Темрукъ Темруговичь,
Мастрюкъ Мастрюковичь.
Онь и первую пошибочку посшибъ,—

---

[1]) Ср. выше —*О*.

Съ Темрюгалова саножки сшибъ;
А другую пошибочку пошибъ,—
Съ Темрюгалова сорочку сшибъ,
Оставилъ его, въ чёмъ матушка родила,
Сударыня въ чемъ бабушка повила.

(Язык.).

*

6.

(Калужск. губ., Боровск. уѣзда, с. Слобода).

Какъ у насъ было при старомъ при Царю,
При Ивану-то Васильевичу,
Онъ задумалъ женитися,
Онъ беретъ изъ иной земли,
Онъ и Марью Димiюрьевну.

Онъ и всѣхъ гостей созвалъ,
Одного гостя не звалъ,—
Свово шурина любимова,
Кастрюка-то Димiюрьевича.
Пріѣзжалъ онъ опослѣ всѣхъ,
Онъ садился повыше всѣхъ,
Хлѣба-соли не кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
Борца попрашиваетъ.

Ино вышли два братца,
Два Андрея два Андреевича,
Ужь собою они малёшеньки,
У нихъ ноги коротёшеньки,
У нихъ бороды до нóяса висятъ,
Усы за̀ уши закладываютъ,
Борца попрашиваютъ.
Ухватилися, водилися

Со вечеру до полуночи,
Съ полуночи до бѣла свѣта:
Ужь я ли взялъ его въ охапочку,
Ударилъ объ сыру̀ землю̀,—
Мать сыра земля дрогнулася,
Свѣтло платьице раздернулося,
Бѣло тѣлецо разлопалося.

(Отъ семидесятилѣтней старухи).

*

7.

(Симбирск. губ., с. Головино).

Было, братцы, не у насъ въ Москвѣ,
А бы́ло во иной землѣ,
Попзволилъ Царь сударь
Иванъ Васильевичь женитися.
Онъ беретъ Марью Темрюковну,
Молодую королевишну;
Приданова много за ней:
А приданова три земли,
Перва земля Польская,
Другая Литовская,
Третья Черкасская.

Его шуринъ осержается,
Къ Царю на пиръ не жалуетъ;
На третій годъ загулялъ,
Къ Царю на пиръ пожаловалъ.
Воходитъ во палатушку,
Во палату бѣлокаменну:
Сажали его за дубовые столы,
За скатерти шелко́выя....

(Язык.).

* *

V.

1*).

(Вологодск. уѣзда).

Собиралася кунавушка [1]),
Собиралася не Русская,
И царица Крымская,
Во мать каменну Москву,
Ко тому ли ко Царю
Ко Ивану Васильевичу,
Со своимъ ли сынкомъ
Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ.
Но плечу ему своя матушка
Поколачивала,
На ушко ему своя матушка
Наговаривала:
««Ужь ты кланяйся по низешеньку,
««А слова говори по гладешеньку,
««А кресты веди по писáнному.»»

И пришла же кунавушка,
И пришла же не Русская,
И царица Крымская,
Во мать каменну Москву,
Ко тому ли ко Царю
Ко Ивану Васильевичу,

*) Это, о пріѣздѣ Купавы, отдѣлъ совершенно особый: см. въ пѣсняхъ, собр. Рыбниковымъ.— По складу *Бывальщина*, близкая впрочемъ къ «Старинѣ:» не пѣлась, а разсказывалась на расиѣвъ.—*О*.

[1]) Ср. выше о значеніи.—*О*.

Со своимъ ли сынкомъ
Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ,
Искать сопротивника
Поборотися.
«Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
«Ужь ты что же призадумался?
«Не за чѣмъ я пришла,
«Не за пошлиною:
«Ужь ли нѣтъ у васъ,
«Во всей каменной Москвѣ,
«Сопротивника поборотися
«Со моимъ ли сынкомъ
«Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»»
Возговорилъ же Царь Иванъ Васильевичь
Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:
«Ужь ты слуга мой, вѣрный мой,
«Неизмѣнный мой!
«Ужь ты выйди на Красно крыльцо,
«Воструби же въ золоту трубу,
«Чтобы сбирались всѣ
«Князья и бояре,
«И всѣ гости гостинные,
«И малые дѣтушки [1])!»

Говорила же кунавушка,
Говорила же не Русская,
И царица Крымская:
«Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
«Ужь ты что же призадумался,
«Ужь ты что жь призапечалился?
«Ужь ли нѣтъ у тебя,
«Во всей каменной Москвѣ,
«Сопротивника поборотися
«Со моимъ ли сынкомъ

[1]) Это первый вызовъ, послѣ коего никто не явился.—*О.*

«« Съ Кострюкомъ Бирюковичемъ?»»
Возговорилъ же Царь Иванъ Васильевичь
Своему ли слугѣ вѣрному,
Неизмѣнному:
«Ужь ты слуга мой, вѣрный мой,
«Неизмѣнный мой!
«Ты сходи на задворенькы:
«На задворенькахъ живетъ вдовушка,
«А у вдовушки есть два сына,
«Два родныя брателка,
«И два молодца хороше [1]).»
Но плечу имъ своя матушка
Наколачивала,
На ушко имъ
Наговаривала:
«« Ужь вы кланяйтесь по низешеньку,
«« А слова вы говорите по гладешеньку,
«« А кресты ведите по писáнному.»»

Кострюкъ, молодой человѣкъ,
Ужь онъ съ ножки на ножку поскакиваетъ,
На послѣднюю ступеньку стаетъ:
— Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
— Ужь ли нѣтъ у васъ,
— Во всей каменной Москвѣ,
— Сопротивника поборотися [2])?—
Что пришли же два брателка,
Что пришли же два ро́дные,
И два молодца хороше,
Ко тому ли ко Царю
Ко Ивану Васильевичу:
«« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
«« Ужь ты что же призадумался,
«« Ужь ты что жь призапечалился?

---

[1]) Второй вызовъ, послѣ коего мать снаряжаетъ сыновей. — [2]) Вызовъ третій, послѣ коего являются сами борцы.—*О.*

«« Говори же съ Кострюкомъ,
«« Ты не робь же съ нимъ:
«« На одинъ ли разъ,
«« Али на три раза̀
«« Ходитъ поборотися?»»
И пошолъ же Кострюкъ на три раза̀
Поборотися.

И пошолъ съ нимъ
Старшій братъ Семенушко.
Ужь какъ на первый-то разъ
Повалилъ Кострюкъ Семенушка;
А во другой-то разъ Семенушко
Кострюка Бирюковича
Поднялъ выше древа стоячаго,
Выше [1]) облака ходячаго:
Куда рука, куда нога раскатилася,
Куда буйная головушка покатилася.

И пришла же купавушка,
И пришла же не Русская,
И царица Крымская,
Ко тому ли ко Царю
Ко Ивану Васильевичу:
«« Ужь ты Царь Иванъ Васильевичь!
«« Ты довелъ же [2]) чада милаго,
«« Кострюка Бирюковича!»»
И ушла же купавушка,
И ушла же не Русская,
И царица Крымская,
Со уклонкою, со ласковымъ словомъ.

* *

---

1) Должно быть: «ниже.» — 2) То же, что «извелъ:» довелъ до конца, до погибели.—*О.*

VI.

1*).

(Кирѣевская Слободка).

Люди вы, люди мои,
Люди вы старые мои,
Старички стародавные,
У васъ бороды широкія,
У васъ разумы расхожіе!
Раздоборы раздабарывали,
Разговоры разговаривали
Про Ивана Царя Васильевича.

Какъ Иванъ Царь Васильевичь
Сколько селъ проѣзжалъ,
Сколько городовъ происходилъ,—
По себѣ борца не нашелъ,
Кто бы Кострюка поборолъ,
Да кто бы Темрюльевича.

Какъ выискались два брата,
Два брата, два братеника,
Два Андрея два Андреевича,
Они дѣти-то Кулашниковы.
Они по двору похаживали,
Они полы заворачивали.
Какъ схватился съ нимъ бо́льшій братъ,
Они возилися осенній день,
Изъ утра да и до вечера:

*) Въ этомъ отдѣлѣ Былины, совершенно сбитыя содержаніемъ: сравните ихъ перепутанныя части съ прежними образцами.—*О.*

Какъ никто никого не одолѣлъ,
Какъ никто никого не оборолъ.
Какъ схватился съ нимъ мéньшій братъ,
Онъ ударилъ объ сыру̀ землю̀:
Какъ сырая земля стогнула [1]),
Какъ на ёмъ шкура лопнула,
Сапожки-то съ ногъ свалились,
Чулочки-то съ ногъ скатились.

Какъ увидѣла сестрица-то его,
Да Марья Темрюльевна,
Выходила она на новое крыльцо,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
— Ты мужикъ, ты мужичій сынъ,
— Ты мужикъ, кровопивцовъ сынъ [2])!
— Хотя бы ты Кострюка поборолъ,
— Хотя бы ты Темрюльевича,
— Ты бъ его не до смерти билъ:
— Я бъ тебя пожаловала
— Городами съ пригородочками,
— Еще селы-то съ приселочками,
— Пятьдесятъ бы бояриновъ дала,
— Шестьдесятъ бы Татариновъ дала,
— Шестьсотъ бы Донскихъ козаковъ,
— Что ни лучшихъ удалыхъ молодцовъ.—

Захотѣлося жениться ему,
Онъ и бралъ изъ иныхъ городовъ,
Онъ и бралъ изъ иной земли,
Молодую Черкашенку,
Марью Темрюльевну.
Какъ и сдѣлалась пирушичка,
Пирушичка немалинькая.
Какъ и всѣ гости съѣхались,
Одного гостя нѣту-ти,

---

[1]) Застонала, издала стонъ (однократное).— [2]) Передѣлано изъ «крапивныя сѣмяна.»—*О.*

Какъ и нѣту гостя милаго,
Моего шурина любимаго,
Братца-то родимаго.
«Какъ Иванъ Царь Васильевичь!
«Ты пожалуй намъ Степные города,
«Чтобъ намъ пить-ѣсть безденежно,
«Торговать бы намъ безпошлинно.»»
Какъ Иванъ Царь Васильевичь:
«Не позорь ты ни меня, ни себя,
«Ни молодецкой бодрости своей.»
Онъ садится повыше всѣхъ,
Наѣдается попрежде всѣхъ,
Онъ ни пьетъ—ни ѣстъ—ни кушаетъ,
Бѣла лебедя не рушаетъ,
На Ивана Царя гнѣвъ держитъ....

От Никитушки).

*

2.

(Лужскій уѣздъ, Городенскій погостъ, дер. Чернь).

Какъ во матушкѣ въ каменной Москвѣ,
У того-то было Царя-богатыря,
У Ивана-то свѣтъ Васильевича,
Отдавалася за мужь дочь бо́льшая
За Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича.
Дѣлалъ Царь-богатырь для князей-бояръ
Почетный пиръ, гостей потчивалъ.
Гости пили-ѣли, проклажалися,
А молодой-то Кострюкъ-Мастрюкъ
На пиру сидѣлъ призадумавшись.

Говорилъ ему Царь-богатырь:
«Что жь ты, Кострюкъ, призадумался,
«Моего хлѣба-соли не кушаешь,
«Бѣлаго лебедя не рушаешь?
«Аль на меня ты лихо думаешь,
«Али на дочь мою бóльшую?»
Отвѣчаетъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашь Севрюковичь:
— Ой же ты, Царь-богатырь,
— Свѣтъ Иванъ Васильевичь!
— Ты тѣмъ меня все потчиваешь,
— Чего я, Кострюкъ, не ѣмъ:
— У тя нѣтъ, вѣрно, на кулакъ бойца,
— На кулакъ бойца, на ногу̀ борца? —

Выходилъ тутъ Царь-богатырь
На крылечко на дубовое,
Ко периламъ ко точенымъ,
Ко медвѣдку ко черному [1]),
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ,
Свиснулъ богатырскимъ посвистомъ:
«Гой еси вы, борцы-хватцы̀,
«Борцы-хватцы̀, славны молодцы!
«Приходите ко крыльцу ко дубовому,
«Ко периламъ ко точенымъ,
«Ко медвѣдку ко черному,
«Побороться съ Кострюкомъ-Мастрюкомъ,
«Со молодымъ-то Севрюковичемъ!»

На ту пору въ каменной Москвѣ
Борцовъ-молодцовъ не случилося:
Только случилося два брата,
Два брата, два Вологжанина [2]),
Они города Кашенина:

---

[1]) Изображенію медвѣдя при ступеняхъ Краснаго Крыльца. — [2]) Признакъ того, какъ и въ нѣкоторыхъ образцахъ предыдущихъ, что Былина пѣлась въ Вологдѣ и оттуда перепята. — *О.*

Одинъ Ванюшка Маленькой,
Да Поташка Небытенькой [1]),
Что на ножку припадываетъ,
Костылькомъ подпирается
Они полы затаркивали [2]),
Рукава позадергивали,
Приходили къ крыльцу ко дубовому,
Ко периламъ ко точеньимъ,
Ко медвѣдку ко черному,
Закричали они громкимъ голосомъ:
«Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
«Молодой нашь Севрюковичь!
«Ты ѣшь-пьешь, проклажаешься,
«А борцы-то давно у крыльца стоятъ!»
Побѣжалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашь Севрюковичь.
Зацѣпилъ онъ черньимъ башмачкомъ,
Зацѣпилъ за скамеечку:
Повалилъ онъ тою скамьей
Кабы триста Татариновъ,
Да полтораста бояриновъ,
Да семьсотъ Донскихъ казаковъ.

Выходилъ на крылечко на дубовое,
Ко периламъ ко точеньимъ,
Ко медвѣдку ко черному,
Говорилъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашь Севрюковичь:
— Да что̀ это за борцы-хватцы,
— Что за славны это молодцы,
— Что мнѣ неково и въ руки-то взять! —
Закричалъ тутъ Ванюшка Маленькой
Да Поташка Небытенькой:
«Ой же ты, Кострюкъ-Мастрюкъ,
«Молодой нашь Севрюковичь!

---

[1]) Плохенькой, увѣчный (хромой), калѣка.—[2]) Затыкали, подтыкали.—*О.*

«« Не хвались-ко ты въ городъ ѣхавши,
«« А похвастай-ко выѣхавши!»»

Схватился онъ съ Ва́нюшкой,
Что съ Ва́нюшкой съ Маленькимъ.
Ужь какъ тотъ Кострюка-Мастрюка,
Молодова Севрюковича,
На головку поставливалъ,
Безъ рубашки снаряживалъ.
И кричитъ Кострюку-Мастрюку,
Молодому Севрюковичу,
Кричитъ теща любимая:
« Ахъ ты, нашь Кострюкъ-Мастрюкъ,
« Молодой нашь Севрюковичь!
« Былъ ты какъ маковъ цвѣтъ,
« А сталъ теперь какъ мать родила!»
Закричалъ тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ:
— Ахъ ты, теща любимая!
— Ты какъ пыль толоконная,
— Какъ затычка оконная!
— Вѣдь не то мнѣ-ка дорого,
— Что чистое золото,
— А то мнѣ-ка дорого, —
— Похвала молодецкая! —

Брался тутъ Кострюкъ-Мастрюкъ,
Молодой нашь Севрюковичь,
Со Поташкой съ Небытенькимъ.
Какъ тутъ-то Кострюка-Мастрюка
Забиралъ онъ поперегъ живота,
Поднималъ онъ повыше себя;
Какъ ударилъ объ сыру землю:
Тутъ-то Кострюкъ-Мастрюкъ
Съ отцомъ съ матерью прощается,
Съ душою разставается.

(Со словъ крестьянина Ефима Парѳенова Быкова, запис. г. Гуляевымъ; ср. «Изв. А. Н.,» Отд. II, т. II).

*

3*).

(Саратовъ).

Ой вы люди-людюшки мои,
Ужь вы людюшки умненькіе,
Старички вы стародавненькіе!
Вы повѣдайте, что̀ встарь было,
Что̀ встарь было, на Руси слыло,
Какъ женился православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичь.
Да и бралъ же онъ много приданаго:
Коробамъ съ добромъ счету не было,
Злату-серебру вѣсу [1]) не было,
[Крупну жемчугу мѣры не было [2]),
На придачу [3]) молоду жену].

Вотъ и гости къ Царю съѣхалися,
Всѣ князья-бояре, люди ратные,
Да боярскихъ дѣтей до полутораста,
Да посадскихъ людей четыреста:
Одного гостя нѣтъ какъ нѣтъ,—
Удальца-бойца, славна витязя,
[Самого [4]) князя Черкасскаго],
Мамстрюка ли Ермоланча [Мамстрюковича].
Загремѣло на дворѣ государевомъ,
Какъ пріѣхалъ давно жданный гость,
Князь Черкасскій Мамстрюкъ Ермолаевичь [Мамстрюковичь],

*) Одинъ изъ двухъ списковъ (этого образца) полнѣе; этотъ списокъ здѣсь и печатается; стихи, которыхъ недостаетъ въ другомъ спискѣ, поставлены въ скобкахъ. *Прим. 1-го изд.*—То же самое напечатано въ Сборникѣ гг. Костомар. и Мордовц., откуда приведемъ разнорѣчія.—Складъ кое-гдѣ отзывается искусственною подправкой.—*О.*

[1]) *Морд.* «мѣры.»—[2]) *Морд.* «Бѣлу жемчугу вѣсу не было.»—[3]) *Морд.* «На прибавку.»—[4]) *Морд.* «Самого ли.»—*О.*

Со храброю своею со дружиною,
Со своею молодою княгинею,
Еще съ братцемъ ее ро́дныимъ,
Удальцомъ-бойцомъ, славнымъ витяземъ,
И со храброю своею дружиною.
Какъ пріѣхалъ [1]) князь опослѣ всѣхъ,
А садился онъ повыше всѣхъ.
Хлѣба-соли онъ не кушаетъ,
Гуся-лебедя не рушаетъ,
Зелена вина въ ротъ не беретъ;
А глядитъ онъ на бояръ-дворянъ [на князей-бояръ].
Царску гридню златомъ убрану [2]):
Ищетъ онъ себѣ борца-бойца,
Добра молодца кулашничка [3]).
Не нашелъ себѣ поборничка [4]),
Что поборничка-супротивничка.
Какъ возговорилъ [5]) Черкасскій князь:
— Ой вы гой еси [есте], добры молодцы!
— Вы напрасно землю топчете,
— У Царя дарма ѣдите хлѣбъ,
— Зелено вино распиваете,
— На боку лежа дары получаете!—
Тутъ всѣ гости призадумались.... [6]).

Отколь взялся тутъ крестьянскій сынъ:
Съ ноги на ногу прихрамываетъ,
Съ ноздри на ноздрю присапываетъ,
Языкомъ пришепётываетъ.
Какъ возговоритъ крестьянскій сынъ:
«« Охъ ты гой еси, Черкасскій князь!
«« Великъ ростомъ уродился ты,
«« Златомъ-серебромъ украсился,
«« Не пытавъ силы похваляешься;

---

[1]) *Морд.* «пріѣхалъ-то.»—[2]) *Морд.* «Царску гридницу златомъ убрану.» — [3]) *Морд.* «кулешничка (что кульки дѣлаетъ!).» — [4]) *Морд.* «Да изъ этихъ князей-бояръ (дворянъ-бояръ) Не нашелъ...»—[5]) *Морд.* «возговоритъ.» — [6]) *Морд.* «Всѣ князья-бояре призадумались, Со стыда носы повѣсили.» —*О.*

«« Да гляди, рано не радуйся,
[«« Я хотя и крестьянскій сынъ,]
«« На бѣду [1]) слово вымолвлю:
«« Не пытай силу съ хрестьяниномъ [2])!»»
Закипѣлъ сердцемъ Черкасскій князь,
Во гнѣву изъ за стола выскочилъ,
На бѣгу за столъ зацѣпилъ,
Девяносто скамей повалилъ,
Полтораста гостей подавилъ,
И схватилъ крестьянина за воротъ.

Долго съ нимъ они возилися
По широкому [3]) двору государеву;
Одолѣлъ князя крестьянскій сынъ,
Приподнялъ выше могучихъ плечь
И ударилъ объ сыру землю:
Золоты кольца [4]) у князя съ рукъ скатилися,
Сапожки сафьянные съ ногъ свалилися,
Растянулся князь Черкасскій за мертво.... [5]).

Молодая княгиня расплакалася [6]),
Въ слезахъ по двору побѣгивала,
Бѣлы рученьки заламывала,
Слугамъ вѣрнымъ приказывала:
— Ужь вы слуги мои, слуги вѣрные!
— Вы схватите сына крестьянскаго,
— Вы убейте вора безъименнаго,
— Разорвите его тѣло на мелки части,
— Бросьте [7]) тѣло псамъ на съѣденіе!—
Какъ возговоритъ православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичь:
«Не судить тебѣ, княгиня, во моей землѣ,
«Не мѣшаться [8]) бабѣ въ дѣла царскія!»

---

[1]) *Морд.* «На бѣду я.» — [2]) *Морд.* «съ крестьяниномъ.» — [3]) *Морд.* «По широку.» — [4]) *Морд.* «Золотые перстни.» — [5]) *Морд.* Прибавлено: «Что князья-бояре (бояре-дворяне) разъехалися.» — [6]) *Морд.* «его.» — [7]) *Морд.* «Да и бросьте.» — [8]) *Морд.* прибавлено: «тебѣ.» — *О.*

[«Пусть другой кто съ нимъ попробуетъ,
«Попытаетъ [1]) силу богатырскую!»

Какъ и всталъ княгининъ родный братъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
— Ой ты гой еси, крестьянскій сынъ!
— Выходи скорѣй на борьбу со мной,
— На борьбу со мной послѣднюю,
— Что послѣднюю [2]), драку смертную! —
И сцѣпилися они за воротъ,
И возилися вплоть до вечера:
Одолѣлъ крестьянина младъ княгининъ братъ,
Разорвалъ его тѣло синее,
Разбросалъ-разметалъ по широку двору,
По широку двору, псамъ на съѣденіе.]

(Записано А. Н. Пасхаловою, ср. «Изв. А. Н.»).

* *

VII.

1*).

Собралъ Чарь Иванъ Васильевичь поцестный пиръ, похвальный пиръ. Всѣ сидятъ, пьютъ-ѣдятъ, калацика кушаютъ и бѣлаго лебедя рушаютъ: а одинъ гостъ не пьетъ и не ѣстъ, калацика не кушаетъ и бѣлаго лебедя не рушаетъ. «Ужь ты гой еси, мой любимый гостъ! Что ты не пьёшь—не ѣшь, калацика не кушаешь и бѣлаго лебедя не рушаешь? Не зло ли ты думаешь, не лихо ли складываешь?»—Не лихо я думаю, не зло я складываю: у меня съ молода охотичка была, съ молодыхъ дѣнъ то ли бѣшеная, съ борчами поборотчя бы мнѣ, съ удальцами поводитчя бы?—

---

[1]) *Морд.* «Попытать.» — [2]) *Морд.* «На послѣднюю.» — *О.*

*) За языкъ, правильно ли выдержаны особенности парѣчія въ правописаніи, очевидно здѣсь нельзя отвѣчать.—*О.*

Въ Москвѣ борчовъ не годилося и лихихъ удальчовъ не луцялося [1]). Посылалъ Чарь Иванъ Васильевищь во всѣ города [во губерніи], отыскать удальчовъ, разудалыхъ бойчовъ. То и ѣдутъ къ селу два брата ро́дные, два Андрея два Андреевища: то везутъ на сѣ лубьи свѣжія, словно лошади. То ихъ нагнали удалыя молодчи, вишь на тройкѣ, и говорятъ имъ, што Чарь Иванъ Васильевищь проситъ васъ въ гости къ сѣ.

То они пріѣхали ко широкому дворцу чарскому, стали сапожки потягивать, цюлоцьки поправливать. То увидѣлъ изъ косящита окошицька Темрюкъ Темрюковищь, молодой Черькасовищь: кинулся-бросился, триста скаме́й повалилъ, семь сотъ гостей задавилъ, да двѣсти удалыхъ молодчовъ. То и схватился еще боротча съ малымъ братомъ: и былъ Темрюкъ на рѣзвыхъ ногахъ, а оцютился Темрюкъ на буйной головѣ.

То увидѣла Марья Темрюковна, молодая Черькасовна: —Ужь ты гой еси, мужикъ—мужицій сынъ, крапивны твои сѣмены! На сколько бы ты не [1]) боролся, на сколько бы ты не [2]) водился, на страмъ бы ты тѣла не давалъ!—То изволилъ говорить Чарь Иванъ Васильевищь: «Ужь ты гой еси, Марья Темрюковна, молодая Черькасовна! Впредь Темрюкъ пусть не хвалитчя!»

(Ср. «Этнограф. Сборн.» вып. V).

* *
*

---

[1]) Не луцилося?— [2]) Нп.—*О.*

Осада Пскова.

1*).

(Сызрань, Симбирск. губ.).

Копилъ-то король, копилъ си́лушку,
Копилъ-то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ,
Накопилъ-то онъ силушки—смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячь полковъ.
Накоплёмши онъ силы, на Русь пошёлъ,
Онъ на Русь пошёлъ, на три города,
На́ три города, на три стольные:
На первый на го́родъ—на По́лотскій,
На другой-то на городъ—Вели́ки Луки́,
На третій—на батюшку на Опсковъ градъ.

Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Вели́ки Луки́ онъ насквозь прошёлъ:
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ.
Становился, собака, въ зелёныхъ [1]) лугахъ,
Садился онъ, собака, во зо́лотъ стулъ,
Смекалъ-то силушку по́ три дни,
По́ три дни и по́ четыре:
Много ли силушки у́было,
А много ли силушки при́было?
Убыло силушки сорокъ ротъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ.
Тутъ-же онъ, собака, возра́дуется:

---

*) Эта Былина, объ осадѣ Искова Баторіемъ, совпадаетъ въ своемъ теченіи съ Былиною объ осадѣ Волока Ламскаго Сигизмундомъ: ср. «Замѣтку.»— Первоначально она была напечатана П. В. Кирѣевскимъ въ «Деницѣ» 1834 года. И. П. Сахаровъ ее подправилъ и дополнилъ чертами изъ эпохи Ивана: мы приведемъ эти поддѣлки.—*О.*

[1]) Въ рукописи *П. В. К.* «въ зелёныхъ.»—*О.*

«Охъ вы гой еси, мои скорые хожа́тели,
«Скорые хожатели и скорые поспѣша́тели!
«Мечи́тесь скоро въ зелены́е луга,
«Въ зелены́е луга государевы [1])!

. . . . . .

«Бери своево́ коня Ба́хмута [2]),
«Поѣзжай во батюшку во Опсковъ [3]) градъ:
«Во городъ въѣзжай—не спрашивай,
«Ко двору́ подъѣзжай—не докладывай,
«Во палаты восходи—не бей челомъ,
«Клади ярлыки на дубо́вы столы.»

За столами сидитъ Воевода Царёвъ.
Карамышевъ Семёнъ Константиновичь [4]):
««Охъ ты гой еси, Воевода Царёвъ,
««Карамышевъ Семёнъ Константиновичь!
««Отдай городъ Волокъ [5]) бе́зъ бою,
««Безъ бо́ю и безъ драки великія,
««Безъ того уголовія смертнаго!
««Я на первомъ часу́ возьму Опсковъ [6]) градъ,
««На другіемъ часу́ стану чистити,
««На третьемъ часу́ стану столъ становить,
««Стану шить, веселиться, прохла́дитися [7]);
««Князей твоихъ—бояръ всѣхъ въ поло́нъ поберу,

---

[1]) «Здѣсь долженъ быть пропускъ.» *Прим. П. В. К.*— Здѣсь-то, по нашему мнѣнію, надламывается Былина и переходитъ въ другую, объ осадѣ Волока (хотя и вставлено имя Пскова, Ходкевича и т. п., т. е. смѣшаны двѣ Былины).— *Сахар.* такъ дополнилъ пропускъ:

Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ.

[2]) Малорослая крѣпкая лошадь.— [3]) *Сахар.* «во Псковъ.»— [4]) Ср. это имя выше, въ дѣлѣ съ Ермакомъ; *Сахар.* сообразно съ примѣчаніемъ П. В. Кир. исправилъ (и ниже): «Шуйскій князь Иванъ Петровичь.»—[5]) «Названіе *Волока*,» какъ замѣчалъ П. В. К., «вмѣсто *Пскова*, здѣсь очевидно взято изъ другой пѣсни, вѣроятно похожей на эту содержаніемъ и напѣвомъ (ср. ее ниже и «Замѣтку»).» *Сахар.* исправилъ: «Опсковъ.»— [6]) *Сахар.* «Псковъ.»— [7]) *Сахар.* «прохлажатися.» — *О.*

«« Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечь преклоню,
«« А тебя, Воеводу, казнить буду!»»

Возго́воритъ Воевода Царёвъ,
Карамышевъ Семёнъ Константиновичь:
— Блудёнъ [1]) сынъ, король съ королевичемъ,
— Съ паномъ гетма́номъ Хотено́вичемъ [2])
— И съ вописким̀ъ конём̀ъ Вороновичемъ!
— Не отдамъ я тебѣ города [3]) бе́зъ бою,
— Безъ бо́ю и безъ драки великія,
— И безъ того уголовія смертнаго!—

Какъ со вечера солдаты [4]) причащалися,
Со полу́ночи ружья чистили,
Ко бѣло́й зорѣ, какъ ку́ры пропѣли [5]),
Не туча̀ съ тучёй соходилася [6]),
Не зоря съ зорёй [7]) сомыка́лася,
Соходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя съ Королевскімъ.
Тутъ ѣздитъ-разъѣзжаетъ уда́лый-добрый мо́лодецъ,
Еще тотъ ли же воевода Царёвъ,
Карамышевъ Семёнъ Константиновичь.

Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?
Помогъ Богъ Воеводѣ Московскому,
Карамышеву Семёну Константиновичу:
Побилъ [8]) силу королевскую,
Всѣхъ ла́тничковъ, сипо́вничковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ.
На силу король самъ-третёй убѣжалъ,

---

[1]) Въ рукописи съ перемѣною *у* на *я*, *ё* на *и*.—[2]) Такъ въ рукописи, съ замѣткою П. В. К., что это «очевидно испорченное имя *Хоткевича*;» въ печати стоитъ сіе послѣднее; у *Сахар.* «Хотковичемъ.»— [3]) Въ рукописи и у *Сахар.* «городъ».— [4]) У *Сахар.* исправлено: «ратные.»— [5]) Въ рукоп. «полелись,» а въ печати исправлено уже по догадкѣ П. В. К. («пропѣлись»). *Сахаровъ* печатаетъ «пропѣли»: доказательство, что его пѣсня не особая, а передѣлка напечатанной.— [6]) *Сахар.* «сходилася.»—[7]) Такъ и у *Сахарова*, а въ рукоп. «съ зорёю.»— [8]) *Сахар.* «побить.» — *О.*

Бѣгучи́ онъ, собака, заклинается:
«Не дай, Боже, мнѣ во Руси́ бывать,
«Ни дѣтямъ моимъ и ни вну́чатамъ,
«И ни вну́чатамъ, и ни пра́внучатамъ!»

(Язык.; напечатано «въ Денницѣ,» 1834 г.).

Ср. ниже, въ другихъ выпускахъ, Былины объ осадѣ Волока Ламскаго и о Карамышевѣ.

Такъ точно и слѣдующая Былина примѣшиваетъ Краснощокова, о которомъ см. подробнѣе ниже, въ другихъ выпускахъ.

* *
*

Царь въ Серпуховѣ.

1*).

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Царь Иванъ Васильевичь
Копилъ силушку ровно тридцать лѣтъ,
Накопилъ силы сорокъ тысячей,
Накопилъ силушку, самъ въ походъ пошелъ [1]).

Черезъ Москву рѣку переправилса,
Не дошодши города Серпуха
Становился онъ въ зеленыхъ лугахъ,
При алыхъ свѣтахъ, при лазоревыхъ;
Сталъ онъ силушку переглядывать:
Князьямъ-бояромъ переборъ пришолъ
[Енераламъ всѣмъ, Федьмаршаламъ].
Одново изъ нихъ тутъ не лучилося,
Што ни лучьшево, слуги вѣрново,
Максима, сына казачьево,

[1]) Начало такое же, какъ въ предыдущей Былинѣ.—*О.*

По прозванью-ту Красношшокова [1];
Сказали Царю про Мишиньку:
«Измѣнилъ теѣ, Царю Бѣлому,
«Придался онъ къ хану Турецкому,
«Ко шишиморѣ деревенскому,
«Онъ прельстился на ёво золоту казну,
«На то ли на платье на свѣтное,
«На тѣхъ ли на Сорочинычокъ,
«По нашему—на красныхъ дѣвушекъ.»»

По утру-ту было, на зоринькѣ,
На восходѣ красново солнышка,
Не ясенъ соколъ по горамъ леталъ,
Ни бѣлой кречатъ перепархивалъ,
Наша-тъ Мишенька съ полону ѣдетъ,
На Турецкомъ чёрномъ шахматѣ [2],
Везетъ съ собой двѣ сумы переметныя,
Въ сумахъ-ту сидятъ Сорочиночки,
Турецкаго хана двѣ дочери.
Не доѣхавши до шатра, самъ съ коня слѣзалъ,
Не дошедши до Царя, сталъ низко кланяться:
«Здравствуй, батюшка, православный Царь!
«Не вели меня скоро казнити,
«Прикажи мнѣ слово молвити:
«Здравствуй, батюшка, православный Царь,
«Грозный Царь Иванъ Васильевичь,
«Со славнымъ городомъ со Серповымъ!
«Возми ты у меня двухъ полонянычекъ,
«Турецкаго хана двухъ дочерей!»

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. «Изв. А. Н.,» т. I).

* *
*

---

[1] Ср. этого героя ниже, въ другихъ Былинахъ и выпускахъ.— [2] Ошибка вмѣсто «бахматѣ,» ср. предыдущую Былину.—*О.*

Гнѣвъ на Вологду.

1.

(Вологда).

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
Во Насонѣ было городѣ [1]),
Гдѣ доселѣ, было, Грозный Царь
Основать хотѣлъ [2]) престольный градъ
Для свово ли для величества
И для царскаго могущества [2]),
Укрѣпилъ стѣной градъ каменный
Со высокими со башнями,
Съ неприступными бойницами [2]),
Посреди онъ града церковь склалъ,
Церковь лѣпую, соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Ея чистаго [3]) Успенія:
Образецъ онъ взялъ съ Московскаго
Со собору со Успенскаго.
Стѣны града поднималися:
Христіане утѣшалися.
Ужь какъ стали послѣ сводъ сводить,
Туда [4]) Царь самъ не коснѣлъ ходить [5]),
Надзиралъ онъ надъ наемники [5]),
Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
Не жалѣли бъ плинѳы красныя [5])
И той и́звести горючія.

---

[1]) «Вологда имѣетъ или имѣла еще другое названіе — Насонъ. И теперь отъ сторожиловъ вы часто услышите поговорку:—Городъ Насонъ, рѣка Вологда.—Названіе это произошло отъ того, что крѣпость, основанная Грознымъ, была заложена 28 Апрѣля (1566), въ память св. Іасона (въ просторѣчіи Насона).» *Примѣчаніе 1-го изд.*—Ср. пословицу: «Городъ Галивѳнъ (Галичь), озеро Нероиъ, а люди Кри́вича.» Вологда упоминается и выше въ Былинахъ о Грозномъ. — [2]) Не народно. — [3]) Обыкновенно: «честно́го.» — [4]) Тута? — [5]) Не народно. — *О.*

Когда Царь о томъ кручинился [1]),
Въ храмѣ Божіемъ похаживалъ:
Какъ изъ свода туноватова [2])
Упадала плинѳа красная
Во головушку во буйную,
Въ мудру голову во царскую.
Какъ нашь Грозный Царь прогнѣвался,
Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь [3]),
Закипѣла молодецка грудь [4]),
Ретиво̀ сердце взыгралося;
Выходилъ изъ храма новаго,
Опъ садился на добра коня,
Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
Насонъ городъ проклинаючи [5])
И съ рѣкою славной Вологдой.

Отъ того проклятья царскаго
Мать сыра земля трехнулася
И въ Насонъ-градѣ гористоемъ [6])
Стали блата быть [7]) топучія,
Рѣка быстра славна Вологда
Стала быть рѣкой стоячею [8]),
Водой мутною, вонючею,
И покрытая [9]) все тиною,
Скверной зеленью со плесенью.

(Въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г. № 1 приведено съ объясненіями г. Н. Бупаковымъ, а имъ, какъ сказано, взято изъ записокъ «одного знакомаго, врученныхъ г. Бупакову въ полное

---

[1]) Въ смыслѣ «заботился,» не хорошо. — [2]) Придумано въ противуположность стрѣльчатому, острому, остроконечному.— [3]) Не народно.— [4]) Закипѣла—грудь! — [5]) Не народно, хотя и видно старанье поддѣлаться.— [6]) При этомъ неестественномъ прозвищѣ, употребленномъ для стиха, издатель г. Бунаковъ справедливо замѣчаетъ: «Сомнительно, чтобы Насонъ–градъ (т. е. Вологда) когда ни будь былъ гористымъ,—онъ, кажется, всегда стоялъ въ болотѣ.»— [7]) «Стали быть» не народно; у народа въ-этомъ случаѣ «быть» могло означать лишь «будто, быть-то.»— [8]) Народу потребовалось бы слишкомъ много усилій, чтобы вообразить *«рѣку стоячую.»*— [9]) Придуманъ именительный падежъ вмѣсто творительнаго во избѣжаніе совпаденія съ творительнымъ слѣдующимъ.—*О.*

владѣніе;» этотъ «знакомый» въ предисловіи къ пѣсни говоритъ, что записалъ ее «въ Вологдѣ и слышалъ отъ старожиловъ, что лѣтъ 70 тому назадъ она пѣлась въ народѣ.»— Вторая Былина, помѣщавшаяся въ сихъ «Запискахъ» и также отпечатанная г. Бунаковымъ, объ Аникѣ, оказалась перепискою изъ «Современника» 1840 г.: см. объ ней вып. IV, стр. 124—129). Языкъ и складъ во многомъ отличаются ненародною подправкой.

* *
*

Правежъ.

I.

1.

(Сызрань, Симбирск. губ.).

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Середи́-то торгу, братцы, среди площади,
Тутъ бьютъ добраго молодца на правежѣ,
Нагого-босаго и разутаго.
Поставили его на бѣлъ-горючь камень:
Стоитъ молодецъ—самъ не трёхнется,
Русы его кудри не ворóхнутся,
Лишь изъ глазъ горючи́ слёзы.

Лучилóся тутъ ѣхати
Самому Царю православному,
Грозному Царю Ивану Васильевичу.
Какъ возговоритъ Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
«За что вы пытаете добраго молодца,
«Нагого-босаго и разутаго,
«Поставя его на бѣлъ-горючь камень?
«Стоитъ молодецъ—самъ не тря́хнется,
«Русы его кудри не ворóхнутся,
«Только катятся изъ глазъ горючи слёзы
«По бѣлому лицу по румяному?»
Тутъ возго́ворятъ бурмистры-цѣловальнички:
«Охъ ты гой еси, нашь батюшка, православный Царь,

«« Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь!
«« Пытаемъ мы съ него золоту̀ казну,
«« Золоту̀ казну, платье цвѣтное,
«« Не много, не мало,—сорокъ тысячь [1].»»

Возговоритъ тутъ православный Царь:
« Охъ ты гой еси, добрый мо́лодецъ!
« Но чему тебѣ золота̀ казна доставалася
« И какъ она тебѣ приходила?»
Возговоритъ добрый мо́лодецъ:
— Охъ ты гой еси, нашь батюшка, православный Царь,
— Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь!
— Была у меня дубиночка вязо́венькая,
— И клалъ я дубиночку на плечико,
— Ходилъ я, добрый мо́лодецъ, по чисту̀ полю,
— По чисту полю, по темну̀ лѣсу:
— Нашелъ я воровъ-разбойниковъ.
— Тутъ-то они дуванъ дуванили [2],
— Золотую казну дѣлили мѣрою,
— А цвѣтное платье дѣлили пошами:
— Тутъ-то я ее отбилъ у нихъ.—
Возговоритъ православный Царь,
Грозный Царь Иванъ сударь Васильевичь:
«Куда ты дѣвалъ эдаку золоту казну?»
Возговоритъ добрый молодецъ:
— Точилъ я ее все по домамъ по питейнымъ,
— А пилъ я все голь кабацкую,
— А цвѣтное платье—одѣвалъ все нашихъ босыхъ.—

Возговоритъ православный Царь:
« Охъ вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
« Заплатите ему за каждый ударъ по пятидесяти [3] рублей,
« А за безчестіе заплатите ему пять сотъ рублей.»

(Язык.)

*

[1]) Вѣроятно: «тысячей.»— [2]) Дѣлали привалъ и дѣлили добычу.— [3]) Вѣроятно «по пятидесятъ.»—*О.*

2.

Какъ у насъ-то было въ матушкѣ каменно̀й Москвѣ,
Что пымали добраго молодца безвинnаго [1]), безъ поличнаго.
Повели добраго молодца на бѣлъ-горючь камень,
И стали бить добраго молодца безвинnаго, безъ поличнаго.
Стоитъ добрый молодецъ—самъ не тря́хнется,
Его русые куде́рюшки не воро́хнутся,
Только катятся у молодца горючѝ слезы
По его лицу по румяному.

Лучилось тутъ ѣхать самому Царю Ивану Васильевичу,
Какъ не золотая трубонька вострубила,
Что возго́воритъ нашь батюшка православный Царь:
«Охъ вы гоѝ еси, бурмистры-цѣловальнички,
«Большіе головушки, ларечнички!
«За что вы добраго молодца пытаете?»
Что возго́ворятъ бурмистры-цѣловальнички:
«« Оѝ ты гоѝ еси, нашь батюшка, православный Царь!
«« Требуемъ мы съ него золотую казну,
«« Не много, не мало,—сорокъ тысячь рублей.»»

Какъ возговоритъ надёжа православный Царь:
«Оѝ ты гоѝ еси, удалый-добрый молодецъ!
«По чему эта казна тебѣ доставалася
«И по чему причиталася?»
Что возговоритъ удалый-добрый мо́лодецъ:
— Это, батюшка, казна не царская и не барская,
— А эта казна монастырская,
— Того ли монастыря Соловецкаго.

---

[1]) Безъ виннаго, безъ вины.—*O.*

— Я охочь былъ, батюшка, гулять по чисту полю.
— И была у меня, батюшка, дубиночка,
— Не мала, не велика,—ровно въ тридцать пудъ;
— Заходилъ я, батюшка, во темны̀ лѣса Соловецкіе,
— И вышелъ я, батюшка, на полянушку:
— Тутъ добрые молодцы дуванъ дуванили.
— Поднялъ я, батюшка, дубинушку выше себя,
— И ударилъ выше себя объ зелёной дубъ:
— То они съ шуму съ грому разбѣжалися,
— А со звуку, батюшка, раскидалися.
— По тому эта казна мнѣ, батюшка, доставалася
— И по тому причиталася.—

Что возговоритъ надёжа православный Царь:
«Ой вы гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
«Заплатите доброму молодцу за увѣчьице,
«Заплатите за безчестьице,
«И отдайте доброму мо́лодцу сорокъ тысячь рублей.»

*

3.

(Заводы Локтевскій и Сузунскій).

Ишшо сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ,
Что не гуливалъ я, добрый молодецъ, не нахаживалъ [1]),
Такова я чуда-дива не нахаживалъ,
Какъ нашелъ я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
Середи торгу́-базару, се́редь площади,
У того было колодичка глубокова,
У того было ключа-то подземельнова,
Что у той было конторушки Румянцовой,
У тово было крылечка у пери́льчата,
Ужъ какъ бьютъ-то добра молодца на правежѣ,

[1]) Ни хаживалъ. — *О.*

Что на правежѣ ево бьютъ,
Что нагова бьютъ—босова и безъ пояса,
Въ одних гаруспыхъ чулочкахъ-то, безъ чеботовъ.
Правятъ съ молодца казну да монастырскую.

Изъ за горъ-то, было,—горъ, изъ за высокіихъ,
Изъ за лѣсу-то, было,—лѣсочку, лѣсу темнова,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное [1]) красно солнышко выкатается:
Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
Красна золота карета, государева;
Во каретушкѣ сидѣлъ православный Царь,
Православный Царь Иванъ Васильевичь.
Случилося ему ѣхать посередь торгу̀.
Ужъ какъ спрашивалъ надёжа православный Царь,
Ужъ какъ спрашивалъ доброва молодца на правежѣ:
«Ты скажи, скажи, дѣтина, правду-истину,
«Ишшо съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
«Если правду ты мнѣ скажешь, я пожалую,
«Если ложно ты мнѣ скажешь, я скоро сказню:
«Я пожалую тя, молодецъ, въ чистóмъ полѣ,
«Что двýмя тебя столбами да дубовыми,
«Ужъ какъ третьей перекладинкой кленовою,
«А четвертой тебя петелькой шелкóвою.»
Отвѣча'тъ ему удалый-добрый молодецъ:
— Я скажу тебѣ, надёжа православный Царь,
— Я скажу тебѣ всю правду и всю истину:
— Что не я-то казну кралъ, не я разбой держалъ,
— Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
— Добрые молодцы, казаки.
— Случилось мнѣ, молодцу, итти чисты̀мъ полёмъ,
— Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ—сы́рой дубъ стоитъ,
— Сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ, крековистый;
— Что пришолъ я, добрый молодецъ, къ сырý дубý,

[1]) Вставлено изъ Стиховъ о праведномъ солнцѣ—Христѣ.—*О.*

— Что подъ тѣмъ, было, подъ дубомъ подъ крековистымъ,

— Что казаки, онѣ, дѣлъ дѣлятъ,
— Они дѣлъ дѣлили, дуванъ дуванили;
— Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сырў дубў,
— Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его,
— Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
— Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю:
— Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися,
— Со дѣлу они со дувану разбѣжалися,
— Одному мнѣ золота казна досталася,
— Что не много и не мало,—сорокъ тысячей.
— Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ [1]),
— Ужъ я клалъ тоё казну во большоё-тъ домъ,
— Во большоё-тъ домъ, во царевъ кабакъ.—

(Доставлено С. П. Гуляевымъ; ср. «Изв. А. Н.,» т. III).

* *

II.

1.

(Курской губ.).

Мимо лѣсу мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго,
Пролегала путь-дороженька,
Широка, торна, пробойная.
Ой, по той ли по дороженькѣ,
Тамъ идутъ-идутъ солдатушки,
Они ведутъ-ведутъ удалаго молодца,

[1]) Не звалъ имѣньемъ, не берегъ какъ имѣнье на прожитокъ.— *О.*

Удáлаго мóлодца-разбойничка:
Рѣзвы ноженьки закованы.
Назадъ рученьки завязаны,
Ясны оченьки заплаканы.
Они ведутъ его въ каменну Москву,
Въ каменну Москву, ко Грозному Царю [1]).

Сталъ Царь мóлодца допрашивати:
«Ты скажи мнѣ, вдалый молодецъ,
«Съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
«Ой, и кто твои товарищи?»
— Я скажу тебѣ, православный Царь,
— Съ кѣмъ я воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
— Ой, и кто мои товарищи:
— Какъ и первый то товарищь—
— Да и темная ночь;
— А другой ли мой товарищь—
— Да и воронъ конь;
— Какъ и третій мой товарищь—
— Да и вострый ножь.—

(Записано Н. Ст. Кохановской; ср. «Русск. Бес.» 1860, I).

* *

III.

1.

(Тамъ же).

Что во горенкѣ, подъ окошечкомъ,
Что позднымъ-поздно, поздно [2]) вечера,
Что сидѣла тамъ душа-дѣвица:
Что руса коса порастрёпана,
Ясныя оченьки заплаканы....
Не сиди, душа, поздно [2]) вечера,

---

[1]) Конечно — Ивану. — [2]) Поздна? — *О.*

Ты не жги свѣчи воску ярова,
Не кручинь, дѣвка, родна батюшки,
Не печаль свою родну матушку:
Ты не плачь, не плачь по своемъ горю,
По миломъ другу [1])!
Что и Царь молодца пожалуетъ....

Повели младца въ каменну Москву.
Ко Грозну Царю.
Какъ и сталъ Царь младца спрашивати
И допрашивати:
«Ты скажи, скажи, вдалый молодецъ,
«Ты за что вбилъ [2]) мово подручника,
«Молодаго мово опричника?»
— Я скажу тебѣ, православный Царь,
— Я за что убилъ зла Татарченка,
— Молодаго твово опричника:
— Я убилъ его за дурны дѣла,
— За худы слова.
— Поносилъ онъ нашу святую Русь:
— Тебя узывалъ кровопійцею;
— Еще поносилъ православный людъ:
— Урекалъ онъ насъ быть христьянами
— И холопами,
— Татаръ величалъ людьми вольными,
— Никому какъ быть не подручными.
— А славенъ-то былъ онъ тобою, Царь,
— Твоей милостью!—
«Исполать тебѣ, вдалый мо́лодецъ,
«На добро́мъ словѣ, на честно́мъ дѣлѣ!»

(Оттуда же).

Другія Былины того же происхожденія и близкаго содержанія см. ниже, во времена Петра I-го и въ Молодецкихъ Безымянныхъ.

* *
*

---

[1]) Это начало изъ другихъ мелкихъ пѣсней, которыя см. послѣ. — [2]) Убилъ. — *О.*

Царь сослалъ Царицу въ монастырь.

1.

(Сызрань, Симбирск. губ.).

Ужь что́ это у насъ въ Москвѣ пріу́ныло,
Заунывно въ большой колоколъ звонили?
Ужь какъ Царь на Царицу прогнѣви́лся,
Онъ ссылаетъ Царицу съ очей далѣ,
Какъ въ тотъ ли во городъ во Суздаль,
Какъ въ тотъ ли монастырь во Покровскій.

Какъ Царица по палатушкамъ гуляла,
Жалобнёхонько Царица причитала:
«Охъ вы гой еси, каменныя палаты,
«Бѣлы-каменны палаты, грановиты [1])!
«Ужь, знать, мнѣ по васъ, палатушкамъ, не гуляти,
«За кипарисными столами не сидѣти,
«Мнѣ саха́рнаго кушанья не кушати
«И мнѣ бѣлаго лебедя не ру́шати!»
Выходила тутъ Царица на крылечко,
Закричала своимъ громкимъ голосочкомъ:
«Охъ вы гой еси, конюхи младые,
«Младые конюхи, ѣздовы́е!
«Вы закладывайте [карету]—не спѣшите,
«Поѣзжайте Москвою—не спѣшите:
«Ужь авось государь Царь умили́тся,
«Не прикажетъ ли назадъ воротиться!»
Какъ взго́ворютъ конюхи молодые:
««Охъ ты гой еси, наша матушка Царица,
««Марѳа Матвѣевна!
««Ужь гдѣ жь Царю умили́ться,
««Ужь гдѣ жь ему васъ назадъ воротити?»»

---

[1]) Старинная «гридня;» гранная, угольчатая палата, названіе́, сдѣлавшееся въ Москвѣ собственнымъ; ср. вып. V, стр. 71.—*О.*

Какъ встрѣчали Царицу со звономъ,
Выходила тутъ игуменья,
Что съ своими монашеными,
Принимала её за ея руки бѣлыя,
Повела въ свои кельи.

(Язык.).

*

2

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Ахти́, во Москвѣ у насъ, братцы, не здоро́во!
Зауны́вно во Царь-ко́локолъ благовѣсти́ли:
Видно, Царь на Царицу прогнѣви́лса
И хочетъ сослать её въ ссылку,
Во славной Суздаль городочикъ,
Во пречёсной монастырь во Петровской.

Тутъ заплакала благовѣрная Царица,
Во слезахъ говоритъ такое слово:
«Охъ вы гой естя, мое бѣлокаменны палаты!
«Ужь мнѣ въ васъ, полатушки, не бывати,
«Отъ свова Царя ласкова слова не слыхати!»

Собиралъ-та Царь возочикъ,
Высылалъ Царицу въ городочикъ.
Тутъ возговоритъ благовѣрная Царица:
«Охъ вы гой естя, извошшички мое молодые!
«Вы потише поѣзжайте—не свишшите [1]):
«Авось ли Царь да на меня не умили́тса,
«Не велитъ ли мнѣ назадъ воротиться!»

---

[1]) Не спѣшите.—*О.*

Подъѣзжаютъ онѣ къ Петровскіемъ воротямъ,
Встрѣчатъ её игуменья съ сестрами.
Тутъ возговоритъ благовѣрная Царица:
«Отойдись ты прочь, игуменья съ сестрами:
«Не на часъ я къ вамъ пришла часовати,
«Ни на єдну тёмну ночку ночовати,
«Я пришла къ вамъ вѣки вѣковати!»

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. «Нар. А. Н.,» т. I).

*

3.

(Орловск. губ.).

По палатушкамъ Царица ходила,
Она жалобно говорила:
«Охъ вы слуги мои, слуги вѣрные,
«Заложите мнѣ карету золотую,
«И ступайте Москвою—не спѣшите:
«Авось Царь до Царицы умилится,
«Онъ велитъ мнѣ, Царицѣ, воротиться [1])!»

*

«Охъ вы кумушки, голубушки мои!
«Вы которому Святителю молили,
«Вы которымъ Чудотворцамъ обѣщались,
«И у васъ мужья молодые?
«У меня ли у младеньки старичища,
«Не пущаитъ старичища на игрища...»

И прочее, см. послѣ.—Былины сего же рода, относимыя къ Петру I-му, равно какъ Безымянныя, см ниже.

* *
*

[1]) Доселѣ начало древней Былины, а отселѣ переходъ въ позднѣйшую мелкую женскую пѣсню.—*О.*

Смерть Грознаго Царя Ивана Васильевича.

I.

1.

(Тульск. губ., Чернскаго уѣзда).

Охъ вы горы, горы крутыя!
Охъ вы го́ловы златыя православныхъ церквей!
Охъ косящеты окошки царскихъ теремо́въ!
Какъ во теремѣ живётъ православный Царь.
Православный Царь Иванъ Васильевичь:
Онъ грозёнъ, батюшка, и милостивъ,
Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужь настали годы злые на Московскій народъ,
Какъ и сталъ православный Царь грозньій [прежняго:
Онъ за правду—за неправду дѣлалъ ко́зни лютыя.
Какъ воспачется народъ Рускій на Грознаго Царя:
Переставился Грозный Царь на восьмидесятомъ году,
А сынъ его Ѳёдоръ сталъ Русью управлять.

(Отъ старухи).

* *

II.

1.

(Симбирск. губ., Буинск. уѣзда, дер. Козловка).

Какъ ударили въ Москвѣ въ большой колоколъ,
Только слышно то было по всей каменной Москвѣ
[И по всей армій, и по всей конной гвардіи]:
Еще померъ-то у насъ православной Царь,
Православной Царь Иванъ Васильевичь.
«Сдѣлаемъ ему гробокъ купарисовой,
«Саванокъ-то сошьемъ миткалиновый,
«Мы схоронимъ Царя за Москвой рѣкой!»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Максима Щербакова).

* *

III.

1*).

(Саратовъ).

Ужъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что̀ ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Изъ за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михайлы у Архангела,
У собора у Успенскаго,
Ударили въ большой колоколъ.
Раздался звонъ по всей матушкѣ сырой землѣ:
Соѣзжалися всѣ князья-бояре,
Собиралися всѣ люди ратные,
Во Успенскій соборъ Богу молитися.
Во соборѣ-то во Успенскімъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ [1]:
Во гробу-то [2] лежитъ православный Царь,
Православный Царь, Иванъ Грозный Васильевичь.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
Во погахъ его вострый, грозный мечь [3].
Животворящему кресту всякій [4] молится,
Золотому вѣнцу [5] всякой кланятся,
А на грозенъ [6] мечь взглянетъ,—всякъ ужахнется.
Вокругъ гроба горятъ [7] свѣчи восковыя,

---

*) То же напечатано у гг. Костомар. и Мордовц., откуда приведемъ мелкія разнорѣчія.—*О.*

[1]) «Тутъ стоялъ кипарисовъ гробъ.» — [2]) «Во гробу.» — [3]) «Въ головахъ у него стоитъ крестъ серебреный, Во погахъ его корона царская.» — [4]) «всякъ.»—[5]) «Золотой царской коронѣ.»—[6]) «На грозёнъ.»—[7]) «стоятъ.»—*О*

Передъ гробомъ стоятъ все попы-патріархи [1]),
Они служатъ-читаютъ [2]), намять отпѣваютъ,
Отпѣваютъ намять Царю православному,
Царю Грозному Ивану Васильевичу.

(Запис. А. Н. Пасхаловою, ср. «Изв. А. Н.»).

* *
*

Плачь Царицы по умершемъ Царѣ.

1.

(Москва).

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго.
Изъ за горъ было высокіихъ,
Не ясно̀ солнце выката́лося,
Выходила тутъ благовѣрная Царица,
Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна,
По мосту̀-мосту̀ по калинову,
По сукну-сукну багрецовому:
Ужь какъ шла Царица благовѣрная,
Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна,
Приходила она къ церкви соборноей,
Закричала она громкимъ голосомъ:
«Ужь и есть ли у церкви церковнички?
«Отпирали бы церковь соборную,
«Что впущали бъ Царицу благовѣрную!»

Что входила Царица въ церковь соборную,
На́ три сто́роны помолилася;
На четвёртую она только взо́зрѣла,
Какъ увидѣла гробницу бѣлу-каменную;
Закричала Царица громкимъ го́лосомъ:

---

[1]) «стоятъ попы, патріархи.»—[2]) «и читаютъ.»—*О.*

«Охъ ты гой еси, благовѣрный Царь,
«Благовѣрный Царь Иванъ Васильевичь!
«Что̀ ты спишь крѣпко—не про́снешься?
«Безъ тебя всё царство помутилося,
«Всѣ Стрѣльцы-бойцы взволновалися,
«Всѣхъ князей-бояръ во тынàхъ рубютъ,
«А меня-то, Царицу, не слушаютъ!»
««Ахъ ты гой еси, Царица благовѣрная,
««Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна!
««Ужь и мы-то тебя слушаемся.
««Ужь и мы-то тебѣ повинуемся!»»

(Отъ мѣщанки Татьяны Андреевны, запис. 7 Сентября 1839 г.).

*

2.

(Тамъ же).

Что по сукну, по сукну ли багрецовому,
По тому ли сукну что по красному,
Ужь какъ шла тутъ Царица благовѣрная,
Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна,
Въ Успенскій соборъ Богу молитися,
Своему Царю поклонитися.

Подошла она къ гробницы бѣлой–аспидной,
Стала она плакать и рыдать,
И жалобно причитать:
«Встань ты—пробудись, Грозный Царь,
«[Грозный Царь] Иванъ Васильевичь!
«И ты што жь крѣпко спишь и не про́снешься?
«При тебѣ ли, при Царѣ, войны не было,
«Безъ тебя ли, Царя, учинилася:
«Стрѣльцы-бойцы подымаются,
«А меня ли, Царицу, не слушаются.»
Ужь стали унимать Царицу князья-бояры:
««Ты не плачь, наша Царица благовѣрная,

«« Благовѣрная Царица Марѳа Матвѣевна!
«« Ужь тебѣ ли горемъ поле не насѣяти,
«« Горючьми слезми море не наполнити:
«« Ужь Царя-та тебѣ не поднять будетъ,
«« Ужь какъ Грознаго Царя Ивана Васильевича!»»

(Отъ старика 70-ти лѣтъ, Московскаго мѣщанина).

*

3.

(Тульск. губ., Алексинск. уѣзда).

По крыльцу-то, по крыльцу-крыльцу Красному,
По сукну-то, по сукну-сукну багрецовому,
Шла-прошла наша матушка государыня,
Во соборную церковь молитися,
Ко святымъ мощамъ приложитися,
Государя Царя причитать стала:
«Охъ ты, Грозный Царь, Иванъ Васильевичь!
«Безъ тебя-то народъ взбунтовался,
«А на меня, Царицу, взъѣдался!»

*

4.

(Арханг. губ.).

Выходила Царица Марѳа Михайловна
На крутой Красный крылецъ,
Шла по атласу, по бархату,
Приходила она ко соборной церкви,
Становилась она на паперти.
Не бѣлая лебедь воскликнула,
Что возговоритъ наша матушка,
Православная государыня:

«Еще есть ли у меня слуги вѣрные?
«Отпирали бъ церковь Божію!»

Она въ церковь входила,
Вошедъ Богу помолилася,
На всѣ стороны поклонилася,
На праву руку становилася:
«Ахъ ты батюшка, православный Царь!
«Ничево-то ты не знаешь—не вѣдаешь,
«Что̀ у насъ въ Москвѣ учинилося:
«Стрѣльцы въ Москвѣ збунтовалися,
«Меня, Царицу, не слушаютъ!»
Унимаютъ её князья-бояра:
««Ты не плачь, не плачь, наша матушка:
««Ужь и такъ сердце надорвалося,
««Царя-государя не поднять будетъ!»»

(Доставлено адмирал. Кузьмищевымъ).

* *
*

Плачь войска.

1.

(Симбирск. губ.).

У Ивана было у Великаго,
У собора было у Успенскаго,
У честно̀й-славно̀й заутрени,
Молодо̀й сержантъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Горючмѝ слезмѝ заливается:
«Ты возмой–возмой, туча грозная,
«Ты пролей-ка частъ-силенъ дождичекъ
«Примочи-ка ты мать сыру̀ землю!
«Разступись-ка ты, мать сыра̀ земля,
«На четыре ты на всѣ сто́роны!
«Раскройся-ка, гробова̀ доска,
«Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонко̀й саванъ,

« Ты возстань, возстань, православный Царь,
« Царь Иванъ Васильевичь!
« Погляди-ка ты на свою силу:
« Твоя силушка утомлённая,
« Утомлённая, некормлёная,
« Твой любимый полкъ во походъ пошёлъ,
« Во походъ пошёлъ подъ Казань городъ [1]).»

Подъ Казанью мы подъ городомъ,
Мы стояли подъ нимъ восемъ лѣтъ,
А копали мы земляной подкопъ,
Земляной подкопъ ужь мы семь годовъ.
Ужь мы другъ дружку тутъ обманывали
Со Татарами мы незна́мыми.
Выходилъ-то изъ городу младъ Татарченокъ,
Онъ указывалъ, гдѣ подкопъ копать,
Гдѣ подкопъ копать подъ Казань рѣку́,
Подъ тоё казну подъ порхо́вую.
Подкопали мы подкопы подъ тѣ бо́чечки,
Подъ тѣ бочечки и подвалики,
Гдѣ стои́тъ у нихъ порхова́ казна;
Мы закатывали подъ свой подкопъ
Сорокъ бочекъ ужь мы по́роху;
И хотѣли мы Татарченка повѣсить,
Мы за тѣ слова за глупыя;
Ужь мы думали, что Татарченокъ насъ обманываетъ;
Мы зажгли свѣчу воску яраго аршинную,
А фитиль зажгли на бочечкахъ поларшинный;
А Татарченокъ умаливалъ:
«« Вы постойте-ка, не вѣшайте:
«« Я вамъ сказывалъ правду-истину.»»
Не успѣлъ онъ всѣхъ словъ сказать, Казань начало рвать:
Ужь и начали Татарченка казной жаловать.

(Язык.).

---

[1]) Отселѣ рѣчь сержанта переходитъ въ разсказъ пѣвца.—*О.*

2.

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень).

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Ужь ты свѣтишь, мѣсяцъ, во всю темную ночь:
Освѣти-ка, мѣсяцъ, каменну Москву!

Въ каменной-то Москвѣ, во святой Русѣ,
У собора было у-во [1]) Спленскаго,
Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ-то стоитъ, Богу молится,
Богу молится, самъ слезно плачетъ:
«Понесите съ горъ, буйны вѣтры,
«Разнесите, вѣтры, всѣ желты пески!
«Разступись, матушка сыра земля,
«Вскройся, гробова доска,
«Распахнись-ка, бѣлъ-тонкой саванъ,
«Ты возстань, возстань, православный Царь,
«Православный нашь Царь, Иванъ Васильевичь!
«Ужь вся-то Москва на потрясъ пошла,
«Ужь всѣ-то полки во походъ пошли [2])
[«Ужь первый-то полкъ пошелъ Семеновскій,
«А другой-то полкъ пошелъ Измайловскій,
«Третій пошелъ Петропавловскій.
«Ужь всѣ-то купцы перепугалися,
«На синее моречке разбѣжалися,
«На легкія лодочки побросалися [3])].»

(Запис. П. В. Шейномъ, отъ Н. Картавенка).

* *
*

Многочисленныя разнорѣчія этой пѣсни, въ примѣненіи къ позднѣйшимъ царямъ и царицамъ, см. ниже въ другихъ выпускахъ.

Конецъ пѣсень 6-го выпуска.

---

[1]) Такъ исправляемъ вмѣсто явной опечатки: «у ко.»—[2]) Отселѣ слѣдуетъ прибавка изъ болѣе новыхъ пѣсень того же рода. —[3]) А это, о купцахъ, прибавка еще дальнѣйшая (изъ Былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соколѣ кораблѣ?).—*О.*

475732
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Цѣна 50 коп. сер.